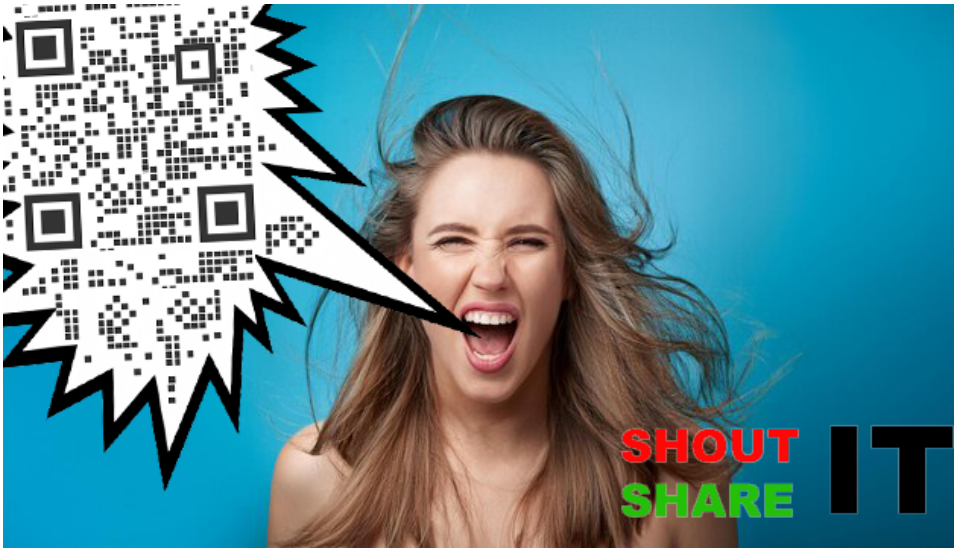
Т. ИВАНОВА

МОСКВА

В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Московский рабочий


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга рассказывает о передовой московской молодежи 30-х годов прошлого века. Московский студент Лермонтов – ее главный герой…

Главным материалом для воспроизведения образа юноши Лермонтова послужили его тетради, хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского дома Академии наук СССР. Анализ этих тетрадей дал возможность уточнить юношеский портрет поэта и содержание его произведений раннего московского периода…

Под общей редакцией профессора Н. Л. Бродского.

- Оглавление
  -
  - От автора
  - Глава первая. Лермонтов в Москве 20-30-х годов
    -
    - Лермонтов-подросток на поварской
    - Юноша Лермонтов на Малой Молчановке
    - Лермонтов – театральный зритель
  - Глава вторая. Сатира Лермонтова на старую дворянскую Москву
    - «Булевар»
    - Новогодние эпиграммы
    - Старшее поколение фамусовской москвы в годы Лермонтова
      - 1. Сенатор Башилов
      - 2. Московский почтдиректор А. Я. Булгаков и его письма
    - Быт старой дворянской Москвы в юношеских драмах Лермонтова
    - Московские маскарады
    - Молодое поколение фамусовской Москвы
      - 1. Башилов-сын
      - 2. Костя Булгаков
    - Героини мадригалов
      -
      - 1. Бартенева
      - 2. Додо
    - Эпиграммы на московских светских красавиц
    - Пушкин и юноша Лермонтов в окружении фамусовской москвы
  - Глава третья. Лето в Середникове

        -
        - А. Г. Столыпина
        - Е. А. Сушкова
        - В. А. Лопухина
    - Глава четвертая. Передовая московская молодежь 30-х годов
        -
        - Историческое формирование типа московского юноши 30-х годов
        - Московский университет – центр передовой молодежи начала 30-х годов
        - Московские воспитатели Лермонтова
            - А. З. Зиновьев
            - М. Г. Павлов
            - С. Е. Раич
        - Судьба поколения 30-х годов
    - Заключение
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69

- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113

- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157

- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201

- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245

- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289

- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333

- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377

- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383

Оглавление

Татьяна Александровна Иванова Москва в жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова

От автора

Эта книга рассказывает о передовой московской молодежи 30-х годов прошлого века. Московский студент Лермонтов – ее главный герой.

Поэзия Лермонтова близка всем, в ком живет страстный протест против деспотизма, в чьем сердце горит яркое пламя любви к Родине. «Смелость и сила чувства» привлекали к Лермонтову Ленина[1]. Действенность, «жадное желание дела, активного вмешательства в жизнь», – отмечал в Лермонтове Горький[2]. «Львиная натура», – писал о нем Белинский[3].

Подлинным патриотизмом, жаждой подвига творчество Лермонтова близко нашей героической эпохе.

Имя Лермонтова встречается в дневниках героев Великой Отечественной войны, его стихи читали на фронте и в мрачных застенках фашистских тюрем.

«Мцыри» – одно из любимых произведений Зои Космодемьянской, «Демон» – Ули Громовой.

Особенности творчества Лермонтова определяются исторической судьбой его поколения. Среда и быт Москвы 20-30-х годов служат комментарием к юношескому творчеству поэта и помогают полнее раскрыть ту реальную действительность, которая лежала в его основе.

Главным материалом для воспроизведения образа юноши Лермонтова послужили его тетради, хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского дома Академии наук СССР. Анализ этих тетрадей дал возможность уточнить юношеский портрет поэта и содержание его произведений раннего московского периода.

Приношу глубокую благодарность действительному члену Академии педагогических наук Н. Л. Бродскому за его ценные указания. Благодарю сотрудников Рукописного отдела Пушкинского дома и Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, своим внимательным отношением облегчивших мне работу над рукописями Лермонтова.

Глава первая. Лермонтов в Москве 20-30-х годов

Осенним днем 1827 года через Покровскую[4] заставу в Москву въезжал обоз. Впереди медленно двигалась большая старомодная карета. В ней сидела барыня в темном салопе и смуглый мальчик лет тринадцати. В углу кареты виднелось горбоносое лицо француза-гувернера с чахоточным румянцем на впалых щеках. Следом тянулось несколько телег с домашними пожитками, на которых разместилась дворня.

Женщина в карете была гвардии поручица Арсеньева. Она ехала в Москву из своего пензенского имения с внуком Михаилом Лермонтовым.

Обоз долго тащился по пустынным улицам, мало отличавшимся от улиц любого провинциального города средней полосы России – Пензы или даже Чембар. Но когда подъехали к Москве-реке, перед путешественниками открылась живая, яркая, величественная картина. Вдоль набережной и на мосту толпился народ, гремели экипажи, по реке сновали баркасы с высокими мачтами и разноцветными флагами, а на противоположном берегу, на горе, высился Кремль с древними зубчатыми стенами и стройными башнями.

Лермонтов ехал в Москву не в первый раз. Москва – его родина. Он родился в доме у Красных ворот[5]. Это было 13 лет назад, в 1814 году, в ночь со 2 на 3 октября[6]. Спустя несколько месяцев ребенка увезли в село Тарханы, где прошло детство поэта. Мальчика привозили в Москву, когда ему было пять лет. Москва тогда еще не успела оправиться от войны 1812 года. Рядом с ноеыми, только что отстроенными домами чернели остовы обгорелых зданий. Вдоль стен кремлевского Арсенала стояли отбитые у французов пушки.

Елизавета Алексеевна Арсеньева, бабушка и воспитательница Лермонтова, переселялась в Москву на жительство. Она везла внука учиться.

Приехав из Тархан в Москву тринадцатилетним подростком, Лермонтов уехал в Петербург восемнадцатилетним юношей. В Москве протекли годы отрочества и юности поэта.

Жизнь Лермонтова очень коротка. Он умер двадцати шести лет. Пять лет, проведенные в Москве, имели большой удельный вес в его недолгой жизни. Это были годы юношеского восприятия жизни, обостренной впечатлительности, напряженной мысли, – годы бурного роста.

Арсеньева поселилась на Сретенке, в Сергиевском переулке, у своих родных Мещериновых, а весной перебралась на Поварскую, где жила Екатерина Аркадьевна[7] Столыпина, жена ее покойного брата.

В 1829 году к Арсеньевой приехали из деревни родственники Шан-Гирей, и она перебралась в соседний дом, сняв квартиру попросторнее. Но и здесь она прожила недолго.

Весной 1830 года Елизавета Алексеевна переехала с Поварской на Малую Молчановку, в дом купчихи Черновой, у которой на Поварской жила Столыпина[8]. Владения Черновой были смежными. Они хотя и выходили на разные улицы, но соприкасались дворами.

Летом Арсеньева ездила гостить в подмосковную Столыпиных Середниково. Там собирались родные и знакомые.

Елизавета Алексеевна Арсеньева – урожденная Столыпина. Своей многочисленной родней она прочно связана со старой дворянской Москвой, нашедшей яркое воплощение в комедии Грибоедова «Горе от ума».

Алексей Емельянович Столыпин, отец Арсеньевой и прадед Лермонтова, создал себе громадное состояние винными откупами при Екатерине II. Все это богатство поглотила широкая праздная жизнь в Москве.

Друг и собутыльник Алексея Орлова, брата фаворита Екатерины, Алексей Емельянович Столыпин вместе с ним увлекался кулачными боями и разными другими потехами, но больше всего крепостным театром. Его дом в Знаменском переулке, близ Арбатской площади, был одним из центров фамусовской Москвы. Празднества и увеселения, балы, маскарады, театральные представления сменяли друг друга. Разорившись, Столыпин продал свою крепостную труппу в казну.

Район дворянской Москвы имел своеобразный характер. Тихие, поросшие зеленой травой улицы – Пречистенка, Остоженка, Поварская, Молчановка, Никитская – лежали в стороне от многолюдной торговой Москвы. Но в этих уютных с виду, утопающих в зелени домах было далеко не так мирно и спокойно, как казалось. Быт дворянских особняков строился на рабском труде. Каждая дворянская семья была окружена громадной крепостной дворней. На 14 тысяч дворян в Москве приходилось 53 тысячи слуг[9].

Фамусовская Москва жила своеобразным родовым бытом, в атмосфере сплетен и дрязг. Она представляла собой как бы одну громадную семью. Отношения внутри этой семьи были сложны и запутаны. При кастовой замкнутости дворянства выбор для браков был ограничен. В результате получалось, что почти все

между собой находились в родстве. В таком родственном окружении жила на Поварской и Молчановке Арсеньева.

Время жизни Лермонтова в Москве – мрачные годы николаевской реакции после восстания декабристов. Во многих московских особняках оплакивали далеких изгнанников. Женщины тосковали по мужьям, братьям, сыновьям, томившимся в холодной Сибири. А в мезонинах и антресолях подрастало молодое поколение, разбуженное громом пушек на Сенатской площади, младшие братья декабристов.

* * *

Днем улицы района дворянской Москвы были пусты. В полдень можно было изредка встретить детей с гувернером, которые шли на бульвар. Позже случалиось увидеть большую тяжелую карету. Запряженная четверкой, с форейтором впереди и двумя лакеями на запятках, она медленно двигалась по безлюдной улице. Молодое лицо выглядывало из-под шляпки с цветами и газовыми лентами рядом со сморщенным лицом старухи в старомодном чепце. Из будки в конце улицы появлялся охранитель порядка – будочник – и отдавал честь проходящему офицеру.

Вечером улицы оживали. В парадных комнатах с высокими потолками и большими окнами зажигались люстры. В окнах мелькали бальные туалеты, фраки светских щеголей, блестящие мундиры военных, или проносилась в вихре мазурки причудливая толпа маскарадных масок.

Музыка стихала, гасли огни. Гости разъезжались, и улицы снова становились пустынны. Ночную тишину нарушал лай собаки да стук в доску караульщика.

Лермонтов-подросток на поварской

В маленьком домике Лаухиной[10] на Поварской весной 1828 года жил тринадцатилетний мальчик, только прошлой осенью приехавший из Тархан. Он готовился в Московский университетский благородный пансион. Руководил его подготовкой приглашенный Арсеньевой надзиратель и преподаватель пансиона А. З. Зиновьев. В этом домике велись занятия, и в течение дня один учитель сменял другого. Лермонтов увлекался театром и сам лепил актеров из воска. Он много читал. У него была толстая тетрадь в голубом бархатном переплете, привезенная из Тархан. В золотом веночке – вензель «М. L.» и на нижней крышке золотом: «1826 г.». На первой странице тетради Лермонтов старательно вывел: «Разные стихотворения», он решил переписывать сюда все, что понравится.

В Москве у Лермонтова появились новые товарищи, но он продолжал поддерживать связь с друзьями детства. Мальчик писал письма в деревню с подробным описанием своих занятий и посылал подарки. Двоюродной сестре Катюше Шан-Гирей он сделал бисерный ящик.

> «Милая Тетинька, – пишет Лермонтов Марии Акимовне Шан-Гирей в Апалиху[11]. – Я думаю, что вам приятно будет узнать, что я в русской грамматике учу синтаксис и что мне дают сочинять; я к вам это пишу не для похвальбы, но собственно оттого, что вам это будет приятно; в географии я учу математическую; по небесному глобусу градусы, планеты, ход их, и пр.; прежнее учение истории мне очень помогло. – Заставьте, пожалуйста, Екима[12] рисовать контуры, мой учитель говорит, что я еще буду их рисовать с полгода; но я лучше стал рисовать; однако ж мне запрещено рисовать свое. Катюши в знак благодарности за подвязку посылаю бисерный ящик моей работы… мы сами делаем Театр, который довольно хорошо выходит, и будут восковые фигуры играть… я бы приписал к братцам здесь, Но я им напишу особливо; Катюшу же целую и благодарю за подвязку. -
>
> Прощайте, милая тетинька, целую ваши ручки; и остаюсь ваш покорный племянник.
>
> М. Лермантов»[13].

В доме майорской жены Костомаровой[14] жил Лермонтов-пансионер. Московский университетский благородный пансион считался, наравне с Царскосельским лицеем, лучшим учебным заведением России. В его стенах до Лермонтова воспитывались Фонвизин, Жуковский, Грибоедов, Чаадаев и многие декабристы.

Здание пансиона возвышалось на углу Тверской и Газетного переулка[15].

Пансион[16] имел самостоятельный от университета шестилетний курс, но связь его с университетом была самая *тесная.* Преподавали там университетские профессора. Профессор Московского университета М. Г. Павлов был инспектором пансиона. Курс русского законодательства вел Н. Н. Сандунов, маленький, желчный старичок, прежнее время служивший в сенате. Он ходил по-старинному в ботфортах и в холодное время надевал поверх форменного профессорского вицмундира суконную куртку. Сандунов отлично знал современные судебные порядки и отзывался о них очень резко.

Видное место среди профессоров занимал Д. М. Перевощиков, преподававший в старших классах математику, механику и физику. Перевощиков был в то же время директором Астрономической обсерватории, впоследствии – академиком. Он очень строго относился к своим ученикам.

У Лермонтова были блестящие математические способности. В пансионе он имел по математике высший балл. Книгу Перевощикова «Ручная математическая энциклопедия» Лермонтов долго хранил после ухода из пансиона, нередко заглядывая в нее уже в Петербурге в школе прапорщиков.

Известный переводчик, критик и поэт А. Ф. Мерзляков преподавал эстетику. Он давал Лермонтову уроки также и на дому. Когда Лермонтов был сослан за стихи «Смерть поэта», Арсеньева говорила: «Ах, зачем это я на беду свою еще брала Мерзлякова, чтоб учить Мишеньку литературе! Вот до чего он довел его».

Мерзляков любил вспоминать героические дни Отечественной войны 1812 года. «Нет силы на земле, которая бы уничтожила Москву!» – восклицал он, заканчивая свой рассказ о нашествии Наполеона.

Русскую словесность читал поэт С. Е. Раич. Он руководил литературным кружком учащихся, где читали Державина, Пушкина, Жуковского, Батюшкова. Многие пансионеры писали стихи и помещали их не только в пансионских журналах «Арион», «Улей», «Пчелка» и «Маяк», но и в журнале «Атеней», который издавал Павлов, и в журнале Раича «Еалатея». Лермонтов в пансионе написал большое количество стихотворений.

Кроме наук, преподавались искусства; Лермонтов в пансионе рисует, играет на скрипке.

Экзамены проходили в торжественной обстановке, при большом количестве приглашенных. Отчеты о них помещались в «Московских ведомостях» и «Дамском журнале».

На одном из экзаменов Лермонтов играл на скрипке аллегро из концерта Маурера, в другой раз декламировал стихотворение Жуковского «К морю».

В пансионе царил тот же вольный дух, что и в университете. Как и в университете, здесь ходили по рукам запрещенные стихи Пушкина и поэтов-декабристов. Мелко переписанные тетрадки стихов Пушкина «Ода на свободу», «Кинжал», «Деревня» и «Думы» Рылеева передавались из рук в руки и тайком переписывались.

Стихи Пушкина и Рылеева воспитывали в молодежи дух гражданственности и вольномыслия.

О «неприличном образе мыслей», который господствует в университете, а «наипаче» «в принадлежащем к оному Благородном пансионе», еще в 1826 году говорил генерал Дибич. В 1830 году о «вольнодумии» пансионеров доносит Николаю I шеф жандармов Бенкендорф: «Среди молодых людей, воспитанных за границей или иноземцами в России, а также воспитанников лицея и пансиона при Московском университете… встречаем многих, пропитанных либеральными идеями, мечтающих о революции и верящих в возможность конституционного правления в России»[17].

Лермонтов старательно учился. Он шел одним из первых. Его общая тетрадь[18], в толстом коричневом переплете, с многочисленными переводами, длинными столбцами латинских, французских и немецких слов и лекциями по истории – живой свидетель упорного труда. Ее страницы хранят следы борьбы между вдохновением поэта и долгом благонравного воспитанника. Наверху одной из страниц крупно, широким почерком написано: «Лирическая поездка». Заглавие задуманного литературного произведения.

Несмотря на то, что Лермонтову приходилось много заниматься, он находил время издавать дома рукописный журнал «Утренняя заря». Ни один из номеров этого журнала не дошел до нас.

Бабушка не захотела расставаться с внуком, и Лермонтов числился полупансионером: каждое утро он уходил в сопровождении гувернера в пансион и каждый вечер возвращался домой. Любимый гувернер Лермонтова – Иван Капэ вскоре по приезде в Москву умер от чахотки. Ему на смену явился француз, эмигрант Жандро – маленький, розовый, галантный старичок,

болтун и танцор, Лермонтов изобразил его в наставнике Сашки.

Его учитель чистый был француз.
Marquis de Tess. Педант полузабавный,
Имел он длинный нос и тонкий вкус
И потому брал деньги преисправно.
Покорный раб губернских дам и муз,
Он сочинял сонеты, хоть порою
По часу бился с рифмою одною;
Но каламбуров полный лексикон.
Как талисман, носил в карманах он
И, быв уверен в дамской благодати.
Не размышлял, что кстати, что некстати[19].

Жандро рассказывал своему воспитаннику о событиях французской буржуазной революции 1789 г., которых был свидетелем. Эмигрант Жандро не сочувствовал революции, но картины, которые он рисовал, возбуждали живой интерес Лермонтова и по-иному, по-своему преломлялись в сознании свободолюбивого подростка.

Жандро сменил строгий и чопорный англичанин Виндсон. Лермонтов читал с ним в подлиннике Байрона и Шекспира.

Он продолжал писать в деревню тетке Марии Акимовне Шан-Гирей, посвящая ее во все события домашней и пансионской жизни, рассказывал об успехах, посылал свои стихи и рисунки. «Милая Тетинька! – писал Лермонтов в декабре 1828 года. – Зная вашу любовь ко мне, я не могу медлить, чтобы обрадовать вас: экзамен кончился и вакация началась до 8-го января, следственно она будет продолжаться 3 недели». Вместе с письмом Лермонтов посылает тетке ведомость с баллами и сообщает, что перешел вторым учеником.

«Я прилагаю вам, милая тетинька, стихи, [„Поэт“] кои прошу поместить к себе в Альбом, а картинку я еще не нарисовал. На вакацию, надеюсь исполнить свое обещание.

…Остаюсь ваш покорный племянник:

М. Лермантов»[20].

В прошлом году Лермонтов, как он писал раньше, рисовал только контуры, ему запрещали рисовать свое. Он сделал за год большие успехи, и это запрещение снято. В альбоме матери, с которым он не расставался, Лермонтов нарисовал кавказский пейзаж. Последняя поездка на Горячие воды, летом 1825 года, была еще свежа в его памяти.

На Поварскую, в дом Костомаровой, приезжал отец Лермонтова, Юрий Петрович. В декабре 1828 года Лермонтов

пережив здесь немало тяжелых дней. Под одной кровлей встретились и жестоко враждовали два горячо любимых им человека: отец и бабушка.

Мать Лермонтова умерла, когда ему было три года. Семейная жизнь родителей была неблагополучной. Упорная вражда между отцом и бабушкой жестоко мучила мальчика. Его страдания усилились в Москве, где не могли не сплетничать о ссорах Арсеньевой с отцом Лермонтова.

В маленькой тетради поэта, сшитой тоненьким пестрым шнурочком, помещено стихотворение «Зачем семьи родной безвестный круг я покидал»[21]… В этом стихотворении юноша-поэт противопоставляет свое беззаботное детство в тесном кругу семьи-обществу, в которое он потом вступил. Хотя ни Тарханы, ни Москва не названы, тем не менее, совершенно очевидно, что Лермонтов имел в виду свое детство в Тарханах и переезд в Москву:

Зачем семьи родной безвестный круг
Я покидал? Все сердце грело там,
Все было мне наставник или друг,
Все верило младенческим мечтам.

«Но в общество иное я вступил», – продолжает он. Это общество, полное лжи, отравило, истерзало его душу:

Но…. для чего старалися они
Так отравить ребяческие дни?

– вот обвинение, которое Лермонтов бросает фамусовской Москве.

Лермонтов горячо любил отца. Много чувства вложено юношей в упоминание о нем в письме к тетке, написанном во время пребывания Юрия Петровича в Москве в декабре 1828 года: «Папинька сюда приехал, и вот уже 2 картины извлечены из моего portefeuille[22]…… слава богу! что такими любезными мне руками!..»[23]

В своем завещании, 28 января 1831 года, Юрий Петрович писал: «Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твое ко мне внимание, которое я мог заметить, хотя и лишен был утешения жить вместе с тобою.

Тебе известны причины моей с тобой разлуки, и я уверен, что за сие укорять меня не станешь. Я хотел сохранить тебе состояние, хотя и с самой чувствительнейшею для себя потерею, и

бог вознаградил меня, ибо вижу, что и в сердце, и в уважении твоем ко мне ничего не потерял»[24].

Ю. П. Лермонтов не имел средств, чтобы воспитывать сына так, как он воспитывался у Арсеньевой, которая, со своей стороны, грозила лишить внука наследства, если отец возьмет его к себе.

В 1831 году, уже после смерти отца, Лермонтов писал:

> Ужасная судьба отца и сына
> Жить розно и в разлуке умереть…
> Не мне судить, виновен ты иль нет –
> Ты светом осужден? но что такое свет?
> Толпа людей, то злых, то благосклонных,
> Собрание похвал незаслуженных,
> И стольких же насмешливых клевет[25]. –

В светском обществе Москвы, при фамусовской оценке человеческого достоинства с точки зрения чинов и количества крепостных душ, имя Юрия Петровича не могло произноситься с уважением: он был и небогат, и нечиновен. В московских гостиных отец Лермонтова был чужой.

* * *

В доме Столыпиных на Поварской всегда толпится молодежь. У Екатерины Аркадьевны было двое детей от второго брака с Дмитрием Алексеевичем Столыпиным: дочь и сын, на два года моложе Лермонтова, и дочь от первого брака – Полина Воейкова.

В том же доме жила сестра Столыпиной Верещагина с дочерью Alexandrine, или Сашенькой. Здесь же квартировали Бахметевы. Веселая, остроумная, легко меняющая свои увлечения, Софья Александровна Бахметева, хоть и значительно старше Лермонтова, была его приятельницей. Позднее, студентом, Лермонтов в шутку звал ее «Ваше атмосферичество». Студенческую компанию Лермонтова Софья Александровна называла «bande joyeuse» – «веселая ватага».

Столыпина приглашала известного учителя танцев Иогеля давать уроки у себя на дому[26]. На уроки собирались дети многочисленной столыпинской родни, знакомых, соседей по имению. Молодежь любила детские балы у Столыпиных. На этих балах появлялся смуглый мальчик, с неправильными чертами еще не утратившего детскую округлость лица. Широкоплечий, слегка коренастый, он в то же время был очень ловок и прекрасно

танцовал, хотя в его манерах и сохранялась еще некоторая угловатость, свойственная переходному возрасту.

Мелко исписанные, измятые листки бумаги со стихами Лермонтова передавались из рук в руки. Эти стихи были хорошо знакомы обитательницам Поварской, Молчановки, Арбата. Многие попадали потом в их альбомы.

Образ подростка и юноши Лермонтова живо встает со страниц его творческих тетрадей. Пожелтевшие от времени, они помогают шаг за шагом проследить, как рос и развивался поэт.

Черновые наброски лирических стихотворений, философские размышления в стихах, послание к другу, объяснение с любимой девушкой – все это в юношеских тетрадях Лермонтова следует сплошным потоком, чередуясь с замыслами драматических произведений, отрывками неоконченных поэм, прозаическими записями. Иногда он делает приписки к стихам, поясняя, когда, где и по какому поводу они написаны[27]. Одни из этих пометок сделаны одновременно с заполнением тетради, другие значительно позднее.

При издании сочинений поэта юношеское творчество Лермонтова обычно разделяется по жанрам, а заметки к стихам переносятся в конец книги, в комментарии. Живой биографический строй тетради, таким образом, нарушается.

Внимательное чтение тетрадей – одну за другой, страница за страницей, как они заполнялись Лермонтовым, дает представление о постепенном формировании его, как человека и поэта.

Всего сохранилось 16 творческих тетрадей юного Лермонтова. За небольшим исключением, все они находятся в Рукописном отделе Пушкинского дома в Ленинграде. Датировка тетрадей устанавливается на основании помет самого автора[28]. К сожалению, далеко не все тетради Лермонтова дошли до нас. Тем не менее, подробный анализ оставшихся тетрадей поэта дает возможность установить основные вехи его развития.

Юношеские тетради Лермонтова сделаны из прекрасной, плотной бумаги. Некоторые – в голубых обложках. К этому цвету юноша-поэт испытывал, видимо, особое пристрастие. Все тетради самодельные, сшиты толстыми белыми нитками.

Тетради двух размеров: большие, в полный лист, и маленькие, размера обычной школьной тетради. Темно голубая тонкая глянцевая бумага наклеена на толстую белую, из которой сделана тетрадь. Это очень хорошо видно там, где отклеился уголок или отошел корешок. На обложках кое-где бурые пятна от клея, небольшие чернильные пятна.

В юношеских тетрадях Лермонтова почти отсутствуют

рисунки. Есть несколько портретных зарисовок в тетрадях 1830-1831 годов, они наперечет:

Для характеристики Лермонтова-пансионера, того подростка, который жил на Поварской, служит тетрадь 1829 года[29]. Она хорошо сохранилась. У нее есть титульный лист и голубая обложка. Стихи пронумерованы, заглавия старательно выписаны и нередко украшены виньетками.

Автор всей душой предан своим друзьям:

Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть…

Рассуждения на моральные темы в стихотворной форме чередуются с резкой критикой современной действительности. Тетрадь свидетельствует о знакомстве поэта с литературной жизнью Москвы. С начала до конца ощущается присутствие Пушкина – кумира передовой молодежи. Тема искусства, вдохновения в романтическом понимании, характерном для журналов того времени, – центральная тема тетради.

Эта тема переплетается с мотивами любви и дружбы. Элегический тон и налет меланхолии типичны для стихов тетради. Встречаются мифологические сюжеты. Рядом с романтическими настроениями здесь еще можно найти пережитки классицизма. Уже намечается тот душевный разлад, тот отроческий кризис в поисках нового мировоззрения, который обострится в следующем году.

Тетрадь заполнялась летом 1829 года в Середникове.

Когда Лермонтов начал писать стихи, то по его собственному признанию, сделанному весной 1830 года, он «как бы по инстинкту переписывал и прибирал их»[30]. Из этих переписанных и «прибранных» стихов был создан летом 1829 года рукописный сборник.

К созданию такого сборника Лермонтов был вполне подготовлен предшествующим учебным годом. Зимой юноша подавал свои сочинения учителю русского языка Дубенскому и, вероятно, читал свои стихи в кружке Раича. Стихи Лермонтова были известны и за стенами пансиона. Один из современников рассказывает, что еще студентом читал стихи Лермонтова. Имя Лермонтова он встречал в рукописных пансионских журналах «под стихами, запечатленными живыми поэтическими чувствами» и нередко «зрелой мыслью не по летам»[31]. Каникулы в пансионе начинались в июле. В объявлении от Московского университетского благородного пансиона сообщалось, что «во время вакаций, т. е., начиная с 1-го июля по 15-е августа, по

причине жарких дней, [воспитанники] не будут учиться наукам, а займутся языками: французским, немецким и английским и искусствами: чистым письмом, живописью, музыкою, танцованьем и военной экзерциемю. Если кому из родителей и родственников заблагорассудится взять воспитанника в деревню на сие время, то это не прежде можно сделать как в первых числах июля, дабы не прерывать связи и порядка в учении»[32].

Таким образом, Арсеньева с внуком могла переехать в Середниково не раньше начала июля.

В первых числах июля в книжных лавках Москвы появилась небольшая книжка под заглавием «Стихотворения Пушкина». Это была вторая часть издания 1829 года; первая вышла немного раньше, в конце мая. Выход в свет каждой новой книги Пушкина был для Лермонтова событием. С только что вышедшим томом «Стихотворений Пушкина» Лермонтов приезжает на вакации в Середниково и, вероятно, по примеру Пушкина, создает свой собственный рукописный сборник стихов.

На титульном листе он старательно выводит: «Мелкие стихотворения. Москва в 1829 году». Словом «мелкие» Лермонтов подчеркивал, что в его сборник не вошли крупные произведения. Лермонтов делает композицию титульного листа, похожую на композицию пушкинского, также нумерует стихи и первое стихотворение посвящает, как и Пушкин, своему другу. Первое стихотворение в сборнике Пушкина – «Андрею Шенье»-посвящено Н. Н. Р.[33]Лермонтов на первой странице помещает стихи с надписью «Посвящение. N. N.» – тоже обращенное к другу.

Темы поэта, славы, любви и дружбы в рукописном сборнике Лермонтова занимают такое же место и даются в той же трактовке, как у Пушкина.

В приписках к стихотворениям Лермонтов упоминает несколько человек, которые в то время играли роль в его жизни. Он называет фамилии двух пансионских товарищей и преподавателя Раича.

Центральной в сборнике является тема поэта в романтической трактовке. Поэт – «жрец искусства». Вдохновение – «дар неба», «божественный огонь», которым поэт-гений отличается от остальных людей. Мысли о высоком назначении поэта часто встречаются в журналах второй половины 20-х годов и особенно ярко выражены в «Московском вестнике». Поэту – жрецу искусства – посвящено немало стихотворений Пушкина. В его сборник 1829 года включены такие стихи, как «Поэт», «Пророк», «Чернь», «Козлову». В 1829 году вышел, сборник стихотворений Веневитинова, где развивалась та же тема.

Образ поэта в юношеской тетради Лермонтова очень близок к

ее лирическому герою. Поэт «возвышенный, но юный», который поет любовь и славу героям, – это он сам, юноша Лермонтов.

Тетрадь начинается с посвящения пансионскому товарищу Сабурову. Стихотворение чуждо духу и направлению всего лермонтовского творчества в целом, но в то же время очень характерно для мальчика Лермонтова – воспитанника пансиона.

Совершенно в духе пансионской морали первое стихотворение рукописного сборника Лермонтова «Посвящение. N. N.»:

Я знаю все: ты ветрен, безрассуден,
И ложный друг уж в сеть тебя завлек;
Но вспоминай, что путь ко счастью труден
От той страны, где царствует порок!..[34]

В заключение он использовал понравившиеся ему строки из стихотворения Пушкина «Коварность», напечатанного в мартовском номере «Московского вестника» за 1828 год и потом в 1-й части «Стихотворений Пушкина» 1829 года:

И он прочел в немой душе твоей
Все тайное своим печальным взором, –
Тогда ступай, не трать пустых речей –
Ты осужден последним приговором.

Лермонтов усиливает пушкинскую тональность, сгущает краски в сторону мелодраматизма и спокойное пушкинское «ступай» заменяет словом «беги»[35].

Стихи, помещенные в тетради, говорят о занятиях Лермонтова в кружке С. Е. Раича.

Батюшков – его любимый поэт. На сборнике общества Раича «Новые Аониды» был эпиграф из Батюшкова, а последнее стихотворение Раича носило название «Цветок на гроб Батюшкова». Стихотворения в тетради Лермонтова 1829 года свидетельствуют о том, что он находится в этот период под впечатлением Батюшкова.

Лермонтов много пишет о друзьях и о дружбе. Второе стихотворение рукописного сборника «Пир»:

Приди ко мне, любезный друг,
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций[36].

– Стихотворение представляет собой дружеское послание типа «Моих пенатов» Батюшкова. Юный поэт приглашает друга на лоно природы. Здесь тот же культ сельской тишины и уединения, простоты деревенского быта, те же образы древней мифологии на фоне русской жизни, та же излюбленная батюшковская рифмовка «акаций» – «граций», которую мы встречаем не только у самого Батюшкова, но и у Раича и его друзей.

> Пускай и в сединах, но с бодрою душой,
> Беспечен, как дитя всегда беспечных Граций,
> Он некогда придет вздохнуть в сени густой
> Своих черемух и акаций.
> Батюшков. «Беседка муз»[37]

– Другим любимым поэтом Раича был Жуковский, меланхолический тон поэзии которого присущ и стихам Раича. Жуковский тесно связан с литературной традицией пансиона. Поэт окончил Московский университетский пансион и был первым председателем его литературного общества. На стихотворениях тетради Лермонтова пансионского периода лежит отпечаток внимательного чтения Жуковского.

Одно из стихотворений сборника посвящено греческому богу Пану. Стихотворение «Пан» выражает литературные интересы Лермонтова-пансионера, явившиеся результатом как занятий в кружке Раича, так и уроков Мерзлякова. «Пан» перекликается с «Музой» Пушкина, – стихами, которые Пушкин любил за то, что они, по его собственному выражению, «отзываются стихами Батюшкова». Пан учит юношу Лермонтова играть на свирели, как муза учит Пушкина. «Муза» была помещена в разделе «Подражания древним»[38], к «Пану» Лермонтов делает приписку: «в древнем роде».

На развороте листа, прямо напротив «Пана», расположено стихотворение «Жалобы турка». Стихотворение свидетельствует о том, что юноша Лермонтов уже к лету 1829 года хорошо понимал всю тяжесть политического и социального гнета в современной ему России:

> Там стонет человек от рабства и цепей!..
> Друг! этот край….. моя отчизна!

Помещая стихотворение, с острым политическим

содержанием в тетрадь, предназначенную для чтения среди родных и знакомых, Лермонтов прибегает к маскировке и переносит действие в Турцию. В то время в сборниках и журналах печаталось много статей, где говорилось о политическом гнете, о варварстве и рабстве в Турции. Сама литературная форма («Письмо. К другу, иностранцу») могла быть подсказана статьей в «Галатее» под заглавием «Письмо к другу за границу»[39]. В конце юноша-поэт прибавляет четыре строки, в которых делает намек на вынужденную маскировку и помогает читателю понять истинный смысл стихотворения:

Ах! если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки; –
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? – все мы человеки!..[40]

Насколько хорошо был знаком Лермонтов с творчеством поэта-декабриста Рылеева, свидетельствуют его стихи, обращенные к пансионскому товарищу Дурнову. Они не включены в эту тетрадь.

Я пробегал страны России,
Как бедный странник меж людей,
Везде шипят коварства змии:
Я думал: в свете нет друзей! –
Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незванный,
И вновь мне возвратил покой![41]

Стихи Лермонтова написаны под непосредственным впечатлением поэзии Рылеева. Посвящая поэму «Войнаровский» своему другу А. А. Бестужеву, К. Ф. Рылеев писал:

Как странник грустной, одинокой,
В степях Аравии пустой,
Из края в край с тоской глубокой
Бродил я в мире сиротой.
Уж к людям холод ненавистной
Приметно в душу проникал
И я в безумии дерзал
Не верить дружбе бескорыстной.
Незапно ты явился мне:

Повязка с глаз моих упала;
Я разуверился вполне,
И вновь в небесной вышине
Звезда надежды засияла[42].

В этой Тетради Лермонтова имеет свое начало обличительная линия его творчества. В ряде эпиграмм и в стихотворении «Два сокола» есть элементы критики современного общества.

В конце тетради мы можем наблюдать зарождение образа демона.

В стихотворении «Ответ» Лермонтов говорит о разочаровании. Герой стихотворения – предельно разочарованный человек:

Он любит мрак уединенья,
Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой[43].

И далее, через две страницы, следует стихотворение «Мой демон». В этом стихотворении мы впервые встречаем образ демона у Лермонтова. Автор тетради трактует его «как собрание зол». Образ демона дан в духе романтизма 20-х годов XIX века. В нем все преувеличено и нет ничего роднящего его с людьми.

Последнее стихотворение тетради, как и первое, обращено к другу. Но эти два стихотворения очень различны по своему содержанию.

Первое – проповедь холодной морали, последнее – выражение горячей любви к земле, со всеми ее радостями и печалями, со всеми бурями и страстями:

И я к высокому, в порыве дум живых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их…[44]

Так подытоживает юноша свой пройденный путь.

Содержание следующей сохранившейся тетради Лермонтова относится ко второму пансионскому учебному году, к осени и зиме 1829-1830 годов[45]. Мы находим в ней продолжение того процесса идейного и психологического развития юноши Лермонтова, один из моментов которого мы наблюдали на

страницах предшествующей тетради, показавшей нам его таким, каким он был летом 1829 года.

Тетрадь небольшая, без обложки.

Первое лирическое стихотворение «Элегия» начинает собой тему разочарования, которая выражается в ряде стихотворений и достигает своей кульминации в стихотворении «Монолог». Этому произведению уделено особое внимание. Оно занимает всю страницу, сверху донизу, и заканчивается виньеткой. Видно, что Лермонтов придает ему большое значение. В стихотворении «Монолог» разочарованность выходит из личного плана и приобретает общественное звучание, как вопль поколения, обреченного на бездействие:

К чему глубокие познанья, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем.

Эта тема; перейдя в социальный план, получает политическую мотивировку:

И душно кажется на родине,
И сердцу тяжко, и душа тоскует….[46]

Через девять лет мотив «Монолога» будет продолжен и развит в «Думе».

После переводов из Шиллера следует набело переписанное стихотворение «Молитва». В этом стихотворении есть одна поправка, характерная для юноши Лермонтова, Он ищет более сильных и иезаштампованных выражений: «жадный» взор он исправляет на «голодный».

Стихотворение «Молитва» развивает мысль, которой закончилась предшествующая тетрадь, – мысль о любви к земле. Обращаясь к богу, поэт просит не карать его за то, что он любит землю со всеми ее страстями, что его ум бродит в мучительных поисках истины, а в груди «клокочет» «лава вдохновенья». Освободившись от всех грешных желаний, он обещает вернуться на «тесный путь спасенья».

Этим стихотворением заканчивается лирическая часть тетради, и дальше мы видим рождение эпического героя.

Тетрадь завершается тремя поэмами: «Демон», «Олег», «Два брата». Каждая выражает одну из тем юношеской лирики Лермонтова.

В «Олеге» – жажда деятельности, тоска по борьбе:

Ах, было время, время боев
На милой нашей стороне[47]-

Первый очерк «Демона» непосредственно следует за «Молитвой». Он без заглавия. Написан быстрым нервным почерком, как пишут, когда, наконец, выливается то, что давно накопилось, но никак не могло найти себе выражения.

Печальный демон, дух изгнанья, –

так начинается поэма.

Мрачный демон лирического стихотворения предшествующей тетради превратился в печального духа изгнания. Он летает над грешной землей и тоскует, как тоскуют люди. Этот образ изгнанника небес – ответ на лирическое обращение поэта к богу:

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю…

Наконец, в поэме «Два брата» – земные радости, человеческие страсти. Поэма набело переписана Лермонтовым, а на полях, почерком взрослого человека, отчетливо выведено: «Contre la morale»[48].

Воспитателю Лермонтова кажется, что мальчик перестал быть благонравным. Он вышел из круга предначертанных понятий и отправился в самостоятельные поиски истины.

Юноша Лермонтов на Малой Молчановке

«Так жизнь скучна, когда боренья нет».

Лермонтов.

На Малой Молчановке, между двумя большими пятиэтажными домами, приютился маленький деревянный домик с мезонином[49]. В этом доме в начале 30-х годов жила гвардии поручица Арсеньева с внуком – студентом Лермонтовым. Арсеньева переехала сюда весной 1830 года, когда Лермонтов ушел из пансиона.

На улицу выходило девять окон; два окна слева и дверь направо пристроены позднее. Вход в дом при Лермонтове был со двора, как это часто можно встретить в старых особняках. В доме было семь комнат: пять внизу, две в мезонине[50]. Через окно со двора еще теперь можно разглядеть шаткую узкую лестницу с тонкими ветхими перильцами. По этой лестнице взбегал к себе в мезонин студент Лермонтов.

В самом ближайшем соседстве жили его друзья Лопухины[51] и Поливановы[52].

Лопухины приходились Арсеньевой сродни, и Лермонтов был в доме как свой.

Семья была большая. Сын Алексей – ровесник Лермонтова.

В толпе огромной дворни выделялся величественный и мрачный арап. Его звали Ахил.

Старшую Лопухину, Марию Александровну, Лермонтов, вместе с Александрой Михайловной Верещагиной, называл «наперстницами» своих «юношеских мечтаний», он ничего не скрывал от них. Младшая, Варенька, – любовь поэта.

Алексей Лопухин, студент Московского университета – близкий друг Лермонтова. В комнате Алексея юноши проводили вместе целые вечера, засиживаясь далеко за полночь.

Однажды поздно вечером сидели над трудной задачей, которую не мог решить даже Лермонтов. Заснув над задачей, Лермонтов увидел сон. К нему будто бы явился его легендарный испанский предок Лерма и объяснил ему, как решить задачу. Проснувшись, Лермонтов нарисовал на стене его портрет. Портрет оказался очень похож на самого художника. Когда Лермонтов уехал в Петербург, портрет был уничтожен во время ремонта. Алексей и другие члены семьи были очень огорчены. Чтобы утешить их, Лермонтов написал такой же на холсте маслом и прислал в Москву Лопухиным.

С Марией Александровной и с Алексеем он переписывался. В этих письмах он иногда подписывался «Ваш Лерма» и свою фамилию часто писал через «а» – «Лермантов», производя ее от имени своего легендарного предка. Так же писала свою фамилию и его мать. Под стихами в ее альбоме подпись: «Marie de Lermantoff»[53].

На Большой Молчановке, ближе к Арбатской площади, на противоположной стороне от дома Лопухиных, жили Поливановы. Поливанов – тайный советник, один из московских тузов.

У Поливановых Лермонтов мог слышать рассказы о подвигах их родственника героя Отечественной войны 1812 года знаменитого партизана Дениса Давыдова. Не исключена возможность, что он и встречался с ним.

Семья Поливановых, как и семья Лопухиных, тоже была не маленькая. Между Лермонтовым и старшим сыном Поливановых Николаем были очень близкие, дружеские отношения. Лермонтов поверял ему свои самые интимные, сердечные дела. «Протяни руку и думай, что она встречает мою», – пишет он другу летом 1831 года.

Отец Поливанова был недоволен дружбой сына с кружком Лермонтова. С точки зрения старой дворянской Москвы эти юноши были заражены «вредным вольнодумством».

23 марта 1831 года Лермонтов поздно засиделся у Поливанова. Вместе со своим другом он тревожился за последствия, которые могла иметь для него одна студенческая история.

На нравственно-политическом отделении читал лекции профессор Малов, человек тупой и невежественный, грубо обращавшийся со студентами. Они решили прогнать его из аудитории. На подмогу пришли товарищи с других отделений. После первой грубости профессора начался крик, свист. Студенты гурьбой проводили Малова через университетский двор и выбросили на улицу его калоши.

Университетское начальство поступило очень тактично. Оно представило царю дело законченным и тем спасло студентов. Николай I, по своему обыкновению, мог усмотреть здесь бунт или заговор, и студентам за ребяческую шалость грозила тюрьма.

Зачинщики, среди которых был Герцен, отбывали наказание в карцере, куда их посадило пансионское начальство и куда товарищи приносили им тайком угощенье. Лермонтов, который тоже принимал участие в «маловской истории», ждал для себя строгого наказания, вплоть до ссылки. Ночью 23 марта 1831 года в комнате своего друга, во флигеле дома Поливановых на Молчановке, он писал:

Послушай! вспомни обо мне.
Когда законом осужденный
В чужой я буду стороне –
Изгнанник мрачный и презренный. –
И будешь ты когда-нибудь
Один, в бессонный час полночи,
Сидеть с свечой…. и тайно грудь
Вздохнет – и вдруг заплачут очи;
И молвишь ты: когда-то он,
Здесь, в это самое мгновенье,
Сидел тоскою удручён
И ждал судьбы своей решенье! –

Поливанов сделал приписку о том, что стихи написаны ночью, в его комнате, когда Лермонтов «вследствие какой-то университетской шалости», *«ожидал строгого наказания»*[54].

Написав стихи, вероятно, на первом попавшемся клочке бумаги, как он это делал обычно, Лермонтов потом старательно переписал их в альбом другу.

Альбом Поливанова – в зеленом сафьяновом переплете, с золотым обрезом и зелеными муаровыми форзацами. Посредине золотом сделанная надпись: «Souvenir»[55].

Этот нарядный сафьяновый альбом[56] неотделим от быта дворянских особняков Поварской и Молчановки. Из комнаты Николая Поливанова он часто попадал вниз, в гостиную, и рисунок корзины с розами на его странице мог быть сделан с натуры в одной из комнат дома.

Альбом – постоянный спутник, свидетель событий повседневной жизни, дружеских ночных бесед и товарищеских пирушек. Стихи писались в альбом на разные случаи и снабжались приписками, когда, где, по какому поводу они написаны. В альбоме мелькают имена родных, друзей и просто знакомых. Этот альбом любили сестры Поливанова – Sophie и Barbe[57]. Они писали брату стихи, рисовали и наклеивали картинки, засушивали цветы.

* * *

Зимнее утро. Двор покрыт пушистым снегом. Узкая дорожка протоптана к калитке. По ней идет дворник в тулупе и рукавицах, с лопатой. Он отгребает снег от ворот. На двор медленно въезжают нагруженные розвальни, потом другие, еще и еще. Обоз

с провизией приехал из Тархан. На дворе начинаются крики и беготня. Тащат мешки с мукой, несут мороженых кур, гусей, индеек, громадные бутыли с наливкой, банки с соленьями и вареньями.

Обоз разгружен. Усталые лошади пофыркивают в конюшне. Снег на дворе притоптан. Валяется неубранный навоз, клоки сена, напорошено соломой.

Вечереет. Загораются огни. Через сени, кухню, девичью, по деревянной лестнице с перильцами можно подняться в мезонин.

Темный, узкий коридорчик с низенькими дверцами – одна из них в комнату, где живет Лермонтов. В комнате мезонина низкий потолок, маленькие окна. Здесь стоит деревянная кровать, письменный стол, шкаф с книгами. Глобус, рядом карта, над диваном несколько гравюр.

Среди книг, выстроившихся на полке, – «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» Пушкина, альманах «Полярная звезда» на 1825 год, издаваемый Бестужевым и Рылеевым, с отрывком из «Братьев разбойников», семь глав «Евгения Онегина», выходивших отдельными книгами с 1825 по 1830 год. Другая полка туго набита синими книжками журнала «Московский вестник». Много книг на иностранных языках: толстый том Байрона, «Гамлет» Шекспира, «Разбойники» Шиллера, сочинения Шеллинга.

На столе брошены конспекты лекций отделения словесных наук при Московском университете. На диване – только что полученный, еще не разрезанный номер «Московского телеграфа».

На письменном столе, рядом с чернильницей, песочница, служащая вместо пресс-папье, гусиное перо и несколько тетрадей.

Лермонтов, одетый в темный двубортный сюртук, взволнованно ходит по комнате. Перед ним на стуле у дверей сидит его кормилица Лукерья Алексеевна. Она сегодня приехала с обозом из Тархан повидаться с Мишей.

Лукерья Алексеевна рассказывает о зверствах соседки помещицы. Негодование кипит в душе молодого поэта: «Люди! люди! и до такой степени злодейства доходит женщина, творение иногда столь близкое к ангелу… о! проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство – все куплено кровавыми слезами».

В комнате молодежь. У Лермонтова – его друзья. Он только что сообщил им рассказ кормилицы. Молодежь негодует:

«Несчастные мужики! что за жизнь, когда я каждую минуту в опасности потерять все, что имею, и попасть в руки палачей!»[58]

Кто-то удивляется, почему жестокую помещицу не привлекут к суду. И тут же слышит ответ:

«Где защитники у бедных людей? – У барыни же все судьи подкуплены» их же «оброком»[59].

Комната опустела. Друзья разошлись. Лермонтов в комнате один. Он думает о страшной судьбе своей родной страны, о декабристах, томящихся в рудниках Сибири, о рабстве народа.

«Так жизнь скучна, когда боренья нет».

* * *

В 1830 году, в год переезда с Поварской на Малую Молчановку, Лермонтов вступил в тот период, когда детское, наивное восприятие жизни кончилось, вставали неразрешимые вопросы, начинались мучительные поиски мировоззрения.

Темные силы реакции сковывали все молодое, свежее, живое и обрекали молодежь на бездеятельность. За малейшее проявление вольномыслия грозила ссылка на Кавказ под пули горцев или в Сибирь на каторжные работы. Поэтическая пропаганда прав человеческой личности стала единственной формой борьбы за свободу.

Кризис отроческого сознания Лермонтова осложнялся также переломом в его личной жизни.

В апреле 1830 года Лермонтов ушел из пансиона, после того как указом от 29 марта это учебное заведение было лишено своих исконных привилегий. Реорганизация пансиона произошла в результате посещения его царем. Николай I побывал в пансионе инкогнито и остался недоволен порядками, далекими от его идеала – казармы.

Уход Лермонтова из пансиона был, в известной степени, актом протеста.

Тетради 1830 года вводят нас в круг философских исканий Лермонтова периода его отрочества, в мир его мечтаний о героическом будущем и, одновременно, предчувствий трагического конца.

От 1830 года сохранилось семь тетрадей. Две из них с драмами «Испанцы» и «Menschen und Leidenschaften» и одна с поэмой «Последний сын вольности». Четыре тетради[60] охватывают период с весны до зимы 1830 года. Тетрадь с драмой «Menschen und Leidenschaften»[61] датирована 1830 годом без указания месяца. Поэма «Последний сын вольности» хотя и не датирована Лермонтовым, но по окончании ее в тетради помещено стихотворение, написанное в 1830 году.

Все эти тетради свидетельствуют о чрезвычайно напряженной умственной деятельности Лермонтова. Они говорят о том, что 1830 год был особенно важным моментом в процессе его формирования.

В 1830 году юноша-поэт ведет в своем творчестве энергичную борьбу за права человеческой личности и выступает против крепостного права.

В лирике Лермонтова уже слышно звучание революционной гражданской и героической тематики. 1830 год был годом нарастания крестьянских волнений в России и революционного движения в Западной Европе.

Дворянские революционеры-декабристы были далеки от народа. Отсутствие народных масс в восстании 14 декабря и обрекло его на неудачу. Современная Лермонтову передовая молодежь шла по пути, завещанному декабристами, и так же, как они, не понимала, что без народа не может быть подлинной революции.

Крестьянские восстания 30-х годов приковывали внимание юноши Лермонтова и заставляли его задумываться над ролью народа в революционном движении.

Самая ранняя по времени тетрадь[62], как о том свидетельствует приписка Лермонтова на первой странице, относится к весне 1830 года. Маленькая тетрадка без обложки почти вся заполнена поэмой «Джюлио», и только в конце последнего листа и на его обороте помещены две прозаические записи дневникового характера и одно лирическое стихотворение.

В лирическое отступление поэмы юноша Лермонтов вводит лейтмотив своих переживаний, дав им предельно четкую и лаконическую формулировку: «Так жизнь скучна, когда боренья нет».

Заглавие поэмы взято из № 1 журнала «Московский вестник» за 1827 год, где была помещена повесть «Джюлио (Повесть, рассказанная Наполеоном Буонапарте)». Лермонтов, по свойственной ему привычке, варьирует заглавие: «Я слышал этот рассказ от одного путешественника».

Дневниковая запись в самом конце тетради типична для юноши 30-х годов: «Музыка моего сердца была совсем расстроена нынче. Ни одного звука не мог я извлечь из скрипки, из фортепиано, чтобы они не возмутили моего слуха».

Лермонтов – талантливый музыкант. У него была исключительная музыкальная память. Он любил распевать арии из оперы Россини «Семирамида». На тихую зеленую улицу, в открытое окно, неслись иногда бурные звуки увертюры из оперы

«Немая из Портичи», которую Лермонтов играл на фортепиано[63]. Это была опера с революционным содержанием. Ее постановка в Брюсселе в 1830 году как бы послужила сигналом к восстанию. В России она была допущена на сцену в измененном виде и под заглавием «Фенелла».

Содержание следующей по времени тетради[64] относится к началу весны и лету 1830 года.

Тетрадь размера обычной ученической, без обложки, исписана выцветшими чернилами. Она состоит из 35 листов. На первой странице, сверху, надпись: «Разные стихотворения», и под строкой, посредине, подпись: «1830 год».

Тетрадь беловая. Лермонтов переносил в нее стихотворения, написанные в другом месте. Поэтому хронологическая последовательность в ней отсутствует. Так, например, после стихотворения, написанного в конце лета, перед отъездом из Середникова, следует стихотворение с датой 16 мая. В то же время бывали случаи, когда тетрадь служила черновиком и стихотворения писались в нее непосредственно. Местами такие черновые записи идут друг за другом, и тетрадь превращается в поэтический дневник. В своих приписках к заглавиям Лермонтов нередко указывает, когда стихотворение написано, при каких условиях, где и что послужило поводом.

Литературное содержание тетради многообразно. Лирические стихотворения и дневниковые записи чередуются с сюжетами драматических произведений и набросками отдельных сцен. Основная тема драматических замыслов – ценность человеческой личности, независимо от знатности и богатства. Мы находим в ней штрихи для характеристики Лермонтова – то, что свидетельствует о его вкусах и привычках, те детали, без которых нельзя воссоздать человеческую личность.

Еще зимой воспитатель Лермонтова отметил на полях его тетради, что юноша-поэт в своем творчестве стал отступать от установленной морали. Новая тетрадь начинается с рассуждений об относительности понятий добра и зла:

> Поверь: великое – земное
> Различно с мыслями людей.
> Сверши с успехом дело злое –
> Велик; не удалось – злодей…[65]

Тему относительности понятий добра и зла Лермонтов разрабатывает и в драме «Испанцы», которую он начал в той же тетради. В черновом прозаическом отрывке на одной из страниц идут рассуждения о бессмысленности человеческого

существования, которые Лермонтов использует в драме «Menschen und Leidenschaften»; «человеческий род» – зачеркнуто и сверху надписано: «природа» – «подобна печи, откуда вылетают искры. Природа производит иных умнее, других глупее; одни известны, другие неизвестны. Из печи вылетают искры одни больше, другие темнее, одни долго, другие мгновенье светят; но все-таки они погаснут и исчезнут без следа; подобно им последуют другие так же без последствий, пока печь погаснет сама: тогда весь пепел соберут в кучу и выбросят; так и с нами»[66].

В лирических стихотворениях тетради Лермонтов постоянно касается проблемы жизни и смерти.

В лирическом плане продолжает развиваться тема демона.

К заглавию стихотворения К*** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья…») сделана приписка: *«(прочитав жизнь Байрона (Муром)»*[67]. В судьбе Байрона Лермонтова прежде всего привлекает его борьба за освобождение Греции. Лето в Середникове юноша-поэт живет в героических мечтах и не раз возвращается к мыслям о Байроне, сопоставляя свою и его судьбу.

Весной 1832 года Лермонтов с чувством национальной гордости резко подчеркнул свое отличие от Байрона, отчетливо выразил мысль о своей самобытности:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою, душой[68].

Юноша-поэт горячо сочувствует всем народам, борющимся за свободу и национальную независимость. На одной из страниц тетради он выражает свои симпатии народам Кавказа в их борьбе с русским царизмом:

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..[69]

Рядом, на развороте, в стихотворении «Утро на Кавказе» Лермонтов делает реалистический и художественный набросок кавказского пейзажа. В нем все еще живы детские воспоминания Кавказа.

Под впечатлением нарастающей волны крестьянских

восстаний Лермонтов рисует картину народной революции в России:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь…[70]

Эта картина не пугает юного Лермонтова, хотя его семьи и коснулась одна из вспышек народного восстания. Летом 1830 года, во время холерного бунта, в Севастополе был убит дед Лермонтова – Н. А. Столыпин. Вождя восставшего, обуреваемого справедливой местью народа он рисует в виде романтического героя, «мощного человека» с «возвышенным челом» и «булатным ножом» в руках. Это стихотворение Лермонтов называет «(Предсказание)» и делает к нему приписку: «(это мечта)».

И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

В самый трудный для Лермонтова период ломки старого в его сознании уже намечается оптимистическое решение – победа жизни. «Люблю мучения земли», – пишет Лермонтов 16 мая, а вернувшись из Середникова, набело переписывает это стихотворение в свою тетрадь. Он верит, что страдания его поколения должны подготовить почву для счастья грядущего человечества. Недетская мудрость слышится в этих строчках шестнадцатилетнего подростка:

Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам[71].

В июле 1830 года Лермонтов приезжал в Москву. Свою тетрадь он оставил в Середникове и в Москве сделал новую. Он взял несколько листов бумаги и скрепил их тоненькими пестрыми шнурочками[72].

Тетрадь насыщена гражданской и революционной тематикой. В этой маленькой тетради находятся такие стихотворения, как «Песнь барда» и «10 июля. (1830)» («Опять вы, гордые, восстали…»). Эти два стихотворения непосредственно следуют одно за другим. «Песнь барда» помещена на развороте со стихотворением «Булевар» – сатирой на светское общество Москвы. Прозаическое вступление К «Булевару» с пожеланием, чтобы «перо в палку обратилось», очень сильно звучит рядом с гражданской темой стихотворения «Песнь барда». В этом стихотворении поэт рисует образ старика-певца, который, вернувшись на родину и застав ее в руках поработителей, разбивает в отчаянии свои гусли. Стихотворение является лирической вариацией замысла, нашедшего свое воплощение в поэме «Последний сын вольности».

Старик-бард сменил юношу-певца. Певец превратился из юноши в старца, потому что сам Лермонтов мечтает теперь о том, чтобы совершать подвиги, и уже не удовлетворяется тем, чтобы воспевать их.

Дальнейшее развитие революционной и гражданской тематики мы наблюдаем в тетради, относящейся к осени 1830 года[73]. В этой небольшой тетради находится революционное стихотворение «30 июля. – (Париж) 1830 года» – отклик на июльскую революцию в Париже.

«Славное было время, – вспоминает Герцен, – события неслись быстро. Едва худощавая фигура Карла X успела скрыться за туманами Голируда[74], Бельгия вспыхнула, трон короля-гражданина качался; какое-то горячее революционное дуновение началось в прениях, в литературе. Романы, драмы, поэмы, – все снова сделалось пропагандой, борьбой»[75].

Юноша Лермонтов писал:

Есть суд земной и для царей. –
Провозгласил он твой конец; –
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец. –
И загорелся страшный бой;
И знамя вольности как дух
Идет пред гордою толпой. –
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь. –
О! чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан[76].

Здесь же помещено стихотворение, обращенное к Новгороду, одна из лирических вариаций на ту же тему, что и поэма «Последний сын вольности». Борьбу Новгорода за вольность юноша-поэт сближает с современностью, с восстанием декабристов.

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели народы
Все то, к чему теперь ваш дух летит[77].

Героическая тематика находит свое выражение и в стихотворении «Могила бойца». Оно помещено на той же странице, где и стихотворение «Новгород».

Итогом внутренней жизни Лермонтова 1830 года является поэма «Последний сын вольности». Поэма, с посвящением его другу Н. С. Шеншину, набело переписана в тетрадь обычного ученического формата[78]. В этой поэме воплощаются мечты о подвигах, о революционной борьбе, владеющие Лермонтовым в 1830 году.

От зимы, весны и начала лета 1831 года тетрадей не сохранилось. Для характеристики Лермонтова, каким он был летом-осенью 1831 года и зимой 1831/32 года, могут служить три черновые тетради[79]. Очень выразительный штрих прибавляет к этой характеристике тетрадь с набело переписанной драмой «Странный человек» и черновым наброском стихотворения «Из Паткуля». Автор всех этих тетрадей – Лермонтов-студент.

Первая тетрадь[80] дает возможность установить очень важный момент творческого развития Лермонтова-писателя. К лету 1831 года в сознании юноши зарождается мысль о романе, перед ним уже стоит проблема создания характера и созрело решение перейти к прозе.

Критикуя «Новую Элоизу» и «Вертера»[81] с очень определенных литературных позиций, Лермонтов отчетливо формулирует свое требование психологической правды, которое он предъявляет к художественному произведению: «Вертер лучше; там человек – более человек; у Жан-Жака даже пороки не таковы, какие они есть»[82]. Тут необходимо вспомнить высказывание Лермонтова-студента о Шекспире в письме к М. А. Шан-Гирей. Лермонтов ценит Шекспира за глубину и тонкость

психологического анализа, за то, что этот «гений необъемлемый» проникает «в сердце человека» и «в законы судьбы».

Тетрадь заканчивается решением Лермонтова перейти к созданию прозы. Во второй половине июля, в Середникове, Лермонтов снова возвращается к поэме «Демон». Аккуратно переписав семь куплетов третьего варианта поэмы («По голубому небу пролетал…»), Лермонтов решительно проводит черту слева направо, через всю страницу, и под чертой широко и размашисто пишет: «Я хотел писать эту поэму в стихах, но нет – в прозе лучше».

Мысли о прозе идут дальше, развиваются. Наряду с «Демоном», у юноши Лермонтова существует другой замысел, который, как и «Демона», он давно вынашивает. Образ молодого монаха, тоскующего о жизни и свободе, такой же родной его лирическому герою, как и демон. Теперь он решает: «Написать записки молодого монаха 17 лет». Решением перейти от стихов к прозе и написать два романа: один – о демоне, другой – о молодом монахе, Лермонтов заканчивает тетрадь во второй половине июля 1831 года.

Следующая тетрадь[83] свидетельствует об исключительном интересе Лермонтова летом и осенью 1831 года к исторической тематике. В ней имеется ряд исторических замыслов.

К концу 1831 года юноша Лермонтов уже вполне подготовлен к тому, чтобы приступить к работе над романом. За последние месяцы его мысль упорно обращалась к прозе. Он задумывался над творческим методом писателя-романиста, над психологическим анализом и созданием характера.

В декабре 1831 года у Лермонтова созревает план исторического произведения из эпохи героической борьбы русского народа с татарами. Замыслом произведения о Мстиславе Черном из времен татарского нашествия и заканчивается тетрадь.

В то же время в сознании Лермонтова оформляется мысль, что литературный труд может быть приравнен к подлинной борьбе. Год назад литературная деятельность не удовлетворяла Лермонтова. Теперь он видит в ней одну из форм активной борьбы за счастье родины.

В развернутом плане поэмы о Мстиславе, помещенном уже в следующей тетради[84], есть мысль о гражданской и патриотической роли искусства. Мстислав, умирая, просит рассказать о его подвигах певцу, который сложит о них песню, «чтобы этой песнью возбудить жар любви к родине в душе потомков». Мысль о воспитательной роли искусства, стимулирующего людей на подвиги борьбы, здесь сформулирована совершенно четко. От этой мысли, высказанной

в плане поэмы о Мстиславе, путь ведет к стихотворению «Поэт», в котором Лермонтов семь лет спустя выразил свое миропонимание поэта-гражданина.

Яркой, выразительной иллюстрацией нового отношения Лермонтова к своему творчеству служит тетрадь с дополненной и набело переписанной драмой «Странный человек», которая относится к концу 1831 года[85]. После драмы помещен черновик небольшого лирического стихотворения, которое живо перекликается с содержанием драмы и является своеобразным послесловием к ней. Стихотворение носит название «Из Паткуля».

Для того чтобы стал ясен смысл этого послесловия и вся острота соседства стихотворения с антикрепостнической драмой, в которой Лермонтов бросает вызов дворянскому обществу, необходимо выяснить, кто такой Паткуль и почему Лермонтов назвал стихотворение «Из Паткуля».

Иоганн-Рейнгольд Паткуль[86] – подлинная историческая личность.

Паткуль[87] – политический деятель Лифляндии, видевший в присоединении к России спасение своей родины от шведского владычества. Он высоко ценил Петра I и состоял у него на службе. Посланный Петром в Польшу, Паткуль был выдан польским королем Карлу XII и предан страшной, мучительной казни.

С личностью Паткуля Лермонтова мог познакомить роман Лажечникова «Последний Новик». Две части его вышли летом 1831 года. Появление романа Лажечникова совпало с обострением интереса Лермонтова к исторической тематике.

Роман Лажечникова произвел на юного поэта большое впечатление. Мы знаем об этом из автобиографического произведения Лермонтова «Княгиня Литовская». В главе, где он описывает события своей последней весны в Москве, автор упоминает эпизод из романа «Последний Новик», как хорошо ему известный[88].

Роман Лажечникова мог натолкнуть Лермонтова на книгу писем Паткуля, вышедшую еще в 1806 году и напечатанную в университетской типографии. Книга называется: «Письма нещастного графа Ивана Рейнгольда Паткуля, полководца и посланника российского императора Петра Великого».

Из этих писем живо встает образ человека, исполненного непоколебимого мужества, справедливости, глубоко преданного своему отечеству. «Благородную гордость» Паткуля признают в нем даже его злейшие враги. Стихотворение Лермонтова – непосредственный отклик на одно из этих писем, как бы ответ Паткулю. Юноша Лермонтов, который задумывается о своей собственной трагической судьбе, в творчестве которого так часты

темы казней, клеветы, несправедливого преследования, должен был живо сочувствовать Паткулю.

Лермонтов читает его письма ночью, у себя в комнате. Стихи, как всегда, рождаются сразу, неожиданно. Под рукой тетрадь с недавно только переписанной набело драмой «Странный человек». Перевернув последнюю страницу с тщательно выведенным словом «Конец», он мелко и криво пишет на обороте листа:

Из Паткуля

Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья людей;
Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.
Пускай я погибну… близ сумрака гроба
Не ведая страха, не зная цепей.
Мой дух возлетает все выше и выше
И вьется, как дым над железною крышей![89]

В драме «Странный человек» юноша Лермонтов скорбит за свое отечество, выступает против низости, подлости, бесчеловечности во имя высоких идеалов правды и гуманности, борется «за счастье и славу отчизны своей». Обращение Лермонтова к Паткулю является в то же время своеобразным комментарием к недавно законченной драме. Литературный труд для Лермонтова – его долг гражданина, орудие борьбы за счастье родины:

Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.

Светает. Чуть брезжит унылое и сумрачное зимнее утро. Лермонтов не заметил, как пролетела ночь. Встает, разминая затекшие члены. Подходит к окну. Перед глазами привычная картина. Снежная пустынная улица. Напротив железная крыша. Из трубы вьется дымок. Знакомый образ незаметно вплелся в стихотворение:

Мой дух возлетает все выше и выше
И вьется, как дым над железною крышей!

Лермонтов – театральный зритель

27 ноября 1831 года в московском Большом театре шла впервые полностью комедия «Горе от ума». Фамусова играл Щепкин, Чацкого – любимец московской молодежи Мочалов.

Мочалов давал очень реалистическую трактовку образа Чацкого. В его исполнении это был живой, пылкий юноша. Исполнение, как это часто случалось с Мочаловым, было не совсем ровно, но даже самые строгие критики находили, что в минуты наивысшего подъема он играл прекрасно.

В годы юности Лермонтова комедия Грибоедова «Горе от ума» возбуждала исключительный интерес. По свидетельству современников, ее читали, заучивали наизусть, переписывали во всех уголках России. Только в 1833 году Николай I разрешил издать ее. Возможно, что это было вызвано стремлением ослабить интерес к пьесе, как к запрещенному плоду.

Публикация отрывков комедии в альманахе «Русская Талия» в 1825 году была встречена целой бурей. Хвалебные отзывы «Московского телеграфа» стремился заглушить негодующий голос «Вестника Европы». Печать выражала два мнения: мнение фамусовской Москвы и Москвы передовой, прогрессивной.

Споры вокруг «Горе от ума» возобновились в связи с постановкой третьего акта на московской сцене в апреле 1830 года и еще более усилились после того, как в ноябре и декабре 1831 года комедия шла полностью, хотя и со значительными цензурными сокращениями.

Первые обличительные выступления Лермонтова совпадают по времени с постановками «Горя от ума» на московской сцене. Лермонтов как бы присоединяет свой юношеский голос к голосу Грибоедова. Он словно вторит монологам Чацкого.

Стихотворение «Булевар», первая сатира Лермонтова на московское светское общество, написано в июле 1830 года. Драма «Странный человек», которая является в своей сатирической части развитием замысла «Булевара», закончена в июле 1831 года. «Странный человек» повторяет основную сюжетную композицию комедии Грибоедова. Следующий сатирический опыт Лермонтова – «Новогодние эпиграммы». Они написаны в конце декабря 1831 года, в момент наибольшего интереса к «Горе от ума».

Поведение Лермонтова в жизни, с его колким сарказмом и едкими насмешками, которыми он с такой настойчивостью преследовал тупую самонадеянность, пошлость, спесь и невежество дворянского общества, получает новое освещение,

если принять во внимание его юношеские впечатления от комедии «Горе от ума», от ее постановки на сцене, ту атмосферу полемики вокруг комедии, в которой протекали годы юности поэта.

«Ознакомившись с Чацким, нельзя его не полюбить», – писал в рецензии на постановку 3-го акта «Горе от ума» в «Московском телеграфе» старый знакомый Грибоедова В. Ушаков[90].

Напрашивается сравнение с Лермонтовым. Все близкие свидетельствуют о мягкости, простоте, естественности его обращения. Таким он был с друзьями. Какой задушевностью и теплом веет от его писем к Лопухиной, Верещагиной, Раевскому, к бабушке или тетке Шан-Гирей. Близко познакомившись с Лермонтовым, нельзя было его не полюбить, но он становился зол и придирчив, когда видел вокруг себя пошлость и самодовольное невежество.

Московский театр лермонтовской поры сильно отличался от театра времен Грибоедова.

В начале 20-х годов со сцены неслась холодная риторическая декламация, важно выступали величественные герои в плащах, с картонными мечами, в коронах из сусального золота. В конце 20-х годов в переполненном зале Большого театра публика рыдала на представлении мелодрамы Дюканжа «Тридцать лет, или жизнь игрока», затаив дыхание, ловила каждое слово, каждый жест Мочалова в роли Фердинанда или Карла Моора[91].

Мочалов был особенно хорош в этих ролях, «…вы говорили, – пишет Лермонтов в Петербург тетке Шан-Гирей, – что наши актеры (московские) хуже петербургских. Как жалко, что вы не видели здесь *Игрока,* трагедию: *„Разбойники“*. Вы бы иначе думали. Многие из петербургских *господ* соглашаются, что эти пьесы лучше идут, нежели там, и что Мочалов в многих местах превосходит Каратыгина»[92].

Мочалов был подлинно московский актер. Он выражал московское свободомыслие. Резкой противоположностью ему был петербургский актер Каратыгин. Мочалова обожала московская студенческая молодежь. Холодным мастерством, изысканными манерами Каратыгина восхищалось петербургское светское общество.

Карл Моор – герой «Разбойников» – был для передовой молодежи 30-х годов XIX века воплощением борьбы за справедливость, борьбы с тиранией и насилием. Устами героев Шиллера Мочалов со сцены московского театра призывал к свободе и человечности.

Драмы Шиллера сильно искажала николаевская цензура.

«Разбойники» шли, к тому же, в неудачной переделке

Сайдунова. Об этом искажении Шиллера и неровности мочаловской игры говорит один из студентов, товарищей Владимира Арбенина в драме Лермонтова «Странный человек»: Вчера играли «Общипанных разбойников Шиллера. Мочалов ленился ужасно; жаль, что этот прекрасный актер не всегда в духе. Случиться могло б, что я бы его видел вчера в первый и последний раз: таким образом он теряет репутацию»[93]. Но студенты, в том числе и Лермонтов, часто бывали в театре, и отдельные неудачи Мочалова не могли лишить его в глазах молодежи заслуженной славы. В удачные мочаловские минуты публика на спектакле и плакала навзрыд, и хлопала до неистовства.

Театр был для Лермонтова неотъемлемой частью его повседневной московской жизни.

В автобиографической драме «Странный человек», написанной в 1831 году, неоднократно упоминается театр. Герой драмы Владимир Арбенин вспоминает о встрече с любимой девушкой в театре: «…я видел ее в театре:

слезы блистали в глазах ее, когда играли *„Коварство и любовь“* Шиллера!..»[94]

В Петербурге юнкер Лермонтов в школьном сочинении описывает вид московского Большого театра, где он часто бывал в Годы своей юности: «…на широкой площади, возвышается Петровский театр[95], произведение новейшего искусства, огромное здание, сделанное по всем правилам вкуса, с плоской кровлей и величественным портиком, на коем возвышается алебастровый Аполлон, стоящий на одной ноге в алебастровой колеснице, неподвижно управляющий тремя алебастровыми конями и с досадою взирающий на кремлевскую стену, которая ревниво отделяет его от древних святынь России!..»[96]

Глава вторая. Сатира Лермонтова на старую дворянскую Москву

«Булевар»

I

Весной 1830 года Лермонтов впервые столкнулся лицом к лицу с царем и ощутил на себе тяжесть николаевского режима.

11 марта в перемену воспитанники высыпали из классов. Вдруг в конце коридора появилась высокая фигура незнакомого генерала. Твердым, мерным шагом двигался он в толпе подростков, которые не обращали на него никакого внимания. Чем дальше шел он по коридору среди шума и возни, тем жестче становился его взгляд.

Распахнув дверь, генерал вошел в пятый класс. Многие ученики уже сидели на местах в ожидании урока.

– Здравия желаю вашему величеству! – раздался звонкий голос одного из них. Остальные были удивлены такой странной выходкой товарища и громко выражали свое негодование на неуместное приветствие незнакомого генерала. Разгневанный генерал направился в соседний класс и только тут натолкнулся на воспитателя. Появилось трепещущее начальство. Пансионеров свели в актовый зал и расставили шеренгами.

Гнев царя, – незнакомый генерал оказался не кто иной, как император Николай I, – был страшен. В его глазах юноша Лермонтов мог впервые прочитать свою трагическую судьбу.

На следующий день ждали упразднения пансиона. Оно не последовало, но 29 марта появился указ о реорганизации Университетского благородного пансиона в рядовую гимназию. Вводились розги[97].

В апреле этого же года Лермонтов подал прошение об увольнении и летом в Середникове готовился к поступлению в университет.

Приехав в июле в Москву по делам, связанным с поступлением в университет, Лермонтов отправляется на Тверской бульвар, любимое место прогулок москвичей.

С двух до трех часов дня на Тверском бульваре масса гуляющих. Тут и светские модницы, и молодые щеголи, и старики.

Вернувшись с прогулки к себе в мезонин на Молчановке, Лермонтов, со свойственной ему стремительностью, берет лежащую на его письменном столе тоненькую тетрадку, сшитую пестрым шнурком[98].

Отчеркнув ранее написанное стихотворение жирной чертой,

он быстро пишет внизу страницы:

«В следующей сатире всех разругать, и одну грустную строфу. Под конец сказать, что я напрасно писал, и что если б это перо в палку обратилось, а какое-нибудь божество новых времен приударило в них, оно – лучше»[99].

Страница кончилась. Писать больше негде.

Пока юноша-поэт просушил чернила песком и перевернул страницу, возникли стихи:

Булевар

С минуту лишь с бульвара прибежав,
Я взял перо – и право очень рад,
Что плод над ним моих привычных прав
Узнает вновь бульварный маскерад;
Сатиров я для помощи призвав,
Подговорю, – и все пойдет на лад. –
Руган людей, но лишь ругай остро;
Не то – …ко всем чертям твое перо!..

Так начинает юноша Лермонтов свою сатиру на фамусовскую Москву.

Стихотворение «Булевар» написано под непосредственным впечатлением «Горя от ума».

13 апреля на сцене Большого театра шел третий акт комедии Грибоедова под заглавием «Московский бал». В июньских номерах «Московского телеграфа»[100] была опубликована большая статья, которая касалась не столько постановки, сколько комедии в целом. Это был первый опыт критического анализа «Горя от ума».

Автор статьи В. Ушаков выражал мнение передовой, прогрессивной Москвы о комедии и ее героях. «Чацкий, – писал он, – томим желанием лучшего», «страдает, глядя на несовершенство, на предрассудки своих современников», «он облегчает душу свою высказыванием горьких истин».

Передовая молодежь 30-х годов видела в Чацком борца со старым, отжившим миром, это был образ декабриста. Он воплощал для поколения Лермонтова «деятельную сторону жизни, негодование, ненависть к существующему правительственному складу общества»[101].

Страстные, обличительные речи Чацкого и все его поведение как бы подсказывали Лермонтову выход из томящей его бездеятельности. Юноша-поэт подражает Чацкому и, как он, «облегчает душу свою высказыванием горьких истин».

Самый эпитет «бульварный», который Лермонтов повторяет дважды: «бульварный маскерад» и «бульварная семья», –

заимствован из монолога Чацкого:

А трое из бульварных лиц.
Которые с полвека молодятся?[102]

Стихотворение «Булевар» – пародия на монолог Фамусова о Москве. Предметом сатиры Лермонтова являются те же московские старики, дамы и женихи, которые вызывают восторг Фамусова.

Юноша-поэт очень подчеркнуто пародирует при этом все фамусовские зачины: «А наши старички?», «А дамы?»-восклицает Фамусов. «И ты, мой старец…», «О женихи!» – пишет Лермонтов.

Переосмысливая содержание монолога, Лермонтов вместо дифирамба создает сатиру.

А наши старички?? – Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово: – приговор…[103]

Как бы в ответ Фамусову Лермонтов рисует портреты двух стариков на Тверском бульваре:

И ты, мой старец с рыжим париком,
Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жеребцом,
Как кровь ему из всех пускают жил,
Ты здесь бредешь и смотришь сентябрем,
Хоть там княжна лепечет: как он мил!
А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в Ч**** извинить!..

Воздав хвалу дамам, Фамусов хвалит московских девиц:

А дочек кто видал, всяк голову повесь!
Его величество король был прусский здесь;
Дивился не путем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам.
И точно, можно-ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, все с ужимкой…[104]

Коснувшись дам, отмстив «спесь в их пошлой болтовне»,

Лермонтов переходит к дочкам, изображая их гуляющими на бульваре в сопровождении «маменек».

О верьте мне, красавицы Москвы,
Блистательный ваш головной убор
Вскружить не в силах нашей головы.
Все платья, шляпы, букли ваши вздор,
Такой же вздор, какой твердите вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.

Особенно резко выступает Лермонтов против мужской молодежи фамусовской Москвы, против московских женихов, невежественных отпрысков родовитых дворянских фамилий, которым, несмотря на их личное ничтожество, воздается честь по заслугам отцов. Это о них, преклоняясь перед знатностью и богатством, говорит Фамусов:

Вот, например, у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберется
Душ тысячки две родовых,
Тот и жених[105].

Лермонтов зло смеется над этими новыми московскими Митрофанушками:

О женихи! о бедной Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя ианду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в чаду; –
Хотя и держишься размеру слов,
Но ты согласен на свою беду,
Что лучше все не думав говорить,
Чем глупо думать, и глупей судить.

Невозможно установить, какого именно Мосолова имеет в виду Лермонтов. Их было много. Были Мосоловы и в Пензенской губернии, неподалеку от Тархан. Пензенские Мосоловы – родственники Арсеньевой, и она ездила к ним в гости с внуком.

Кроме Мосолова, в стихотворении «Булевар» упоминается еще два имени. Фамилия одного из старцев: Ч****. Нам не

удалось выяснить, кого в данном случае имеет в виду Лермонтов. В другом случае он называет фамилию полностью. Сравнив московских красавиц с толпой комет, юноша-поэт прибавляет:

Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то поймет,
И сам Башуцкой объяснит тотчас. –

Башуцкий умел очень красно говорить. Он был известен своим умением объяснять самые невероятные вещи. Башуцкий – петербуржец, гвардейский офицер и светский литератор. Имя его было ненавистно передовой молодежи 30-х годов. Он принимал участие в подавлении восстания декабристов. На Сенатской площади, 14 декабря 1825 года, в качестве адъютанта Милорадовича Башуцкий присутствовал при ранении генерала и любил повсюду об этом рассказывать[106].

В своем стихотворении «Булевар», направленном против московского дворянского общества, Лермонтов пользуется случаем, чтобы задеть хорошо известного в Москве представителя петербургского света, человека, который не только был врагом казненных и сосланных декабристов, но и любил это подчеркивать.

Критикуя светское общество, состоящее из господ-дворян Мосоловых, Лермонтов противопоставляет ему русский народ.

Новогодние эпиграммы

Драма «Странный человек»

Лермонтов – автор драмы «Странный человек» и новогодних эпиграмм и Лермонтов – автор «Булевара» значительно отличаются друг от друга. Переходный возраст кончился. Из периода отроческого брожения Лермонтов вышел возмужавшим и внутренне окрепшим.

У него выработались определенные взгляды на литературу. Диапазон его творческой работы очень расширился. Нет почти ни одного жанра, которого бы он не касался. При помощи своего пера он и будет бороться за свободу и счастье отчизны, – теперь это стало ему ясно.

Мысли о гражданском и патриотическом назначении искусства развиваются и углубляются. Темы гибели и обреченности хотя и продолжают звучать в стихах этого периода, но значительно смягчаются и уживаются рядом с более оптимистическими настроениями.

Автор «Странного человека» и новогодних эпиграмм – студент Московского университета. Он много читает и занимается дома. У него есть тесный кружок друзей, состоящий из таких же, как он, передовых московских юношей. Их интересы очень разнообразны. Нет ни одной современной проблемы из области политики, философии, литературы, которая не обсуждалась бы в кружке Лермонтова.

Ложь и лицемерие, пустота и внешний блеск, погоня за мундиром, шутовство-московского дворянства – вот штрихи, разбросанные в новогодних эпиграммах Лермонтова. Все вместе они представляют собой острую сатиру на московское светское общество. В эпиграмме, обращенной к старшине собрания, Лермонтов просит разрешения говорить правду: пускай хоть один человек из всего собрания не солжет под новый год!

На фоне фамусовской Москвы еще ярче выступают портреты людей с талантом и умом, которых воспевает Лермонтов в мадригалах. Новогодние эпиграммы Лермонтова полны внутреннего жара и обличительного пафоса, как и монологи Чацкого.

В новогодних эпиграммах намечается тема столкновения поэта со светским обществом. Она будет развернута в стихотворении «Смерть поэта», за которое Николай I впоследствии сошлет Лермонтова на Кавказ. У своих истоков, в

юношеском творчестве Лермонтова, тема эта также имеет связь с Пушкиным.

Эпиграммы и мадригалы вводят нас в круг светских знакомств юноши-поэта, распахивают перед нами двери московских гостиных. Из семнадцати упомянутых в них имен наше внимание прежде всего привлекают два имени, хорошо известные в Москве: Булгаков и Башилов. Эпиграммы Лермонтова адресованы к сыновьям московских весельчаков и затейников, но, прежде чем говорить о сыновьях, мы остановимся на отцах. Их колоритные портреты знакомят с бытом и нравами старой дворянской Москвы.

Старшее поколение фамусовской москвы в годы Лермонтова

1. Сенатор Башилов

Московские весельчаки Башиловы, отец и сын, оба Александры Александровичи. Отца, в отличие от сына-литератора, звали в Москве «сенатор Башилов». Толстая, мешковатая, с большим, выдающимся вперед животом фигура сенатора Башилова хорошо известна москвичам в годы Лермонтова.

«Фарсы» Башилова, его бальные эффекты и сюрпризы славились в Москве. На завтраках у Марии Ивановны Римской-Корсаковой Башилов выступал «в качестве ресторатора, с колпаком на голове и в фартуке». Он «угощал по карте блюдами, им самим приготовленными» «с большим кухонным искусством»[107].

Жизнь сенатора Башилова – связующее звено между фамусовской Москвой и XVIII веком. Она начинается при Екатерине II и заканчивается в 40-х годах XIX века. Биография Башилова раскрывает истоки бытовых традиций фамусовской Москвы. Большой интерес представляют его «Записки»[108], написанные в конце жизни.

На основе крепостнических отношений в дворянском обществе вырабатывался взгляд на жизнь как на развлечение и культ праздности. Страсть к развлечениям и театрализация жизни типичны для дворянского общества эпохи его расцвета.

Следствием этого отношения к жизни как к развлечению была роль шута. Шуты и шутихи существовали почти в каждом доме. Роль шутов иногда брали на себя добровольно даже старые люди фамусовской Москвы. Шутовство являлось средством достижения успехов в жизни, орудием для карьеры.

Одним из добровольных шутов был упоминаемый в «Горе от ума» Максим Петрович, дядя Фамусова, которого он ставит в пример Чацкому. Чтобы рассмешить Екатерину, этот почтенный старец несколько раз подряд растягивается на полу:

> На куртаге ему случилось обступиться;
> Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
> Старик заохал, голос хрипкой:
> Был высочайшею пожалован улыбкой;
> Изволили смеяться; как же он?

Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругорядь – уж нарочно –
А хохот пуще; он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? По-нашему, смышлен.
Упал он больно, встал здорово.

Умение развеселить царицу – шутовство – давало ему возможность занимать влиятельное положение при дворе Екатерины.

За то бывало в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович. Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии дает?
Максим Петрович! Да! Вы, нынешние – нутка![109]

Карьера сенатора Башилова была создана путем шутовства.

Паж Екатерины, он, не зная гатчинских порядков, делается фаворитом Павла, сначала цесаревича, впоследствии императора, и ни разу не попадает впросак. «Положение мое часто было затруднительное, но какая-то ловкость и непринужденность меня всегда спасали».

Павел I посылает Башилова в Италию отвезти Суворову титул князя Италийского. Башилов возвращается с мощами святого, которые прислали Павлу с острова Мальты. Павел возлагает на Башилова алмазный крест. В 1801 году молодой полковник и флигель-адъютант Башилов едет при русском посольстве в Париж. В Париже Башилов был представлен первому консулу Наполеону Бонапарту, посещал мадам Рекамье, подружился с Евгением Богарне[110], будущим вице-королем Италии, – молодые офицеры были неразлучны.

2. Московский почтдиректор А. Я. Булгаков и его письма

Не менее сенатора Башилова знаком москвичам в годы Лермонтова будущий почтдиректор Булгаков. Его высокая, стройная фигура – яркий контраст расплывшейся к старости фигуре Башилова. От матери-турчанки он унаследовал живость, подвижность и чисто южную жестикуляцию.

С конца 20-х до начала 30-х годов Булгаков служит в Архиве.

С лета 1832 по 1856 год Булгаков был московским почтдиректором.

Человек необычайно общительный, любитель каламбура, Булгаков был постоянно среди людей. Оставшись один, беседовал в письмах с отсутствующими родными и знакомыми.

– Ты создан быть почт директором дружбы, – говорил ему Жуковский. «Он получал письма, писал письма, отправлял письма: словом сказать, купался и плавал в письмах, как осетр в Оке», – вспоминал о нем Вяземский[111].

Корреспонденты Булгакова многочисленны и разнообразны: Жуковский, Вяземский, А. И. Тургенев – с одной стороны, Ростопчин, Закревский, Нессельроде, – с другой. Но больше всего он писал своему брату, петербургскому почтдиректору Константину Яковлевичу Булгакову. Он писал ему изо дня в день, рассказывая московские новости. Прервав письмо, он едет с визитами и, вернувшись, после небольшого отдыха с трубкой в любимом кресле, снова берется за перо.

Эпистолярное наследство Булгакова является летописью светской жизни Москвы почти за полстолетие. Обеды и ужины, балы и маскарады, свадьбы и похороны, наследства и завещания, награждения и увольнения по службе, приезды иностранных знаменитостей – все это вперемежку с политическими событиями и невероятным количеством светских сплетен выливается сплошным потоком из-под пера Булгакова под одной неизменной рубрикой: новости.

Мастер анекдота, он живо передает отдельные жанровые сцены. Все это вместе взятое дает картины старой дворянской Москвы со всеми ее своеобразными особенностями, – колорит города, где подлинная культура уживалась рядом с бытом провинциального захолустья.

Облик фамусовской Москвы ярко рисует Вяземский:

> Здесь чудо барские палаты
> С гербом, где вписан знатный род.
> Вблизи на курьих ножках хаты
> И с огурцами огород[112].

В письмах Булгакова проходит вереница москвичей с их характерными особенностями, живо схваченными черточками, меткими словечками. Юсупов – «балагур», «любящий устраивать свадьбы» Сашка Волков, почтдиректор Рушковский – «сахар», Голицын-«чижик», жених Ольги Булгаковой Долгоруков – «Дишка». Старика Раевского с молодых лет звали «Зефир», а только что приехавшая на гастроли знаменитая певица Зонтаг

немедленно получает прозвище «германского соловья» и фамильярно именуется «Зонтагша».

Перечень предстоящих Булгакову светских удовольствий порой напоминает записной лист Фамусова, который заполняет под его диктовку слуга Петрушка, – мелькают выражения, хорошо знакомые нам по «Горю от ума». «Вчера зван я был обедать к князю Дмитрию Владимировичу», – пишет Булгаков брату 2 декабря 1830 года, и невольно вспоминается фамусовское: «зван я на форели».

Вероятно, он и сам ощущал в себе фамусовские черты. Типичный представитель старой дворянской Москвы, Булгаков терпеть не мог как комедию «Горе от ума», так и ее автора. «Я пиесу „Горе от ума“ не очень люблю», – говорит он сдержанно. Особенно неприятно ему видеть ее на сцене. «Конечно есть в ней ум, – замечает он уклончиво, – но читать ее приятнее, нежели видеть на сцене!»[113]

Быт старой дворянской Москвы в юношеских драмах Лермонтова

Драмы Лермонтова «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человек» приобретают особый интерес, когда мы сопоставляем их содержание с той подлинной действительностью, которая скрывается за художественными образами, еще недостаточно зрелыми. Здесь ничего не выдумано, все правда, пересказ виденного и слышанного. Тут и его личная жизнь, и семейная, типы и сцены, которые он наблюдал в Москве и Середникове.

Юношеские драмы Лермонтова резкая сатира на крепостническое общество. В одной из сцен драмы «Menschen und Leidenschaften» молодая девушка Элиза весело смеется, глядя, как расходившаяся барыня бьет по щекам крепостных служанок. Социальная и психологическая правда этой сцены может быть наглядно проиллюстрирована одним из писем Булгакова. Между прочим, среди гастрономических восторгов от спаржи и стерлядей, Булгаков сообщает о том, что танцовщиц одного из его знакомых покупают «1000 рублей за штуку кругом»[114].

В «Странном человеке» есть необычайно яркий антикрепостнический эпизод. К герою драмы Белинскому приходит крестьянин и просит купить их деревню, чтобы освободить от пыток жестокой помещицы.

Драма «Странный человек» – картина быта и нравов дворянской Москвы конца 20-х – начала 30-х годов. Лермонтов верно наметил характеры, правильно очертил круг интересов и тем, сатирически воспроизвел содержание и стиль московской светской болтовни.

Действующие лица говорят о том, о чем говорили в московских гостиных в то время, когда Лермонтов писал свою драму. Размышления Арбенина, отца главного героя, о трудностях воспитания живо передают растерянность родителей в связи с репрессивными мерами, предпринятыми Николаем I в отношении двух лучших учебных заведений России – лицея и университетского пансиона.

«Меня уверяли, – пишет Булгаков брату 7 марта 1829 года, – что пансион лицейский уничтожается. Каково же будет тому отцу, который, привезши детей из Сибири и отдавши туда, рассчитывал, что он шесть лет может об них забыть, был покоен на их счет; а тут вдруг поезжай возьми их, да и найди, куда девать?»[115]

В марте 1830 года та же участь постигла Московский университетский благородный пансион. Он также «не имел счастья» понравиться Николаю, который отдал приказ если не о его уничтожении, то о лишении его привилегий и реорганизации в рядовую гимназию.

Драма Лермонтова «Странный человек», законченная в черновом виде в июле 1831 года, начинается темой воспитания. «Признаться: мое положение теперь самое критическое, – размышляет Павел Григорьевич Арбенин. – Владимир нейдет в военную службу, во-первых, потому что его характер, как он сам говорит, слишком своеволен, а во-вторых, потому что он не силен в математике: – куда же определиться? в штатскую? – Все лучшие места заняты, к тому же – …нехорошо!.. Воспитывать теперь самая трудная вещь; думаешь: ну, все теперь кончилось! – не тут-то было: только начинается!..»[116]

Не менее документально воспроизведены московские разговоры в сценах у Загорскиных. Очень типична сцена старух. Сделанная скупо и схематично, она передает «жужжанье» сплетен.

К Анне Николаевне Загорскиной, матери главной героини драмы Лермонтова, Наташи, приезжают одновременно две старухи. «Как мы съехались, Катерина Дмитриевна! я только что на двор и вы за мной, как будто сговорились», – говорит, входя, одна другой. На вопрос Загорскиной о здоровье старуха отвечает: «Эх, мать моя! Что у меня за здоровье? всё рифматизмы да флюс. Только нынче развязала щеку». Эту страсть московских старух ездить по гостям, которая заставляла их являться на бал едва оправившись, а иногда и не оправившись от болезни, неоднократно отмечает Булгаков, ее отражает и Грибоедов в своей комедии.

Лермонтов передает не только содержание и стиль разговоров, но и подмечает характер аргументации. Сцена заканчивается злословием по поводу возраста одной из старух, только что скрывшейся за дверью: «Какова? – Как разрядилась наша Мавра Петровна! Пунцовые ленты на чепце! ну, кстати ли? ведь сама насилу ноги таскает! – а который ей год, Анна Николаевна, как вы думаете?»-Анна Николаевна отвечает: «Да лет 50 есть!» – На что первая старуха возражает: «Крадет с десяток! я замуж выходила, а у нее уж дети бегали»[117].

Лермонтов подмечает страсть москвичей к сюрпризам. Секрет такого сюрприза открыли Софья и Чацкий, обнаружив в дальней комнате спрятанного человека, который щелкал соловьем.

Когда герою другой автобиографической драмы Лермонтова, «Menschen und Leidenshaften», Юрию Волину говорят об отце и бабушке, он с болью восклицает: «…эти сплетни, эта дьявольская

музыка жужжит каждый день вокруг ушей моих…»[118]

Желая подчеркнуть, что о его дочерях много говорили на балу, Булгаков пишет: «много о них жужжали». Очевидно, это выражение верно передавало впечатление от московских сплетен, а может быть, было одним из ходячих выражений в Москве.

Письма Булгакова дают представление о той страшной силе, которую имела клевета в фамусовской Москве, где самые невероятные слухи распространялись с молниеносной быстротой. В письмах так и слышится жужжанье сплетен: «здесь слухи носятся», «мне сказывали», «здесь слышно», «много болтают», «один теперь разговор» – вот обычные выражения Булгакова.

Фамусовское «В Москве прибавят вечно втрое» звучит у Булгакова еще сильнее: «вздор не новое для Москвы, добрая старушка, но часто врет», или «Москва вечно будет Москвою, т. е. болтушкою».

Любой пущенный по городу слух обрастал домыслами праздных людей. Он разносился по улицам, увеличиваясь, как снежный ком, обрастая все новыми нелепостями. Точно колобок из русской сказки, он катился все дальше и дальше и его уже нельзя было остановить.

Нам кажется невероятной быстрота, с которой распространяется на балу пущенная Софьей сплетня о сумасшествии Чацкого. Мы готовы видеть в этом эпизоде чисто театральную условность. Письма Булгакова убеждают в том, что в комедии Грибоедова нет преувеличения. Становится понятным, почему сюжеты обеих юношеских автобиографических драм Лермонтова: «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человек», написанных в атмосфере фамусовской Москвы, построены на клевете. На клевете строится и сюжет «Маскарада», неразрывно связанного единой творческой линией с юношескими драмами.

Московские маскарады

Маскарады – одна из любимых тем Булгакова. Его описание «маскерадов» в зимние сезоны конца 20-х – начала 30-х годов служит бытовым фоном для появления Лермонтова на новогоднем балу в «Благородном собрании» (ныне Дом союзов). «Много было смеху и фарсов» на «маскераде» у Зинаиды Александровны Волконской зимой 1827 года[119]. Все были в масках, даже старухи. Булгаков – в костюме капуцина, сама хозяйка – в костюме Жанны д'Арк. В полночь в зал второго этажа въехали Дон-Кихот и Санчо-Панчо верхом на живых лошадях.

В эту веселую летопись, помимо воли Булгакова, врывается диссонансом трагическое веяние эпохи. Булгаков сообщает о своем визите к Чернышевым. Семью сильно задел разгром декабристов. Сын-декабрист в ссылке, одна из дочерей, жена Никиты Муравьева, собирается к мужу. С ней Пушкин отправил свое послание «В Сибирь». «Был и у графини Чернышовой, – пишет Булгаков сразу после описания маскарада. – Она разрыдалась, увидя меня. Жаль несчастную эту мать! Муравьева страшна, точно тень. Вчера должна была уехать в ссылку произвольную»[120].

Особенно бурно развлекалась Москва после холеры 1830 года. Не успела кончиться эпидемия, как началось такое безудержное веселье, как после московского пожара 1812 года. «Мы теперь с ужина Обрезкова; уж ели, пили, сидели, что мочи нет», – пишет Булгаков 5 января, а на следующий день он – на вечере у Дмитриевой. «Не поверишь, как всем дико казалось такое собрание многолюдное и блестящее после холерной этой пустоты»[121].

Эпиграммы и мадригалы написаны Лермонтовым для новогоднего маскарада следующего бального сезона. Маскарад происходил в «Благородном собрании».

До переделки здания главный фасад его был обращен на Дмитровку. По обоим углам – прекрасные ротонды, украшенные колоннами. «Дом сей не так высок, но огромен, – читаем в современном путеводителе, – оный принадлежал прежде генерал-аншефу князю Василию Михайловичу Долгорукову; ныне внутри великолепно убран; зала оного помещает в себе до 3 000 посетителей»[122].

В течение всего бального сезона, с октября по апрель, давались балы, которые великим постом прекращались и заменялись концертами лучших артистических сил. Днем собрания был вторник.

Боковой фасад «Благородного собрания» выходил в Охотный ряд. Соседство типичное для Москвы того времени. Прямо напротив тянулись лавки съестных припасов. Тут было все, что могло удовлетворить требовательных гастрономов фамусовской Москвы: свежие огурцы зимой и «разные фрукты, гораздо прежде должного времени произращенные». Здесь же продавали живых гусей, уток, каплунов, поросят, телят. По воскресеньям привозили еще и продукты из деревни, а перед самыми лавками происходили петушиные бои.

По другую сторону улицы, до Тверской, шел Птичий ряд. Здесь продавали певчих птиц, голубей, породистых собак и все принадлежности для охоты. Сновала пестрая толпа, стоял невероятный шум, гам.

Чтобы еще ярче почувствовать это характерное для старой Москвы соседство контрастов, вспомним, что Охотный ряд выходил на Театральную площадь[123], где красовался Большой театр, высилось величественное и огромное по тому времени здание сенатской типографии. По другую сторону Охотного ряда в 1831 году была открыта библиотека-читальня. Там можно было получить любую книгу, только что вышедший журнал или газету.

Маскарад, на котором был Лермонтов, описан Шаликовым в «Дамском журнале». Петр Иванович Шаликов – писатель, издатель «Дамского журнала». Он подражал Карамзину и, не имея его таланта, довел чувствительность до слащавой приторности. В подражание «Письмам русского путешественника» он описал два свои путешествия в Малороссию.

Вигель рисует в своих записках сцену, которую он наблюдал в детстве, гуляя по Тверскому бульвару. Толпа издали следует за человеком небольшого роста, который то идет быстро, почти бежит, то вдруг остановится, вынет бумагу и начнет что-то писать. «Вот Шаликов, – говорили в толпе, – вот минуты его вдохновения».

Князь Шаликов – типичная московская фигура. Он остается завсегдатаем Тверского бульвара почти в течение полстолетия. В самое глухое летнее время, когда все разъезжаются по своим подмосковным, и тогда его можно встретить на бульваре. «На Тверском бульваре попадаются две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фуражке, да кн. Шаликов», – пишет Пушкин жене в августе 1833 года[124].

Успех, встретивший Шаликова при начале его литературной деятельности, был непродолжителен. К нему относились с насмешкой, называли «кондитером от литературы», «присяжным обер-волокитой», «князем вралей».

Одна из эпиграмм Лермонтова обращена к Шаликову:

Вы не знавали князь Петра;
Танцует, пишет он порою,
От ног его и от пера
Московским дурам нет покою;
Ему устать бы уж пора,
Ногами – но не головою[125].

По вполне понятным причинам Шаликов, говоря о маскараде, не счел нужным упомянуть об этой эпиграмме. Маскарад был многолюден. В полночь загремели на хорах трубы, и все поздравляли друг друга с новым годом. Шаликов не пишет о том, что в толпе масок была невысокая широкоплечая, несколько коренастая фигура в костюме древнего астролога. В отверстиях маски блестели большие темные глаза. Астролог держал подмышкой сделанную из картона книгу судеб. На страницах книги были наклеены из черной бумаги громадные китайские буквы, а внизу помещались стихи.

Под маской астролога скрывался студент Лермонтов.

Молодое поколение фамусовской Москвы

1. Башилов-сын

В своей эпиграмме Лермонтов обращается к Башилову-сыну, как к старшине собрания лжецов, бросает всему собранию обвинение в лживости:

Вы старшина собранья верно,
Так я прошу вас объявить,
Могу ль я здесь нелицемерно
В глаза всем правду говорить? –
Авось, авось займет нас делом
Иль хоть забавит новый год,
Когда один в собраньи целом
Ему на встречу не солжет…[126]

Башилов-сын – московский весельчак, как и его отец. В годы Лермонтова он вращается среди литераторов и, не обладая талантом, пишет слабые подражательные стихи.

Автор рецензии в «Северной пчеле» называет Башилова «галиматистом», «главой» «всех плохих стиходелателей», возмущается, что его печатают в одной книге с Пушкиным и Вяземским, и приводит «образчик его самоделья» под заглавием «Ни тпру, ни ну»[127].

Имя Башилова-сына мы встречаем в «Старой записной книжке» Вяземского. «В первый раз Пушкин читал „Полтаву“, – пишет Вяземский, – в Москве у Сергея Киселева при Американце Толстом, сыне Башилова, который за обедом нарезался и которого во время чтения вырвало чуть ли не на Толстого»[128].

Башилов выведен в повести Н. Макарова «Задушевная исповедь», опубликованной в «Современнике» в 1859 году. Напомнив о литературном прошлом и бывших литературных связях своего героя: «пописывал стишки», «знавал Пушкина, Жуковского», автор изображает его в то время, когда Башилов жил в деревне помещиком, а потом, разорившись, поступил на службу к винному откупщику. «Ни малейшего следа какой бы то ни было нравственности в этом олицетворении самого грубого, самого жестокого цинизма!.. Ум довольно острый и оригинальный… Но не признававший ничего возвышенного. Характер – неукротимо буйный, дерзкий, раздражительный» – таков резко отрицательный портрет Башилова, нарисованный

автором повести.

2. Костя Булгаков

Одна из эпиграмм Лермонтова обращена к его товарищу по пансиону Косте Булгакову.

Имя Кости часто встречается в эти годы в письмах его отца Александра Яковлевича Булгакова. Костя поступил в Московский университетский благородный пансион в сентябре 1829 года, а до этого учился в Царском селе.

Весной 1829 года Булгаков-отец сильно встревожен слухами о закрытии лицейского пансиона. Решив отдать Костю в Московский университетский благородный пансион, Булгаков едет туда на публичный акт познакомиться с тамошними порядками. Экзамены и акты в пансионе проходили в торжественной обстановке, при большом количестве гостей. Экзамены бывали в декабре, акт – весной.

«Я был в субботу на акте Университетского пансиона, – пишет Булгаков брату 8 апреля 1829 года. – Очень было хорошо. Я обходил потом с Курбатовым[129] все заведение, видел постели, больницу, видел их обед, отведывал; все это очень хорошо, сколько я мог заметить. Курбатов вызвался уже особенное иметь о Косте попечение»[130].

Среди воспитанников, выступавших на акте, Булгаков мог видеть невысокого смуглого мальчика с темными горящими глазами и еще по-детски округлым лицом. Он читал стихотворение Жуковского «К морю» и вызвал гром рукоплесканий всего зала. Этот мальчик – Лермонтов.

В первых числах июня Костя уже в Москве. Он приехал в дилижансе. Дилижансы, или почтовые кареты, были учреждены за десять лет перед тем, в 1820 году, Константином Яковлевичем Булгаковым, тогдашним московским почтдиректором.

Контора дилижансов помещалась на Мясницкой[131], но Костю дилижанс привез на Арбат, к самому дому. Он приехал ночью, и его приезд произвел радостный переполох.

2 сентября Костю отвезли в пансион. Все были огорчены разлукой, и Александр Яковлевич едва сдерживал слезы: «из отцовского-то дому вдруг окружен все чужими, да и незнакомыми вовсе», «пусть утешается мыслью, что все-таки в одном городе с нами», – писал Булгаков 3 сентября 1829 года. Булгаков почему-то не счел возможным устроить сына полупансионером, как учился Лермонтов.

Косте в пансионе не понравилось. Программа была обширная, а юноша был с ленцой и мало дисциплинирован. Отец постоянно

тревожился за его успехи.

Строгость надзора за воспитанниками отмечалась в современной печати и ставилась в пример другим закрытым заведениям. В «Московском вестнике» была небольшая заметка, автор которой рассказывал о своем ночном посещении пансиона. «Воспитанники спят в огромной галлерее, освещенной лампами. – По местам, на известном расстоянии один от другого стоят дядьки и сторожа. Надзиратель ходит беспрестанно по всему заведению и осматривает. Нет ни одного места, где бы не было дежурного… Воспитанник не может шевельнуться без того, чтобы несколько глаз тотчас не приметили его движения… Хорошо было бы, если б такой порядок введен был во всех подобных заведениях!»[132]

«Костя плохо еще привыкает, – пишет его отец. – Здесь потежеле Царского Села: там было семь часов ученья и пять отдыха, а здесь десять часов ученья и два отдыха. Вообще здесь больше строгости, нежели там, а надзор лучше».

Зато дома, на каникулах, Костя наслаждался. В своем синем пансионском мундире, который почти не отличался от студенческого, Костя появлялся с отцом на балах. На блестящем балу у губернатора Голицына никто так не веселился, как Костя: «Мы в 4-м часу воротились домой, все натешились, а особенно Костя», – пишет его отец.

В августе 1830 года в Москву приезжал великий князь Михаил Павлович, благоволивший к Булгаковым. Он видел Костю маленьким и теперь потребовал, чтобы Булгаков привез к нему сына. Оба описали этот визит в письмах в Петербург. В сцене визита Костя рисуется таким, как он дан в эпиграмме Лермонтова. Ободренный ласковым приемом великого князя, мальчик садится на своего конька и начинает каламбурить со спокойной самоуверенностью профессионала.

«Великий князь так был милостив ко мне и так ободрил ласками своими, что я пустился на каламбуры, любезный дядинька».

Михаил Павлович спросил Костю, понравился ли ему в саду фонтан. Весь разговор шел по-французски. Костя ответил, не задумываясь: «J'aime beaucoup ses fables, monsieur»[133]. Великий князь рассмеялся и сказал: «А, и ты упражняешься в роде сем?»

Поражает тот расчет на эффект, та профессиональная выдержка, с которой преподносит свои каламбуры Костя. Он идет в этом отношении гораздо дальше своего отца, смущенного его непринужденным поведением в присутствии великого князя. Таким шутом-профессионалом рисует его Лермонтов:

На вздор и шалости ты хват
И мастер на безделки
И, шутовской надев наряд,
Ты был в своей тарелке;
За службу долгую и труд
Авось на место класса
Тебе, мой друг, по смерть дадут
Чин и мундир паяса[134].

В своей эпиграмме Лермонтов предвосхищает и дальнейшее. Гвардейскому поручику Булгакову очень многое сходило с рук благодаря его шутовским проделкам с Михайлом Павловичем, который был грозой гвардии и осуществлял в русской армии николаевскую систему муштры. Булгаков пользовался его неизменным расположением.

Яркий пустоцвет, не способный к упорному труду и настойчивому стремлению к цели, К. А. Булгаков не развил своих разносторонних дарований и не сделал служебной карьеры. Позднейшие шутовские выходки К. А. Булгакова в Петербурге, его «шалости», «мастерство» на «безделки», по меткому выражению Лермонтова, – все это лишено было какой-либо практической цели.

В драме «Маскарад» Лермонтов в характеристике князя Звездича дает оценку людям, близким к типу К. А. Булгакова: «бесхарактерный, безнравственный, безбожный, самолюбивый, злой, но слабый человек»[135].

Героини мадригалов

Новогодние мадригалы Лермонтова являются своеобразным выпадом юного поэта против фамусовской Москвы. Он подчеркивает в них все то, что выделяет девушек, которым посвящены мадригалы, из светской толпы: ум и оригинальность, талантливость, неспособность ко лжи. Бартенева и Додо обе занимаются искусством. Додо Сушкова – поэтесса, Полина Бартенева – певица.

Додо и Полина хорошо знакомы между собой. Сушкова не раз посвящала Бартеневой стихи и воспевала порывистый и глубокий, чистый и свежий ее голос:

Она поет… и сердцу больно,
И душу что-то шевелит,
И скорбь невнятная томит,
И плакать хочется невольно[136].

В стихотворении, адресованном Бартеневой, Лермонтов дает возвышенное, романтическое понимание искусства, очень далекое от взгляда на искусство как на развлечение, лекарство от скуки, праздности и безделья, типичного для фамусовской Москвы.

1. Бартенева

Описывая новогодний маскарад в «Благородном собрании» и говоря о том, что некоторые маски раздавали стихи, Шаликов сообщает, что одно стихотворение было поднесено той, которая «недавно восхищала нас Пиксисовыми вариациями» [137].

Вариации Пиксиса пела на благотворительном концерте 15 ноября 1831 года Прасковья Арсеньевна Бартенева.

Бартенева – девушка из обедневшей дворянской семьи. Благодаря прекрасному голосу ее приглашали на балы.

Скажи мне: где переняла
Ты обольстительные звуки,
И как соединить могла
Отзывы радости и муки?
Премудрой мыслим вникал
Я в песни ада, в песни рая,
Но что-ж? – нигде я не слыхал
Того, что слышал от тебя я![138]

Так приветствовал под новый год юный поэт Лермонтов юную певицу.

Несколько месяцев спустя в ее альбом напишет стихи другой знаменитый поэт:

Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает,
Но и любовь Гармония.

Эти строки из драмы «Каменный гость» вписаны Пушкиным 5 октября 1832 года в альбом в коричневом сафьяновом переплете, с бронзовыми застежками. Альбом принадлежал, как о том свидетельствует надпись, Pauline Bartenieff[139].

2. Додо

Додо Сушкова[140] очень популярна среди передовой молодежи конца 20-х – начала 30-х годов. Современник Лермонтова – Огарев много лет спустя вспоминал девушку, жившую у Чистых прудов[141]. Она была в той счастливой поре юности, когда «жизнь нова», «сердце живо», «и вера в будущность жива».

Я помню (годы миновали!)…
Вы были чудно – хороши;
Черты лица у вас дышали
Всей юной прелестью души[142].

Этой девушке-москвичке Лермонтов посвятил новогодний мадригал:

Додо

Умеешь ты сердца тревожить,
Толпу, очей остановить.
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нежной оживить;
Умеешь ты польстить случайно
С холодной важностью лица
И умника унизить тайно.
Взяв пылко сторону глупца! –
Как в Талисмане стих небрежный,

Как над пучиною мятежной
Свободный парус челнока,
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понял север хладный;
В наш круг ты брошена судьбой,
Как божество страны чужой,
Как в день печали миг отрадный! – [143]

В стихотворении Лермонтова есть намек на конфликт между Додо и светским обществом. «Тебя не понял север хладный», – говорит ей поэт. Дело в том, что Додо поступала вопреки предрассудкам, нарушала законы светского общества. Писать стихи считалось неприличным для светской девушки. Стихотворение Додо «Талисман» было даже опубликовано, правда, без ее ведома, в альманахе «Северные цветы» на 1831 год. Юная поэтесса выдержала семейную бурю и подверглась осуждению в гостиных фамусовской Москвы.

В новогоднем мадригале, посвященном Додо, Лермонтов не имел возможности упомянуть о других ее стихах, которые он, конечно, знал. Много лет спустя Огарев вспоминает «заветную» тетрадь Додо:

В те дни, когда неугомонно
Искало сердце жарких слов,
Вы мне вручили благосклонно
Тетрадь заветную стихов.
Не помню – слог стихотворений
Хорош ли, не хорош ли был,
Но их свободы гордый гений
Своим наитьем освятил.
С порывом страстного участья
Вы пели вольность, и слезой
Почтили жертвы самовластья,
Их прах казненный, но святой.
Листы тетради той заветной Я перечитывал не раз,
И снился мне ваш лик приветный,
И блеск, и живость черных глаз[144].

Тетрадь до нас не дошла. Но среди бумаг декабриста Захара Григорьевича Чернышева было найдено одно из стихотворений заветной тетради Сушковой – Додо.

Послание к страдальцам

Соотчичи мои, заступники Свободы, –
О вы, изгнанники за правду и закон, –
Нет, вас не оскорбят проклятием народы.
Вы не услышите укор земных племен!
Удел ваш не – позор, но – слава, уваженье,
Благословения правдивых сограждан,
Спокойной совести, Европы одобренье,
И благодарный храм от будущих Славян!

Сушкова выражала надежду, что революция уничтожит деспотизм, свергнет царя, и тогда свободные «сограждане» совершат «тризну» в честь погибших:

Быть может… вам и нам ударит час блаженный
Паденья варварства, деспотства и царей,
И нам торжествовать придется мир священный
Спасенья Россиян и мщенья за друзей!
Тогда в честь падших жертв, жертв чистых, благородных
Мы тризну братскую достойно совершим,
И слезы сограждан ликующих, свободных
Наградой славною да будут вечно им!..

«(писано когда мне было 15 лет)»

«Захару Григорьевичу Чернышеву, в знак особенного уважения, от *Граф. Евдокии Ростопчиной*»[145].

Это стихотворение, обращенное пятнадцатилетней Сушковой к сосланным декабристам, ставит ее в ряды передовой молодежи 20-30-х годов.

Стихотворение Лермонтова, адресованное «Додо», выделяется среди других его новогодних стихов своей значительностью. Оно больше по размеру, отличается глубиной содержания и каким-то внутренним теплом. Это стихотворение помогает расшифровать инициалы в заглавии двух других и установить, что они также адресованы Е. П. Сушковой.

Новогодние эпиграммы и мадригалы Лермонтова дошли до нас в его черновой тетради, заполненной зимой 1831/32 года[146]. За пять страниц до стихотворения «Додо» помещено стихотворение с надписью «К: д». В этом стихотворении, которое полно большим, серьезным чувством, Лермонтов упрекает свою героиню в холодности и напоминает ей о прошлом расположении к нему.

«Будь со мною, как прежде бывала», – просит юноша-поэт.

В другой тетради того же времени[147], – на страницах, заполненных в самом начале декабря или в конце ноября, то есть за месяц до эпиграмм и мадригалов (написанных в конце декабря), есть стихотворение «К Д ***». Число звездочек при начальной букве имени соответствует количеству букв в слове «Додо». Такая прозрачная зашифровка была принята в альбомах со стихами.

Героиня юношеской лирики Лермонтова – Н. Ф. Иванова. Она царит в ней с 1830 до весны 1832 года. На маскараде поэт обращается к Н. Ф. Ивановой с резкой эпиграммой.

В феврале 1832 года Сушкова пишет стихотворение «Отринутому поэту». Светская кокетка, оттолкнувшая поэта, обрисована в стихотворении чертами, которыми Лермонтов наделяет Н. Ф. Иванову в стихах 1832 года.

И как не знать ему заране,
Что все кокетки холодны,
Что их могущество в обмане,
Что им поклонники нужны?
Она кружится… и пленяет,
Довольна роком и собой;
Она чужой тоской играет,
В ней мысли полны суетой[148].

Три стихотворения в юношеских тетрадях Лермонтова представляют особый интерес в связи с позднейшими фактами его биографии.

В конце 30-х – начале 40-х годов Лермонтов часто встречается в Петербурге и очень близок с прославленной светской писательницей графиней Ростопчиной. Графиня Ростопчина – это та же Додо Сушкова, вышедшая замуж за сына московского губернатора и богача Ростопчина. Лермонтова и Ростопчину соединяет дружба юности и годы, вместе проведенные в Москве.

Для поколения 30-х годов Москва – большая связующая сила – общая родина. Поэтесса Каролина Павлова в 40-х годах напоминает Ростопчиной, что она «дочь Москвы», что она не может забыть «юных лет», проведенных в Москве. Об этом же времени общей юности в Москве говорит ей и Огарев в приведенном выше стихотворении. То же самое имеет в виду и Лермонтов в обращенном к ней стихотворении 1841 года:

Я верю: под одной звездою
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,

Нас обманули те же сны[149].

Стихи написаны на странице альбома, который Лермонтов подарил Ростопчиной весной 1841 года, перед своим последним отъездом на Кавказ. Незадолго перед тем Ростопчина писала:

«На дорогу! Михаилу Юрьевичу Лермонтову».

Есть длинный, скучный, трудный путь…
К горам ведет он, в край далекий;
Там сердцу в скорби одинокой
Нет где пристать, где отдохнуть!

Стихотворение кончалось надеждой на скорый возврат поэта:

Но заняты радушно им
Сердец приязненных желанья, –
И минет срок его изгнанья,
И он вернется невредим![150]

Этой надежде не суждено было оправдаться. Поэт не вернулся. Он был убит на дуэли Мартыновым. Осенью Ростопчина писала:

О жаль Его!!.. О! трижды жаль Его, –
Как юношу, – как друга, – как поэта!!!..[151]

В период нарастания революционного движения, в середине 50-х годов, между Ростопчиной и молодым поколением происходит разрыв. Некогда передовая поэтесса оказалась в лагере реакционеров-крепостников. Ростопчина сжигает свою заветную тетрадь, где она прославляла подвиг декабристов, и воспевает их палача Николая I.

Во второй половине 50-х годов в России пользовалась исключительным влиянием газета «Колокол», которую издавал в Лондоне Герцен в собственной типографии, созданной им для печатания запрещенных в России книг.

Ростопчина ополчилась против Герцена. Друг и единомышленник Герцена – Огарев дал Ростопчиной жестокую отповедь. Он назвал ее отступницей. Огарев призывал Ростопчину просить прощения у молодого поколения и вернуться к забытым идеалам юности..

Мне жалко вас. С иною дамой
Я расквитался б эпиграммой;
Но перед вами смех молчит,
И грозно речь моя звучит:
Покайтесь грешными устами.
Покайтесь искренно, тепло.
Покайтесь с горькими слезами,
Покуда время не ушло!
Просите доблестно прощенья
В измене ветреной своей –
У молодого поколенья,
У всех порядочных людей.
Давно расстроенную лиру
Наладьте вновь на чистый строй;
Покайтесь, – вам, быть может, миру
Сказать удастся стих иной, –
Не тот напыщенный, жеманный,
Где дышит холод, веет тьма,
Где все для сердца чужестранно
И нестерпимо для ума;
Но тот, который, слух лаская,
Звучал вам в трепетной тиши
В те дни, когда вы, расцветая.
Так были чудно-хороши[152].

Ростопчина не покаялась. Еще резче выступала она в сатире «Возврат Чацкого в Москву» и, незадолго до своей смерти, в «Доме сумасшедших».

Эпиграммы на московских светских красавиц

Воспевая московских девушек с талантом и умом, Лермонтов обращается к прославленным светским красавицам с едкими эпиграммами.

Блеск Алябьевой Пушкин сравнивал с прелестью Гончаровой, Вяземский говорил о ее классической красоте. Юноша Лермонтов дерзко ей заявляет:

– Вам красота чтобы блеснуть
Дана;
В глазах душа чтоб обмануть
Видна!..
Но звал лн вас хоть кто-нибудь;
Она?[153]

Бухариной, которую звали «Психеей», «Пери», «Сильфидой», юноша-поэт говорит:

Не чудно ль, что зовут вас Верой? –
Ужели можно верить вам? –
Нет, я не дам своим друзьям
Такого страшного примера!..[154]

Эпиграмма, адресованная к «Н.Ф.И.», заставляет вспомнить нападки Чацкого на страсть к чинам и увлечение мундиром: «Мундир, один мундир!»

Н. Ф. И.

Дай бог, чтоб вечно вы не знали. Что значат толки дураков,
И чтоб вам не было печали От шпор, мундира и усов;
Дай бог, чтоб вас не огорчали Соперниц ложные красы,
Чтобы у ног вы увидали Мундир, и шпоры, и усы! – [155]

Н. Ф. Иванова

Слишком знаем мы друг Друга,
Чтоб друг друга позабыть.

Лермонтов.

По страницам юношеских тетрадей Лермонтова разбросаны таинственные инициалы: «Н. Ф. И.». Долгое время они привлекали к себе внимание исследователей[156]. Только в нашу советскую эпоху И. Л. Андроникову удалось разгадать загадку «Н. Ф. И.»[157] и ввести новое лицо в биографию великого русского поэта.

Андроников не только разгадал тайну этих трех букв – он разыскал в Москве, на Зубовском бульваре, квартиру, где жила внучка героини Лермонтова. Познакомившись с ней, Андроников многое узнал от нее о ее бабушке.

«Дева нежная лицом, с очами полными душой и жизнью», с «чистым», «спокойным взором» – вот героиня лирического цикла «Н.Ф.И.». Такой смотрит она и с небольшого портрета, который удалось найти Андроникову на дне старого сундука, долгие годы хранившегося на даче под Москвой.

Наталья Федоровна Иванова – дочь покойного Федора Федоровича Иванова, известного театрала и драматурга. Остряк и весельчак, Ф. Ф. Иванов – колоритная фигура Москвы 10-х годов. Он был другом профессора Московского университета, критика, переводчика и поэта Мерзлякова[158]. Мерзляков давал уроки Лермонтову. Очень возможно, что это он ввел в дом к Арсеньевой дочерей своего друга.

В 1830 году Лермонтова соединяет с Ивановой дружба. Эта дружба незаметно переходит у юноши Лермонтова в любовь, в которой он не решается признаться. Между тем у Наташи Ивановой появляются женихи.

Первый раз вопрос о браке встает, по-видимому, весной 1831 года, что находит отражение в драме «Странный человек», которую Лермонтов заканчивает в черновом виде 17 июля. Брак Наташи Ивановой расстраивается, – она выйдет замуж только несколько лет спустя, – но с этого момента все иллюзии Лермонтова исчезают.

Бурно пережив свое горе, он уезжает в Середниково, где проводит лето вдали от Ивановой. Он теперь уже знает, что она его не любит, страдает от этого, но не винит ее в своих страданиях, так как Наташа никогда его не обманывала. Но осенью все меняется. Лермонтов встречает Н. Ф. Иванову в обществе. Он видит ее окруженной поклонниками и мучительно ревнует. Иванова тепло и дружески относится к поэту, старается охладить его чувство, но это ей не удается. К весне 1832 года, последней весне, проведенной Лермонтовым в Москве,

заканчивается первая юношеская любовь поэта.

* * *

Стихи Лермонтова, относящиеся к 1830 году, отличаются спокойным, дружеским тоном, страстная эмоция в них отсутствует. Лермонтов делится с Ивановой своими философскими размышлениями, ищет моральной поддержки. Лермонтов гораздо слабее и беспомощнее своей героини, – это мальчик рядом с более взрослой (хоть и не годами) девушкой[159], с сильным, уже сформировавшимся характером.

Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами.
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страстями…

«Н. Ф. И……вой (Любил в начале жизни я угрюмое уединенье…)»

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою жестокую кручину,
Мои обманчивые сны,
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой,
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

«Романс к И…»[160]

Это тот период большой дружеской близости, о которой Лермонтов будет неоднократно вспоминать в стихах 1832 года:

Слишком знаем мы друг Друга,
Чтоб друг друга позабыть[161].

«Но для тебя я никогда не сделаюсь чужим»[162], – не устает он повторять Наташе весной 1832 года, когда она делает попытки отдалить от себя юношу, любовь которого не может разделить.

«Год тому назад, – вспоминает Владимир Арбенин про первый период отношений с Наташей Загорскиной, – увидав ее в первый раз, я писал об ней в одном замечании. Она тогда имела на меня влияние благотворительное – а теперь – теперь – когда вспомню, то вся кровь приходит в волнение»[163].

Наташа Иванова хотя и не разделяет философских мук своего друга, уже в этот период интеллектуально более развитого, чем она, но серьезно и внимательно выслушивает все то, о чем он ей говорит:

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный.
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный. –

Эти строки передают внутренний облик спокойной, уравновешенной девушки. Он вполне соответствует изображению на портрете Бинемана.

Несмотря на авторитет своего друга, юноша-поэт не может освободиться от мучающих его философских проблем:

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Одиако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился…[164]

Дружба юноши Лермонтова постепенно переходила в любовь. Этот новый этап его отношений с Н. Ф. Ивановой относится к зиме и весне 1831 года. К сожалению, от этого времени не сохранилось ни одной тетради Лермонтова. Об этом периоде мы можем судить только по первым сценам драмы «Странный человек» и по двум стихотворениям, где Лермонтов рисует картины недавнего прошлого, изображая себя и свою героиню. Если судить по драме, по этим стихотворениям и по следующим, где юноша-поэт упрекает ее в измене, то приходится допустить, что в отношениях Ивановой тоже был какой-то момент, когда ее чувства к Лермонтову были на грани любви.

В приведенном выше монологе Владимир Арбенин говорит о том, что он не в состоянии высказать Наташе своих чувств: «Когда я далёко от нее, то воображаю, что скажу ей, как горячо сожму ее руку, как напомню о минувшем, о всех мелочах… А только с нею:

все забыто; я истукан! душа утонет в глазах; все пропадет…

…Может быть она меня любит; ее глаза, румянец, слова…»[165]

Вскоре после драмы «Странный человек», в июле того же 1831 года, написано стихотворение («Видение»), которое Лермонтов несколько месяцев спустя вставил в драму как стихотворение Владимира Арбенина. В стихотворении три картины, и на каждой изображен один и тот же юноша – он сам.

Весенний теплый день. У окна сидит «дева, нежная лицом, с очами полными душой и жизнью». Ее взоры бродят по раскрытой книге, но буквы сливаются, а сердце бьется. Рядом сидит смуглый юноша и смотрит не на нее, а в окно, на бегущие облака, хотя только о ней думал он в разлуке, дорожил ею больше своей «непобедимой гордой чести»; теперь же, в ее присутствии, он не смеет вздохнуть, не смеет пошевелиться и прервать молчания из боязни услыхать холодный ответ:

Безумный! ты не знал, что был любим,
И ты о том проведал лишь тогда,
Как потерял ее любовь навеки -[166]

Стихотворение «Сон», хотя и не датированное, по-видимому, относится к тому же времени, так как очень сходно по содержанию. На большом крыльце, между колонн, ночью, при луне сидит дева, у ее ног – юноша, почти ребенок. Он робко жмет ей руку и с тревогой следит за выражением ее глаз.

В первых числах июня 1831 года происходит какой-то кризис в отношениях Лермонтова с Ивановой. Юноша-поэт проводит пять дней на даче, в семье Наташи. В эти-то дни и случается нечто такое, что заставляет его убедиться в том, что она его не любит.

Мы можем только догадаться о том, что произошло в это время, но эти пять дней породили в душе Лермонтова чувства, которые в течение года будут питать его творчество. Лирическое волнение затихнет только к лету 1832 года. Тогда же был получен творческий заряд, который заставил Лермонтова написать в полтора месяца драму «Странный человек».

Ключом к пониманию событий этого периода служит письмо друга Лермонтова Владимира Шеншина к их общему другу Поливанову, с небольшой припиской самого юноши-поэта. Это письмо, по счастливой случайности, сохранилось до наших дней и было приобретено рукописным отделом Пушкинского дома в Ленинграде.

Письмо было написано 7 июня и послано с оказией[167] из Москвы в деревню, где проводил лето Поливанов. Письмо на тоех

страницах, а на четвертой посредине: «Николаю Ивановичу Поливанову».

Шеншин рассказывает о том, как он проводит время. В Москве душно, все разъехались, с оставшимися в городе товарищами почти не встречается, «и только один Лермонтов, с которым я уже пять дней не видался, меня утешает своею беседою». Если бы письмо на этом и кончилось, то мы бы никогда не узнали имя московской героини Лермонтова. Но Шеишин решает пояснить, почему же он не виделся пять дней с другом, который только один «утешает его своею беседою», и над словами, что он «уже пять дней не видался» с Лермонтовым, делает приписку: «Он был в вашем соседстве у Ивановых». Эта-то фраза и помогла Андроникову разгадать «загадку Н. Ф. И.».

В конце письма Шеншина Лермонтов делает приписку, которая живо характеризует его душевное состояние по возвращении от Ивановой: «Любезный друг, здравствуй! – пишет Лермонтов Поливанову. – Протяни руку и думай, что она встречает мою; я теперь сумасшедший совсем. – Нас судьба разносит в разные стороны, как ветер листы осени. – Завтра свадьба твоей кузины Лужиной, на которой меня не будет (?!); впрочем, мне теперь не до подробностей. – Чорт возьми все свадебные пиры. – Нет, друг мой! мы с тобой не для света созданы;-я не могу тебе много писать: болен, расстроен, глаза каждую минуту мокры. – Sourse intarissable[168]. – Много со мной было…»[169]

События, которые произошли в это время с Лермонтовым («много со мной было»), и нашли свое отражение в драме, которую он пишет, вернувшись от Ивановых. «Я решился изложить драматически, – говорит он в предисловии, – происшествие истинное… Лица, изображенные мною, все взяты с природы; и я желал бы, чтоб они были узнаны…»[170].

В лице главного героя Владимира Арбенина Лермонтов изображает самого себя, в лице главной героини Наташи Загорскиной – Наташу Иванову.

Владимир Арбенин глубоко любит Наташу Загорскину, которой он открывает свою душу, посвящает стихи, но не решается сказать о своей любви. Наташа выделяет его среди остальных молодых людей. Она даже как будто и любит его, но в то же время легко поддается интриге, направленной против Арбенина со стороны ее кузины, которая сама увлечена им и старается разлучить их. Ей это без особого труда удается. За Наташей начинает ухаживать человек, которого Арбенин считает своим другом, и Наташа принимает его предложение.

Владимир, на которого сразу обрушивается несколько у даров

(у него умирает мать, его проклинает отец), не выдерживает этого последнего испытания – он сходит с ума и в припадке безумия кончает самоубийством. Его похороны – в один день со свадьбой Наташи. По окончании драмы Лермонтов мрачно выводит: «Конец». Это слово, написанное столь выразительно после финала драмы, в которой находит отражение сюжет, взятый из личной жизни автора, очень красноречиво свидетельствует о собственных переживаниях юноши Лермонтова.

Окончив 17 июля в Москве драму «Странный человек», Лермонтов едет в Середниково. Жизнь на лоне природы, общество его старшего друга Сашеньки Верещагиной, которая всегда имела на Лермонтова благотворное влияние, занятия литературой и чтение в прекрасной середниковской библиотеке – все это вместе взятое успокаивает юношу, который принимает участие во всех развлечениях и шалостях молодежи.

Сразу по приезде в Середниково мы застаем Лермонтова ночью на его любимом месте, у окна его комнаты, открытого в парк. На развороте с окончанием драмы «Странный человек», где эффектно выведено слово «Конец», расположено стихотворение «Завещание» с припиской: «(Середниково: ночью; у окна)». Это стихотворение служит как бы лирической вариацией к финалу драмы. Ночью, у окна, юноша думает о самоубийстве и в глуши середниковского парка выбирает себе место для могилы:

Мой друг! ты знаешь ту поляну; –
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану![171]

В течение всего лета Лермонтов не перестает возвращаться к своей любви и говорить о ней в самых разнообразных формах.

Пережитые страдания заставляют юношу как-то сразу вырасти и возмужать. Роли меняются. Лермонтов говорит теперь со своей героиней, как старший с существом более слабым и неустойчивым, как мужчина с юной девушкой. В стихотворениях этого лета чувствуется какая-то внутренняя зрелость и мудрость. В упреках юноши много трогательной нежности. Он старается оправдать Наташу. Трудно представить, что это пишет семнадцатилетний мальчик.

Во зло употребила ты права.
Приобретенные над мною,
И мне польстив любовию сперва,
Ты изменила – бог с тобою!
О нет! я б не решился проклянуть! –

Все для меня в тебе святое:
Волшебные глаза, и эта грудь,
Где бьется сердце молодое.

«К***» («Всевышний произнес свой приговор»…) Конец июля[172].

Лермонтов говорит о каком-то поцелуе, который, он знал, не был поцелуем любви:

В те дни, когда любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зиой, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.

«К Н. И……»[173]

Проходит лето. Вакации кончаются, и перед началом занятий в университете Лермонтов возвращается в Москву.

Летом, Едали от Наташи, Лермонтов спокойно мог рассуждать о происшедшем. Теперь, в городе, он встречается с ней на балах и видит ее, красивую и жизнерадостную, окруженную влюбленными в нее молодыми людьми. Любовь и ревность вспыхивают с новой силой.

Лирические дневники Лермонтова осени, зимы и весны 1831-1832 годов[174] свидетельствуют о внутренней борьбе и мучительных переживаниях юноши-поэта, связанных со встречами его с Н. Ф. Ивановой.

Опять, опять я видел взор твой милый,
Я говорил с тобой.
И мне былое, взятое могилой,
Напомнил голос твой[175],

– пишет он 28 сентября. Встреча с Ивановой напомнила Лермонтову о его драме «Странный человек» и заставила его вернуться к ней.

На развороте со стихотворением читаем: «Еще сцена для странного человека», и дальше, на четырех страницах, черновой набросок сцены у студента Рябинова, которая в драме,

законченней 17 июля, отсутствовала.

«Снегин. Что с ним сделалось? Отчего он вскочил и ушел не говоря ни слова?

– Челяев. Чем-нибудь обиделся!

– Заруцкой. Не думаю:-ведь он всегда таков; то говорит, орёт, хохочет… то вдруг замолчит и сделается подобен истукану; и вдруг вскочит, убежит, как будто потолок над ним проваливается…»

Очень возможно, что этот разговор товарищей про Владимира Арбенина отражает действительный факт – поведение Лермонтова, вызванное неожиданной встречей с Наташей Ивановой. Нахлынувшее волнение заставило юношу вскочить и убежать, «как будто потолок над ним проваливается».

На самом верху страницы, над сценой для «Странного человека», есть небольшое стихотворение, которое говорит о новой вспышке чувства:

К*

Не верь хвалам и увереньям,
Неправдой Истину зови.
Зови надежду сновиденьем…
– Но верь, о верь моей любви[176].

И через три страницы – еще одна сцена для драмы.

Лирический дневник, расположенный на страницах между этими двумя новыми сценами для «Странного человека», представляет собой большой интерес для характеристики внутреннего состояния Лермонтова в этот период его отношений с Н. Ф. Ивановой. Развлечения студенческой «веселой ватаги», похождения, который позднее послужат Лермонтову материалом для поэмы «Сашка», чередуются с возвышенными порывами. Картины окружающей зимней природы врываются в лирический дневник юноши-поэта.

На одной и той же странице – два стихотворения, написанные под впечатлением бушующих зимних метелей:

Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды…

И дальше:

Метель шумит и снег валит…[177]

На одной и той же странице «Песня» и «Небо и звезды»; на развороте «Счастливый миг», а на следующей странице «Когда б в покорности незнанья…» За небольшим наброском еще одной сцены для «Странного человека» идет стихотворение, обращенное «К кн. Л. Г(орчаков)ой», двоюродной сестре Н. Ф. Ивановой. Лермонтов рассказывает ей о горестях неразделенной любви, но она не понимает его страданий и недоверчиво качает головой. Семнадцатилетнюю девушку радуют блестящие наряды, все ей кажется привлекательным – люди, жизнь и свет. Но, – с горечью прибавляет Лермонтов:

– . ты не будешь
Довольна этим, как она…

Ты рождена для другого, более высокого, в тебе есть зерна мыслей, которым не суждено погибнуть[178]. А в самом низу страницы, под стихотворением, адресованным Горчаковой, опять небольшой набросок к драме.

Лермонтов долго бродит один ночью по снежным улицам Москвы и возвращается домой «в час утра золотой», когда над городом лежит туман и между храмов Кремля «с гордой простотой» «Как царь, белеет башня-великан».

Волнение временно улеглось. Юноша овладел своими чувствами, вызванными новыми встречами с героиней. В его лирическом дневнике следует философское размышление в стихах:

Я видел тень блаженства…

Но и здесь он признается:

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной – и все, что чуждо ей,
То чуждо мне…

Звук ее речей для него отголосок рая, и

…для мученья моего она,
Как ангел казни, богом создана –

Теперь, как и раньше, он опять старается оправдать ее:

Нет! чистый ангел не виновен в том,
Что есть пятно тоски в уме моем…

Ему кажется, что это пятно тоски все ширится и растет, как «чумное пятно», оно жжет ему сердце[179].

Поводы для ревности – на каждом шагу. Всякий новый повод заставляет его страдать.

На той же странице, где закончено стихотворение «Я видел тень блаженства…», следует небольшое стихотворение «К***». Оно отчеркнуто от предыдущего, и под чертой:

К***

О, не скрывай! ты плакала об нём…

Она плакала о ком-то, кто был близок и Лермонтову, но ее слезы заставили бы его полюбить даже врага. И тут же он снова обращается к прошлому:

И я бы мог быть счастлив…

Но он не хочет искать счастья в прошлом и с горечью замечает, что должен быть доволен и тем,

Что зрел, как ты жалела о другом! – [180]

В декабрьских стихах 1831 года перепевы мотивов недавней близости[181] сменяются припадками тоски и отчаяния, доходящими до предела, когда любовь готова перейти в ненависть:

Как дух отчаянья и зла
Мою ты душу обняла…

Иногда Лермонтову начинает казаться, что любовь прошла:

Я не люблю тебя –

В его душе уживаются самые противоречивые чувства. Юноша-поэт то готов воздвигнуть алтарь своей героине, то оскорбить свое божество. В лирике этой зимы постоянно мелькает

образ демона. Это демон, любовь которого оттолкнула Тамара.

Как демон мой, я зла избранник.
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой…[182]

Или:

Живу – как неба властелин –
В прекрасном мире – но одни.

Переживания этой зимы дадут Лермонтову материал для изображения внутреннего мира Вадима, героя его неоконченного романа.

Так подготовляется почва для эпиграммы «Н. Ф. И.». Новогодняя ночь является как бы гранью романа Лермонтова с Ивановой, рубежом, за которым начинается уже последний его этап.

Эпиграмма «Н. Ф. И.» расположена в тетради[183] Лермонтова на одной и той же странице с двумя другими стихотворениями. Все три служат выражением одного и того же строя чувств, объединяются единым сюжетным стержнем:

Как дух отчаянья и зла Мою ты душу обняла…

И дальше:

Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Все жив, хотя бессилен он…[184]

Читая эти стихотворения, мы видим, как душа юноши-поэта мечется в отчаянии, бросаясь от одной крайности в другую. Здесь напряжение чувств достигает кульминации, и после этой новогодней ночи роман Лермонтова с Н. Ф. Ивановой идет к своему концу.

Проснувшись после бала от ярких лучей январского солнца у себя в мезонине на Молчановке, Лермонтов вспомнил вчерашнее, свою злую эпиграмму, которую он преподнес Наташе, и новые встречи на балу. Казалось, что для него все в жизни кончено

после этой эпиграммы, которой он так оскорбил ее, что душа его мертва. Подойдя к окну и взглянув на улицу, залитую ярким холодным солнцем, он написал:

Как солнце зимнее прекрасно,
Когда, бродя меж серых туч.
На белые снега напрасно
Оно кидает слабый луч!..
Так точно, дева молодая,
Твой образ предо мной блестит;
Но взор твой, счастье обещая,
Мою лн душу оживит? – [185]

«Дева», «образ» которой стоял в этот момент перед Лермонтовым, была Додо Сушкова. В то время как он оскорбил Наташу эпиграммой, он преподнес Додо мадригал. Это было уже третье стихотворение за истекший месяц.

Но дружба с Додо не могла залечить раны, нанесенной Наташей. Ее образ все еще заполняет его душу.

Другим предавшися мечтам,
Я все забыть его не мог…[186]

Наташе, невидимому, не понравилось, что Лермонтов преподнес Додо мадригал. Она в свою очередь обиделась на него и мстила своей холодностью. Ему пришлось просить у нее прощения.

Объяснение Лермонтова с героиней по поводу этого мадригала, в котором он осмелился «хвалить» «другую», мы находим в одном из последующих стихотворений:

Скажи мне, для чего такое мщенье?
Я виноват, другую мог хвалить,
Но разве я не требовал прощенья
У ног твоих?

Здесь же, раскаиваясь в мадригале «Додо», он живо рисует одну из тех сцен, которые заставили его написать эпиграмму «Н. Ф. И.»:

…..но разве я любить
Тебя переставал, когда толпою

Безумцев молодых окружена,
Г орда одной своею красотою,
Ты привлекала взоры их одна? –
Я издали смотрел, почти желая,
Чтоб для других очей твой блеск исчез;
Ты для меня была как счастье рая
Для демона, изгнанника небес[187].

Вариант такой сцены есть и в драме «Странный человек». При входе в гостиную Владимир Арбенин видел, как «какой-то адъютантик, потряхивая эполетами», рассказывал Наташе последнюю светскую сплетню и как Наташа «смеялась от души». «Посмотрите, как я буду весел сегодня», – мрачно заявляет при этом Арбенин[188].

Конец зимы и весна 1832 года – период завершения юношеского романа Лермонтова с Н. Ф. Ивановой, последние вспышки догорающего пламени. В стихотворениях этого времени Лермонтов живет воспоминаниями. Он любит возвращаться к теме их большой внутренней близости, которая никогда не позволит им позабыть друг друга, опять вспоминает все о том же поцелуе:

Волшебные глаза и поцелуй прощанья,
За мной бегущие повсюду[189].

Иванова со своей стороны не хочет лишиться его дружбы. Она пытается охладить его чувства и в то же время сама ревнует его, если видит, что он начинает ухаживать за другими. Но юноша Лермонтов постепенно уже освобождается от власти Наташи.

В стихотворении «К*» («Я не унижусь пред тобою…») Лермонтов как бы подытоживает весь пройденный путь, всю историю своей трехлетней любви к Н. Ф. И. Теперь она уже не имеет над ним прежней власти:

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ии твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел

В тебе надежду юных дней,
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильней.
Как знать, быть может, те мгновенья.
Что протекли у ног твоих.
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслею небесной
И силой духа убежден
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он? –
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец?
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец?
Я горд! – прости – люби другого.
Мечтай любовь найти в другом: –
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам, под небо юга
Я удалюся, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга.
Чтобы друг друга позабыть.

Мучительный опыт этой первой неудачной любви юноша переносит на других женщин:

Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ии с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил –
Иль женщин уважать возможно,
Когда мие ангел изменил?[190]

От стихотворных бесед с героиней, от лирической исповеди и биографического документа в стихотворной форме Лермонтов переходит к художественным обобщениям. Здесь и образ покинутого храма, где все еще продолжает царить божество:

Так храм оставленный – все храм,
Кумир поверженный – все бог! –

и образ скалы, разбитой надвое ударом грома:
Вновь двум утесам не сойтись, – но всё они хранят
Союза прежнего следы, глубоких трещин ряд[191].

В «Сонете» Лермонтов так рисует свои отношения с Н. Ф. И.:

Я памятью живу с увядшими мечтами,
Виденья прежних лет толпятся предо мной,
И образ твой меж них, как месяц в час ночной
Между бродящими блистает облаками.
Мне тягостно твое владычество порой;
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощен мой дух и скован, как цепями.
Что ж пользы для меня, – я не любим тобой.
Я знаю, ты любовь мою не презираешь;
Но холодно ее молениям внимаешь;
Так мраморный кумир на берегу морском
Стоит, – у ног его волна кипит, клокочет,
А он, бесчувственным исполнен божеством,
Не внемлет, хоть ее отталкивать не хочет[192].

Но и здесь снова проскальзывают отклики прежних бесед. Рядом с образом мраморного кумира, у ног которого кипит и клокочет волна, совсем прозаически звучат слова: «Я знаю, ты любовь мою не презираешь», напоминая нам бесконечные стихотворные беседы, которые Лермонтов в течение трех лет вел со своей героиней.

Лермонтов был прав. Духовная связь между ним и Н. Ф. Ивановой оказалась прочной. Поэт бывал в доме Натальи Федоровны после ее замужества. Она хранила у себя в шкатулке его стихи и письма. Муж ревновал ее к Лермонтову. Он сжег шкатулку со стихами и письмами поэта.

Судьба Н. Ф. Ивановой была не совсем обычной. По-видимому, это была незаурядная женщина с сильным характером. О том, что Лермонтов любил в юности женщину с сильным характером, он рассказывал своему товарищу по военной школе Меринскому[193].

В выборе мужа Н. Ф. Иванова поступила против светских предрассудков. Наталья Федоровна вышла замуж в 1834 или 1835 году за человека с запятнанным прошлым. Николай Михайлович Обресков, будущий муж Ивановой, в 1826 году разжалован в солдаты. Он был обвинен в краже драгоценностей.

Обресков служил на Кавказе, участвовал в Турецкой

кампании, отличился под Арзерумом и получил георгиевский крест. В 1836 году Обресков в отставке. Он заново начинает свою карьеру в самом низшем чине титулярного советника. В это время он уже женат на Наталье Федоровне.

Обресковы много жили за границей. Дочь Натальи Федоровны воспитывалась в Женеве.

Сохранился портрет Н. Ф. Ивановой в преклонном возрасте. Большой моральной силой веет от этой женщины, которую связывала когда-то большая, глубокая дружба с Лермонтовым.

Наталья Федоровна умерла в 1875 году, 62 лет, и похоронена в Москве на Ваганьковском кладбище.

Пушкин и юноша Лермонтов в окружении фамусовской москвы

В заключение остановимся еще на одной эпиграмме Лермонтова. Она представляет особый интерес и привлекает наше внимание не только своим адресатом, но и некоторой связью с Пушкиным. Это эпиграмма Павлову. Эпиграмма Павлову указывает на близкое знакомство юноши-поэта с одним из передовых писателей его времени.

Блестящий ум, горячее сердце, разносторонняя одаренность – вот что отмечают современники в Николае Филипповиче Павлове. В его произведениях художественное мастерство сочеталось с публицистической остротой.

«Три повести» Павлова при своем появлении в свет в 1835 году вызвали восторженные отзывы критики. В них Павлов затронул большие социальные проблемы и, прежде всего, крепостное право. Цензор получше строгий выговор за то, что пропустил книгу, и ее перепечатка была запрещена Николаем I.

В годы, о которых идет речь, Павлов пишет стихи и водевили. 29 января 1832 года запрещен бенефис Львовой-Синецкой из-за водевиля Павлова «На другой день после представления света, или комета 1832 года»[194].

Павлов – писатель-разночинец. Он происходил из крепостных, но благодаря литературным связям и женитьбе вошел в московскую дворянскую среду.

У него бывал Лермонтов, приезжая впоследствии на короткое время в Москву.

В эпиграмме Павлову Лермонтов говорит об отношении светского общества к поэту. В ней намечается тема конфликта между поэтом и светской чернью, которую он впоследствии разовьет в стихотворении, написанном на смерть Пушкина. Содержание эпиграммы также имеет отношение к Пушкину. Среди фактов, послуживших Лермонтову материалом для сделанных в эпиграмме выводов и обобщений, есть, без сомнения, факты, связанные с Пушкиным.

Во второй половине 20-х – начале 30-х годов Пушкин часто бывал в Москве и подолгу жил там.

В марте 1829 года Булгаков писал брату: «Вчера провели мы очень приятный вечер дома. Давно к нам просился поэт Пушкин в дом; я болезнью отговаривался, теперь он напал на Вигеля, чтобы непременно его к нам в дом ввести». Пушкин просидел у Булгаковых весь вечер, был очень весел, восхищался их детьми и

пением дочери Кати, которая исполняла романсы на его стихи. Пушкин «едет в армию Паскевича, узнать ужасы войны, послужить волонтером, может и воспеть это все. Ах! не ездите, – сказала ему Катя: там убили Грибоедова. – Будьте спокойны, сударыня: неужели в одном году убьют двух Александр Сергеевичев? Будет и одного!»[195] Разговор в таком духе продолжался до двух часов ночи.

Весь зимний сезон 1830-1831 годов Пушкин в центре внимания фамусовской Москвы. Интерес к Пушкину усиливается еще и тем, что он собирается жениться. Его невеста – известная московская красавица Наталья Николаевна Гончарова. Свадьба, да еще свадьба Пушкина, дает богатую пищу разговорам. Паутина пошлых сплетен плотно опутывает Пушкина и его невесту.

Все это «жужжанье» в московских гостиных, которое приходилось слышать Лермонтову, задевало поэта.

Тут необходимо вспомнить о жестокой травле Пушкина в журналах начала 30-х годов, что сильно волновало Лермонтова. Не могла не вызвать его возмущения информация в первом январском номере «Московских ведомостей» 1830 года о том, что Пушкин вместе с Булгариным избран почетным членом Общества любителей российской словесности. Имя великого русского поэта стояло рядом с именем Фаддея Булгарина.

В глазах Лермонтова оскорблен был не только Пушкин. В его лице было унижено самое дорогое, самое святое в жизни – высокое звание поэта.

В новогоднем стихотворении, адресованном Павлову, Лермонтов с горечью писал:

> Как вас зовут? ужель поэтом? –
> Поймет ли мир небесный глас?
> Я вас прошу в последний раз,
> Не называйтесь так пред светом:
> Фигляром назовет он вас! –
> Пускай никто про вас не скажет:
> Вот стихотворец, вот поэт;
> Вас этот титул только свяжет
> И будет целью всех клевет;
> С ним привилегий вовсе нет[196]. –

Та же горечь слышится и в стихотворениях самого Пушкина этого периода. В «Северных цветах» на 1831 год было опубликовано стихотворение, в котором мы находим непосредственное отражение его переживаний в атмосфере фамусовской Москвы. Возможно, что этим стихотворением Пушкина был подсказан Лермонтову и

образ фигляра:

К доброжелательству досель я не привык –
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый.
Ударит по сердцам с неведомою силой, –
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонною кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье.
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, –
«Тем лучше, – говорят любители искусств, –
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастие поэта
Меж ими не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно – [197]

В стихах Лермонтова, написанных пять лет спустя, есть отклики на это московское прошлое:

Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде – и убит!

– писал Лермонтов в Петербурге в 1837 году.
И дальше:

Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар -[198]

Что значит это «прежде»? Когда это «сперва»? Лермонтов мог иметь в виду то, что было за пять лет перед тем, в Москве, где они оба жили и чему он был там свидетелем.

Пусть Лермонтов не был знаком с Пушкиным. Он часто приезжал в Москву и подолгу жил в ней. Лермонтов мог встретить его в театре, в собрании, в книжной лавке, на гулянье или просто на улице.

Стихотворение «Смерть поэта» завершает длительную внутреннюю связь Лермонтова с Пушкиным, начавшуюся много лет назад, в Москве. Оно является дальнейшим развитием той обличительной линии, которая намечается уже в годы юности поэта.

Глава третья. Лето в Середникове

Летние вакации Лермонтов проводил в усадьбе Столыпиных – Середникове.

Подмосковная Середниково живописно расположена среди тенистого парка, на высоком холме.

Блистая пробегают облака По голубому небу. Холм крутой Осенним солнцем озарен. Река Бежит внизу по камням с быстротой[199], – вот пейзаж Середникова[200], который мы узнаем в стихах Лермонтова, написанных сто с лишним лет назад.

Усадьба Середниково была создана на рубеже XVIII и XIX веков екатерининским вельможей В. А. Всеволожским.

Прямая подъездная аллея вела к дому классического стиля, с широким парадным двором и колоннадой. При доме разбит английский парк. Речке Горетовке, протекавшей под горой, дано новое русло, в старом – вырыты пруды. Насыпан холм в несколько сажен высотой. На его вершине построена беседка, а склоны засажены соснами. Над рекой Всеволожский выстроил громадную баню, или «мыльню», которая вскоре была обращена в крахмальный завод. Завод, как и мыльня, просуществовал недолго, и само здание вскоре превратилось в развалины.

После Всеволожских, с 1806 года, Середниково переменило несколько владельцев, пока, наконец, в 1825 году, за несколько месяцев до своей смерти, его не приобрел дед Лермонтова – Дмитрий Алексеевич Столыпин.

Середниково было для юноши Лермонтова, как для Пушкина Болдино, местом напряженной литературной работы и расцвета творческих сил. На свободе от учебных занятий рождались новые замыслы. «Вакации приближаются и …… прости! достопочтенный пансион, – писал Лермонтов тетке Марии Акимовне Шан-Гирей весной 1829 года. – Но не думайте, чтобы я был рад оставить его, потому учение прекратится; нет! дома я буду заниматься еще более, нежели там»[201]. Среди этих занятий на первом месте была литературная работа.

Лермонтов бывал в Середникове четыре лета подряд: в 1829, 1830, 1831 и 1832 годах.

Открываем тетрадь 1830 года на страницах, заполненных в Середникове. Самое беглое впечатление, которое производят даже одни заглавия, дает ощущение весенней природы: «Гроза», «Гроза шумит», «Звезда», опять «Звезда», «Вечер после дождя». В этом году Лермонтов ушел из пансиона. Его ничто не задерживало в Москве, и он мог приехать в Середниково ранней весной.

К заглавию стихотворения «Ночь III» – приписка: «(Сидя в Середникове у окна)». Это его любимое место, особенно ночью, когда в доме тихо и все спят.

Юноша-поэт наблюдает разбушевавшуюся грозу. Ему представляется, что под ним – темная морская бездна. Он стоит над ней, не зная страха. И тут же, у окна, перевернув страницу, делает коротенький, незаконченный набросок стихотворения. Окно превращается в корабль, а он сам – в бесстрашного пловца с «печатью глубоких дум» и с «угасшим взором», который один остается спокоен среди общего ужаса и смятения.

Гроза шумит в морях…

У того же окна он смотрит на далекую звезду. И, наконец, в следующем стихотворении, обмолвившись, признается: «Гляжу в окно». Стоя у окна, он любуется закатом[202]. В ранних пейзажных зарисовках Лермонтову удается схватить черты художественной правды.

Очень хорошо дано ощущение ночного парка из окна заснувшего дома:

Темно. Все спит. Лишь только жук ночной
Жужжа в долине пролетит порой;
Из-под травы блистает червячёк,
От наших дум, от наших бурь далек.
Высоких лип стал пасмурней иавес,
Когда луна взошла среди небес…

«Ночь III» «(Сидя в Середникове у окна)»[203].

На фоне этого реалистического пейзажа Лермонтов хочет дать свой собственный портрет, показать себя стоящим у окна. Этот автопортрет, сделанный в манере, характерной для романтической школы 20-х годов XIX века, ему не удается:

Он здесь. Стоит. Как мрамор, у окна.

Дальше следует: «недвижный взор», «яд страстей», «мятежная» грудь.

Слабость портрета особенно подчеркивается реалистическим характером фона. В стихотворении Лермонтов использует бытовые предметы в виде горящей свечи, забытой на столе, и передает такую подробность, как тень на стене от его фигуры.

Но и на этом мало удавшемся портрете мы ощущаем живого человека, подростка, автора поэтических тетрадей. Он занимался ночью у себя в комнате. Вот Лермонтов встал и подошел к раскрытому окну. Сзади, на столе, горит забытая свеча. Самодельная ученическая тетрадь, сшитая толстыми белыми

нитками, раскрыта на только что написанном стихотворении. Мелкие, неровные строчки бегут, загибаясь вниз.

Лермонтов любит ночью уходить в парк. Его настроениям лета 1830 года больше всего соответствует ночь. К теме ночи он особенно часто возвращается, о чем свидетельствуют сами заглавия стихотворений: «Ночь I», «Ночь И», «Ночь III». Ночная природа живет в его стихах. Мерцание далекой звезды в темном небе, отражение звезды в зеркальной поверхности воды, блеск луны между ветвей над прудом, холодный луч, скользящий вдоль стены.

Очень часто в стихах Лермонтова упоминается пруд. Он любит бродить ночью по берегу и смотреть в темную глубину вод.

Все тихо – полная луна
Блестит меж ветел над прудом,
И возле берега волна
С холодным резвится лучом.

Поэт любуется блеском звезды, отраженной в воде:

Как трепещет в струях, и серебряный прах
От нее рассыпаясь бежит[204].

Он заходит на уединенное сельское кладбище. Рассматривая полустертые надписи на ушедших в землю плитах и покосившихся крестах, размышляя о жизни, он не замечает, как наступает вечер.

Вчера до самой ночи просидел
Я на кладбище, все смотрел, смотрел
Вокруг себя; – полстертые слова
Я разбирал. Невольно голова
Наполнилась мечтами; – и очей
Я не был в силах оторвать с камней! –
Одни ушел уж в землю, и на нем
Все стерлося…. Там крест к кресту челом
Нагнулся, будто любит; будто сон
Земных страстей узнал в сем месте он! –
Вкруг тихо, сладко все, как мысль о ней!
Краснеючи волнуется пырей
На солнце вечера; над головой
Жужжа со днем прощаются игрой
Толпящиеся мошки, как народ

Существ с душой, уставших от работ[205]. –

Открыв другую тетрадь Лермонтова, мы снова, через год, застаем его у того же окна, у которого видели его прошлым летом.

Он приехал из Москвы, где только что закончил драму «Странный человек». В ней он описал свою неудачную любовь к Наташе Ивановой.

Очутившись в Середникове, Лермонтов сразу окунулся в веселую летнюю атмосферу подмосковной. Но вот наступил вечер, и он один у себя в комнате.

Подойдя к окну и широко распахнув его, он смотрит в темный ночной парк.

Есть место: близ тропы глухой,
В лесу пустынном, средь поляны.
Где вьются вечером туманы,
Осеребренные луной…

Как и герой его драмы, автор мрачно настроен и думает о самоубийстве. В этом пустынном месте просит его похоронить. К стихотворению сделана приписка: «(Середниково: ночью; у окна)»[206]. Однако мрачные настроения быстро проходят и не мешают юноше на следующий же день принимать участие в обычных развлечениях и шалостях.

Зиму большой середниковскин дом стоял пустой, с забитыми окнами. Когда зацветали яблони в саду, дом оживал. С весны и до осени в усадьбе толпилась молодежь. Катанье на лодках, прогулки, пикники заполняли целые дни.

* * *

По воскресеньям середниковская хозяйка Екатерина Аркадьевна Столыпина приказывала заложить коляску и ехала к обедне. С ней отправлялась Елизавета Алексеевна, бабушка Лермонтова. Молодежь размещалась на линейке. Лермонтов с Аркадием и его гувернером сопровождали всю компанию верхом.

Длинная, прямая, обсаженная липами аллея вела через «Чортов мост» и выходила на опушку. Обогнув лес, подъезжали к церкви. С противоположной стороны, из глубины леса, на дороге иногда появлялась коляска Сушковых.

Церковь была маленькая и старая. Она была построена еще в

конце XVII века. Всеволожский только слегка подновил ее, а одна из последующих владелиц пристроила небольшой придел. Рядом возвышалась звонница. У самого входа в церковь начиналось кладбище. Тут же рос молоденький вяз, сохранившийся поныне.

К обедне приезжали Столыпины с гостями и соседние помещики.

Грубый деревянный иконостас. Тесно, душно. Лермонтов стоит перед старинной иконой. С потемневшего лика он переводит глаза на одну из стоящих рядом девушек. Выйдя на свежий воздух, Лермонтов пишет на клочке бумаги: «К деве небесной».

Он обращается к «деве небесной», изображенной на иконе, и говорит о ее «небесной» красоте, но свою земную любовь отдает земной девушке:

> Не для земли ты создана,
> И я могу ль тебя любить? –
> Другая женщина должна
> Надежды юноши манить;
> Ты превосходней, чем она,
> Но так мила не можешь быть! – [207]

Середниковская церковь могла дать Лермонтову немало впечатлений для его исторического романа «Вадим» из эпохи восстания Пугачева. Действие сцен романа, происходящих в монастыре, развертывается вокруг образа спасителя. Лермонтов описывает сцену, которую наблюдает герой: «Раз госпожа и крестьянка с грудным младенцем на руках подошли вместе [к образу спасителя]; но первая с надменным видом оттолкнула последнюю, – и ушибленный ребенок громко закричал; – „не мудрено, что завтра, – подумал Вадим, – эта богатая женщина будет издыхать на виселице, тогда как бедная, хлопая в ладоши, станет указывать на нее детям своим…“[208]

Нечто похожее мог не раз наблюдать сам Лермонтов в середниковской церкви. Подобные случаи не могли не возбуждать его негодования.

Около того же образа происходит и другой эпизод, уже иного, лирического плана.

Вадим смотрит на Ольгу, молящуюся перед образом спасителя. Он знает, что она любит другого и молится за него. „… Ольга тихо стала перед образом, бледна и прекрасна… большие глаза ее были устремлены на лик спасителя, это была ее единственная молитва, и если б бог был человек, то подобные глаза никогда не молились бы напрасно…“[209]

На страницах тетради Лермонтова, заполненной в Середникове, есть сатирические зарисовки москвичей, приехавших погостить к Столыпиным. Тут и старуха, плачущая над сентиментальным романом, и глупая красавица, которой можно любоваться только издали, так как „глупый смысл“ ее речей уничтожает очарование.

В коротеньком четверостишии „Моя мольба“ юноша Лермонтов пишет:

Да сохранюся я от мушек,
От дев незнающих любви.
От дружбы слишком нежной – и –
От романтических старушек.

К стихотворению сделана приписка: „(После разговора с одной известней очень мне старухой, которая восхищалась и читала и плакала над Грандисоном)“[210].

И старухи, и пустоголовые красавицы хорошо известны Лермонтову по Москве, – все это типы старой дворянской Москвы. „Романтическая“ старуха, как и „глупая красавица“ – старые знакомые Лермонтова, которых он встречал на Поварской, у Столыпиных, и с которыми опять, будет встречаться зимой в гостиных. К „глупой красавице“ он снова обратится с эпиграммой несколько месяцев спустя, осенью, по возвращении из Середникова.

Тобой пленяться издали
Мое все зрение готово,
Но слышать боже сохрани
Мне от тебя одно хоть слово.
Иль смех нль страх в душе моей
Заменит сладкое мечтанье,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарованье…[211]

Иногда Лермонтову хотелось уединиться. Случайно подхваченная фраза, замечание, долетевшее до чуткого уха юноши-поэта, затрагивали наболевшую раку.

В Середникове, в этом осином гнезде столыпинской родни, особенно болезненно воспринимал он все сказанное без должного уважения о его отце.

Уязвленное самолюбие заставляло порой удаляться от веселой толпы молодежи.

Тихий летний вечер. Все ушли гулять. Лермонтов поднялся на вышку. Он один на бельведере. Кругом – даль полей. Голубое небо над головой.

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?[212]

К заглавию сделана приписка: „(Средниково. Вечер на бельведере). (29 июля)“.

Лермонтов любил проводить время в библиотеке. Здесь было прохладно и тихо. Издали доносились взрывы смеха, и оттого еще сильнее ощущалась окружающая тишина. За стеклом, на полках, в высоких и строгих шкафах красного дерева были расставлены книги в кожаных переплетах.

Тут были представители французского буржуазного просвещения: Вольтер и Руссо, энциклопедисты – Дидро, Гельвеций и Гольбах. Рядом с ними историки и философы древности.

Лермонтов подходил к шкафу, доставал с полки книгу и садился в глубокое кресло. Небольшой томик в коричневом кожаном переплете. На корешке – тисненный золотом строгий классический орнамент. Это – Плутарх, „Жизнь замечательных людей“. Со страниц книги вставали образы древних вождей и полководцев: Фемистокл, Перикл, Алкивиад, Кориолан, Марий… На гравюое римский профиль в овале. Под ним подпись: „Caius Marius“[213].

Под впечатлением прочитанного рождался замысел: написать трагедию „Марий из Плутарха“.

Действие трагедии должно происходить в атмосфере политической борьбы. Убийства, казни, изгнание… И тут же рядом тема личная – упадка и конца рода. „Сыну Мария перед смертью в 5-м дейст. является тень его отца, и повелевает умереть; ибо род их должен ими кончиться“[214].

Было много книг об Отечественной войне 1812 года. Здесь Лермонтов мог читать „Историю нашествия Наполеона в Россию в 1812 году“ Д. П. Бутурлина, вышедшую в 1823 году.

В тишине библиотеки приходили мысли о ее бывшем владельце Д. А. Столыпине, о его загадочной скоропостижной смерти в те дни, когда шло следствие по делу декабристов.

Невольно вспоминались строки, написанные им в альбом племяннице, Марии Михайловне, матери Лермонтова. На одной из страниц крупным широким почерком было начертано:

„Добродетельное сердце; просвещенный разум, благородные навыки, не убогое состояние составляют щастие сей жизни; чего желать мне тебе, Машенька, ты имеешь все!.. *умей владеть собою.*

Дмитрий Столыпин“[215].

Дмитрий Столыпин – храбрый офицер и крупный военный специалист. Как и его младший брат Афанасий, он был участником Бородинского сражения. Его старший брат Александр – адъютант Суворова. Он оставил воспоминания о великом полководце.

Статьи по артиллерии молодого гвардейского поручика Дмитрия Столыпина перед Отечественной войной 1812 года привлекали внимание знатоков военного дела.

Дмитрий Алексеевич командовал корпусом Южной армии. Он был знаком с Пестелем. Заботясь о поднятии культурного уровня солдат, завел ланкастерские школы взаимного обучения. Смерть настигла его неожиданно, в расцвете сил. Он умер 3 января 1826 года, в возрасте 41 года.

Среди друзей семьи Столыпиных были Рылеев, Грибоедов, Сперанский. Брат Дмитрия Алексеевича – Аркадий Алексеевич женат на дочери известного сановника Мордвинова. Декабристы считали Аркадия Алексеевича и Мордвинова своими единомышленниками. Имена обоих упоминаются в их показаниях» На смерть Аркадия Алексеевича[216] Рылеев написал стихи, обращенные к его жене, где призывал его сыновей продолжать гражданскую традицию отца и деда.

Весь культурный облик Дмитрия Алексеевича и его неожиданная загадочная смерть в то время, когда шло следствие после восстания 14 декабря, наводили на мысль о его близости к декабристам.

Одно из любимых мест Лермонтова в Середникове – старая баня.

Шестнадцатилетний Лермонтов, несмотря на свое развитие и начитанность, был веселым и шаловливым мальчиком. Лермонтов и Аркадий Столыпин, который был на четыре года моложе его, любили, нарядившись в картонные латы, взяв деревянные мечи, ходить в лес сражаться с воображаемыми чудовищами. Иногда, забравшись ночью в старую мыльню, они пугали суеверных прохожих.

На некотором расстоянии от мыльни пролегала дорога. По ней часто проходил старый священник середииковской церкви. Он был участник Отечественной войны 1812 года. Мальчики с увлечением слушали его рассказы о войне с французами, о Бородинском сражении, но не могли удержаться, чтобы не попугать его «нечистой силой», когда ночью он шел лесом мимо

бани.

Вот они спрятались в развалинах. На полу стоит фонарь. Вокруг него светлый круг. В пролет окна лес кажется еще темней. Луна то показывается из-за туч, то снова прячется. Ветер пробегает по верхушкам деревьев. Воображение поэта наполняет окружающую обстановку мрачной фантастикой.

Сижу я в комнате старинной
Один с товарищем моим,
Фонарь горит, и тенью длинной
Пол омрачен. Как легкий дым,
Туман окрестность одевает,
И хладный ветер по листам
Высоких лип перебегает.
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. – А как узнать? быть может.
Приход нежданный нас встревожит!
Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
– У двери слушаю – чу! – шорох.
В развалинах – и крик! – но нет! –
То мышь летучая промчалась,
То птица ночи испугалась! –
– На темной синеве небес
Луна меж тучками ныряет.
Спокоен я. Душа пылает
Отвагой: ни мертвец, ни бес,
Ничто меня не испугает.
Ничто… волшебный талисман
Я на груди ношу с тоскою:
Хоть не твоей любовью дан,
Он освящен твоей рукою! – [217]

Из-за романтически настроенного лирического героя неожиданно выглядывает смеющееся лицо шаловливого мальчика – автора, который объясняет, что стихи написаны в «мыльне», «ночью», когда ходили «попа пугать».

На страницах тетрадей Лермонтова, заполненных в Середникове, чередуются две темы: природа и рабство. Обе подсказаны окружающей действительностью. Юноша Лермонтов описывает весеннюю грозу, а внизу набросан «Сюжет трагедии. В Америке (дикие, угнетенные испанцами. Из романа французского Аттала)». Через несколько страниц Лермонтов снова возвращается к теме власти человека над человеком, уже в более

резкой и конкретной форме: «Прежде от матерей и отцов продавали дочерей казакам на ярмарках как негров: это в трагедии поместить»[218]. Крепостная действительность Середникова не только наводила Лермонтова на размышления на эту тему, но и давала ему конкретный материал для его юношеских драм и романа «Вадим».

Юношеские драмы Лермонтова – резкие сатиры на крепостническое общество, на быт и нравы, созданные на основе крепостных отношений. Мы встречаем на страницах пьес то повседневную правду крепостного быта, страшную своей обыденностью, то невероятные пытки, которым подвергает крестьян жестокая помещица. Возмущение и подлинная взволнованность автора говорят о свежести впечатлений. Это не могли быть только впечатления его детства в Тарханах. К детским воспоминаниям о страшной крепостной действительности в Тарханах присоединялись юношеские впечатления от не менее жестокой действительности Середникова.

Характер эксплоатации в подмосковной Столыпиных был иной, чем в пензенском захолустье. Но от этого рабство не становилось легче. Если в Середникове у Столыпиных не было физических пыток, о которых Лермонтов мог слышать в Тарханах, то здесь было другое: доведенная до предела, продуманная и организованная эксплоатация, а подчас и моральное издевательство.

Воспоминания о суровой крепостной действительности при Столыпиных и о жестокой барыне-помещице дошли до наших дней. «Жестокие были господа, – вспоминают старики-колхозники. – Чтобы матери не отвлекались от работы мыслью об оставленных дома детях, приказано было брать их во всякую погоду, в жару и дождь в поле и оставлять под присмотром старухи. Опоздала девушка на молотьбу. Только взялись за цепы и молотить-то не начали, – все равно опоздала. В наказанье: пой и пляши… И вот идет она впереди, пляшет, поет, пока не кончится длинный барский ряд. А слезы так и катятся градом»[219], – рассказывает колхозница деревни Лигачево, принадлежавшей некогда Столыпиным.

Жестокая эксплоатация крестьян существовала в окрестных деревнях Медведково и Рожково у помещика фон-Дребуша. В Середникове слышал Лермонтов рассказы из прошлого о помещике Нестерове и его управляющем, которые довели крестьян до полной нищеты. Крестьяне должны были работать на помещика всю неделю, им не оставалось времени работать на себя. Вернувшись с барщины поздно вечером, женщины шли по окрестным деревням и, стучась под окнами, просили милостыню,

чтобы накормить голодных детей.

В 1814 году Середниково купил у Нестерова граф Григорий Алексеевич Салтыков. Салтыков был гуманный человек, и положение крестьян несколько изменилось. Этот сюжет избавления крестьян от жестокого помещика путем покупки другим, более гуманным, использован Лермонтовым в «Странном человеке».

В драме «Странный человек», законченной в июле 1831 года, Лермонтов остро ставит вопрос о произволе помещиков и бесправии крестьянской массы. Как в «Вадиме», так и в «Странном человеке» мы встречаем образ жестокого приказчика. Этот образ мог быть взят Лермонтовым из прошлого Середникова.

В драме «Странный человек» выведены барыня и управляющий. «У нее управитель, вишь, в милости. Он и творит, что ему любо», – жалуется мужик. Тип управляющего, который делает все, что хочет, в имении, как и образ помещицы-крепостницы, могли быть подсказаны Лермонтову крепостной действительностью, которую он наблюдал в усадьбе Столыпиных. Середниковым же могла быть внушена и тема крестьянского бесправия и произвола помещиков.

Летом 1830 года в Середникове Лермонтов разрабатывает ряд замыслов, темой которых является самоценность человеческой личности, вне зависимости от знатности, чинов и богатства. На страницах его тетради находим планы его первой драмы «Испанцы». Образ юноши, гордого сознанием своего личного достоинства, которое дает ему право на жизнь, право, несправедливо отнимаемое обществом, мы встречаем как в драме «Испанцы», так и в замысле трагедии, сюжет которой Лермонтов, подчеркивая, записывает на одной странице с наброском к «Испанцам»: «(В первом действии моей трагедии молодой Испанец говорит отцу любовницы своей, что благородные для того не сближаются с простым народом, что боятся, дабы не увидали, что они еще хуже его)».

Эта запись отделена чертой, под которой помещен сюжет другой трагедии на ту же тему:

«Сюжет трагедии. Молодой человек в России, который не дворянского происхождения, отвергаем обществом, любовью, унижаем начальниками. (Он был из поповичей или из мещан, учился в университете и вояжировал на казенный счет.), – Он застреливается»[220].

«Пылкий» юноша сбросил театральный костюм испанца и превратился в «молодого человека в России» «не дворянского происхождения», «из поповичей или из мещан».

Для конкретизации темы нужен был жизненный материал.

Среди фактов, которые подсказали Лермонтову этот реалистический сюжет, могли быть его наблюдения над кустарями-краснодеревщиками деревни Лигачево. Значение впечатлений Середникова вырастает, если принять во вынимание, что впечатлений от демократической студенческой массы в стенах университета Лермонтов летом 1830 года еще иметь не мог. Он поступил в университет осенью 1830 года, а фактически студентом стал только с января 1831 года, так как первую половину учебного года Московский университет был закрыт из-за холеры.

Построив дом и разбив парк, Всеволожский привез из других своих владений две семьи крепостных. Это были столяры Будкины и Земины, которые положили начало деревне Лигачево. Столяры обслуживали усадьбу, делали мебель для окрестных крестьян. Мебельное ремесло распространяется по округе, а Лигачево быстро растет. При Всеволожских здесь 7-8 домов, а в 1829 году, в первый приезд Лермонтова, в Лигачеве 20 домов[221].

Напротив усадьбы, на склоне холма, широко раскинулась деревня мебельщиков-краснодеревщиков.

Сословная психология создавала пропасть между усадьбой и деревней Лигачево, хотя их разделяла только узкая речка Горетсвка. В этих условиях слова Лермонтова «благородные для того не сближаются с простым народом, что боятся, дабы не увидали, что они еще хуже его» – звучат как итог повседневных наблюдений над бытом и нравами обитателей Середникова.

След посещений Лермонтовым деревни Лигачево сохранился в его рукописи. В черновой тетради 1831 года к одному из стихотворений сделана приписка: «в деревне на холме; у забора». До нас дошли воспоминания о сочувствии Лермонтова простому народу. Ребенком он рос в обществе крестьянских детей в Тарханах. Среди них у него на всю жизнь остались друзья. В кавказских походах поэт жил общей жизнью с солдатами.

Знакомство с крестьянами Лигачева могло дать Лермонтову материал для его замысла о молодом разночинце.

У Аркадия Столыпина был учитель – семинарист Орлов. Его рекомендовал Екатерине Аркадьевне ее родственник, который служил в одном полку с братом Орлова, военным лекарем, всесторонне образованным человеком и талантливым поэтом[222]. Семинарист Орлов, как и его брат лекарь, имел склонность к поэзии. Он собирал и записывал русские песни. В августе 1831 года Лермонтовым написано стихотворение «Атаман», в сентябре – «Воля». Оба стихотворения созданы под впечатлением русских песен. В начале зимы того же года он упоминает на страницах своей черновой тетради русскую песню «Что за пыль пылит…»

* * *

Середниковская молодежь отправлялась иногда на прогулки по окрестностям.

Летом 1830 года ездили в старинный монастырь в Воскресенске.

Во время посещения монастыря Лермонтов написал стихи о молодом монахе, который когда-то жил и страдал в стенах этого монастыря.

И там (как знать) найдет прошлец
Пергамент пыльный. Он увидит.
Как сердце любит по конец,
И бесконечно ненавидит,
Как нн вериги, ни клобук
Не облегчают наших мук[223].

Из лирического стихотворения этот образ перешел в поэму «Исповедь», написанную в том же 1830 году, и много лет спустя, обогатившись новым содержанием, нашел воплощение в поэме «Мцыри».

Но под одеждой власяной
Я человек, как и другой,

– говорит молодой испанский монах – герой «Исповеди».

Образ молодого монаха, рвущегося к жизни из стен монастыря, Лермонтов, повидимому, впервые встретил на страницах журнала «Московский вестник». Если Лермонтов не прочитал эту книгу еще в Тарханах, то она должна была быть одной из первых, с которой он познакомился в Москве.

Открыв первый номер «Московского вестника» за 1827 год, Лермонтов прочел сцену в келье Чудова монастыря из пушкинского «Бориса Годунова», которой начинался номер журнала. Пушкинский образ Лермонтов переосмыслил, вложил в него свое новое содержание. С образом стремящегося к свободе монаха Лермонтов не расставался всю жизнь. Этот образ очень характерен для юноши Лермонтова, сразу ставшего на позиции прогрессивною романтизма. Уход из жизни, культ самоубийства и призыв в монастырь – все это типично для реакционного западного романтизма. Вспомним декларацию Шарля Нодье от имени современного поколения. «Неизрасходованная страсть и

подавленная энергия приводит, – говорил Нодье, – к тому, что этой даровитой молодежью с бурным сердцем владеет печаль и утомление». От имени поколения, обреченного на бездеятельность, поколения, среди которого «выстрел Вертера и топор палача произвели опустошение», он требовал – монастырей[224].

Яркой противоположностью звучит призыв Лермонтова: из монастыря! Лермонтов от лица русской талантливой молодежи с «пылким» сердцем, поставленной в годы реакции, после разгрома декабристов, в условия вынужденного бездействия, требует свободы личности.

Середниковские впечатления имели большое значение для творчества юноши-поэта. Летняя жизнь Лермонтова в усадьбе Столыпиных связана с московской, но в то же время она имела свои специфические особенности. Середниково – уголок Москвы, но уголок своеобразный. Небольшие середниковские периоды жизни поэта близки к его жизни на Поварской и Молчановке, связаны с занятиями в пансионе, с лекциями в университете, с впечатлениями от спектаклей в театре. Все созданное Лермонтовым в Середникове переплетается с московской тематикой, – написанное в Москве зачастую вдохновлено и навеяно Середниковым.

В Середникове, как и в Москве, Лермонтов должен был слышать не мало рассказов о войне 1812 года. Они бытовали в усадьбе и окрестных деревнях. Многие из семьи Столыпиных были участниками этой войны. Брат владельца Середникова Афанасий Алексеевич, любимый дед Лермонтова, – герой Бородина[225].

Среди крестьян и дворовых память об Отечественной войне была еще достаточно свежа. Тридцать семь человек местных крестьян служили в ополчении 1812 года[226].

Имена этих маленьких незаметных героев не дошли до нас. Мы знаем только, что священник середниковской церкви Михаил Петрович Зерцалов имел бронзовую медаль «1812 год»[227].

Очень может быть, что летом в Середникове было написано «Поле Бородина» – первая попытка юноши-поэта дать картину героической битвы русского народа. Лермонтов создал стихотворение в духе старинной оды, где лишь местами можно уловить отклики слышанных им рассказов. Несколько лет спустя эти реалистические мотивы, обогащенные новым содержанием, лягут в основу «Бородина», написанного рукой уже зрелого мастера.

* * *

С Середниковым связаны имена героинь многих лирических стихотворений Лермонтова.

А. Г. Столыпина

В саду была яблоня, которую Лермонтов в стихотворении «К гению» называет «моей». Она связана с детской любовью поэта к его двоюродной сестре Аннет Столыпиной[228]. Вернувшись в Москву и полный воспоминаниями об Аннет, он нарисовал ее вензель на одной из первых страниц своей ученической тетради.

Тема любви к Аннет переплетается в стихах Лермонтова с темой поэта и вдохновения.

Стихотворение, связанное с Аннет, названо Лермонтовым «К гению». Он говорит о вдохновении, о звонких струнах лиры и тут же вспоминает о своей детской любви. На балконе маленького деревянного домика в захолустной деревеньке отца Лермонтова дети сидели вечером, при луне, может быть, в последний раз перед разлукой. Осенью Лермонтов должен был ехать с бабушкой в Москву.

> Но ты забыла, друг! когда порой ночной
> Мы на балконе там сидели. Как немой,
> Смотрел я на тебя с обычною печалью.
> Но помнишь ты тот миг, как я под длинной шалью
> Сокрывши голову, на грудь твою склонял –
> И был ответом вздох, твою я руку жал –
> И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!
> И месяц был один свидетель молчаливый
> Последних и невинных радостен моих!..[229]

Прошло два года, и они снова встретились в Середникове. За это время Лермонтов много передумал и перечувствовал. Аннет выросла. Она ему показалась новой, чужой.

> Не привлекай меня красой!
> Мой дух погас и состарелся, –

писал пятнадцатилетний Лермонтов под впечатлением новой встречи с Аннет. Он не знал тогда, откуда пришли эти строки, что вызвало их. Только много времени спустя он понял, что стихотворение было откликом на встречу с Аннет, и в тетрадке, куда оно было переписано, сделал пометку: «(А. С.). (Хотя я тогда этого и не думал)»[230].

Чувство к Аннет не прошло, но он не в силах любить ее так,

как прежде, потому что сам стал другим. В Середникове оно вспыхнуло с новой силой. Лермонтов и Аннет встречались в саду под цветущей яблоней. Когда юноша приехал на следующий год, то нашел дерево засохшим. Летом 1830 года он писал:

Дереву

Давно ли с зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты;
Лишь год назад, два талисмана
Светилися в тени твоей,
И ниже замысла обмава
Не скрылося в душе детей!..
Детей! – о! да, я был ребенок! –
Промчался легкой страсти сон;
Дремоты флёр был слишком тонок –
В единый миг прорвался он.
И деревцо с моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвесть;
Я жизнь его купил бы кровью, –
Но как переменить, что есть?

Вслед за стихотворением, помеченным 1830 годом, следует заметка: *«Мое завещание* (про дерево, где я сидел с А. С.). Схороните меня под этим сухим деревом, чтобы два образа смерти предстояли глазам вашим; я любил под [этим деревом] ним и слышал волшебное слово: люблю, которое потрясло судорожным движением каждую жилу моего сердца. В то время [ветви] это дерево, еще цветущее, при свежем ветре, покачало головою и шопотом молвило: безумец, что ты делаешь? – [Оно засохло]. Время постигло мрачного свидетеля радостей человеческих прежде меня. Я не плакал, ибо слезы есть принадлежность тех, у которых есть надежды; – но тогда же взял бумагу, и сделал следующее завещание: „похороните мои кости под этой сухой яблоней; положите камень; – и – пускай на нем ничего не будет написано, если одного имени моего не довольно будет доставить ему бессмертие!..“»[231]

Лермонтов встречался с Аннет в Петербурге, и они вместе тепло вспоминали Москву. Она рассказывала ему, как бережно хранят нарисованный им на стене портрет Лермы на Молчановке, у Лопухиных.

Е. А. Сушкова

«Я не люблю – зачем скрывать!»
Лермонтов «К С.»

«Эта женщина – летучая мышь, крылья которой зацепляются за все встречное», – писал Лермонтов о Сушковой[232]. Его слова оказались пророческими: «крылья» «летучей мыши» зацепились за самое дорогое для поэта – за его добрую славу в потомстве – и бросили на нее свою тень.

Е. А. Сушкова-Хвостова – злой гений Лермонтова. Ложный, фальсифицированный образ поэта, созданный сю, вошел в сознание не только читателей, но и биографов Лермонтова.

Отношения Лермонтова с Сушковой имели два этапа. Первый – встречи в Москве и Середникове весной, летом я осенью 1830 года.

Сушкова – приятельница друга Лермонтова – Александры Михайловны Верещагиной. Она часто бывала в Москве у Верещагиных и летом в Середникове у Столыпиных.

Сушкова была на два года старше Лермонтова. Она не первый год выезжала и относилась к Лермонтову с превосходством светской барышни. Ей нравилось иметь среди своих поклонников остроумного, живого и талантливого мальчика-поэта.

Второй этап относится к декабрю 1834 года, когда Лермонтов встретился с ней в петербургском свете. Теперь их роли меняются. Гвардейский офицер, только что выпущенный из школы, единственный наследник богатой бабушки, представлял завидную партию для отцветающей красавицы. «Она была в тех летах, когда еще волочиться за нею было не совестно, а влюбиться в нее стало трудно»[233],-пишет Лермонтов. Сушкова пытается увлечь поэта и женить его на себе. Лермонтов, заметив это и чувствуя к ней сильную неприязнь, решает скомпрометировать ее в глазах света и тем заставить говорить о себе. Весь роман развертывается в течение месяца, и, чтобы положить ему конец, Лермонтов пишет Сушковой анонимное письмо. Он разоблачает самого себя от лица неведомого доброжелателя.

«Записки» Сушковой в той части, где она описывает свои отношения с Лермонтовым, – месть за оскорбление, которого она не может простить. В своих воспоминаниях Сушкова изображает себя предметом постоянной и неизменной любви Лермонтова, его музой-вдохновительницей, так, что на нее падают лучи славы великого русского поэта. В то же время она создает

фальсифицированный портрет Лермонтова-человека, рисуя его таким, – и она это хорошо знает, – каким было бы наиболее неприятно для него остаться в памяти потомков. К сожалению, ей удается и то и другое. Ее имя входит в биографию Лермонтова, заняв там не надлежащее ему, преувеличенно большое место. Искаженный «сушковский» образ поэта прочно врезается в сознание позднейших поколений.

Биография Лермонтова создавалась очень медленнб. Опубликованный через 16 лет после смерти поэта отрывок из «Записок» Сушковой[234] «Воспоминания о Лермонтове» был первым, что появилось о нем в печати[235].

Еще раньше, в 1844 году, т. е. через три года после смерти поэта, в «Библиотеке для чтения» были напечатаны никогда до этого не публиковавшиеся пять стихотворений Лермонтова с подзаголовком: «Из альбома Екатерины Александровны Хвостовой». Эти стихи, вместе с другими стихотворениями Лермонтова, были включены в «Воспоминания». «Воспоминания» печатались анонимно, но при сопоставлении со стихами в «Библиотеке для чтения» автор легко мог быть установлен. В «Воспоминаниях» Сушкова рассказывала о своем знакомстве с Лермонтовым в 1830 году и о лете, проведенном вместе в Середникове.

После смерти Е. А. Хвостовой «Записки» были опубликованы в 1869 году в «Вестнике Европы»[236]. Их доставили в редакцию журнала ее дочери, исполняя волю покойной.

В 1870 году вышел первый сборник материалов для биографии Лермонтова. Центральное место в сборнике занимали «Записки» Хвостовой. В книге из 259 страниц 188 было отведено «Запискам». Эта первая книга о Лермонтове имела очень большой успех, быстро разошлась и через год вышла вторым изданием. Интерес к «Запискам» был настолько велик, что они перепечатывались, излагались и истолковывались газетами, как центральными, так и провинциальными.

Русские читатели с жадностью бросились на единственную книгу о Лермонтове, желая хоть что-нибудь узнать о великом русском поэте, о жизни которого в течение 30 лет со дня его смерти ничего еще не было написано.

Что же узнали они из «Записок»?

Людям, с громадным интересом читавшим «Записки», Сушкова рассказывала о не особенно умном, неуклюжем, застенчивом мальчике, который мечтает «попасть в люди» и в «губители сердец». Этот мальчик страстно влюблен в неприступную красавицу Сушкову, которой он по всякому поводу пишет плохие стихи. Правда, среди этих стихов были и такие

шедевры, как «Нищий», но Сушкова и к ним относится с той же снисходительной иронией.

Дальше в «Записках» рассказывалось о таком же «неловком» и «неуклюжем» «маленьком гусаре», дуэлянте и забияке, который попал, наконец, в люди, то есть в «высший петербургский свет».

По совершенно непонятным для читателя причинам, без всяких к тому оснований ни в его внутреннем, ни в его внешнем облике, этот маленький, неуклюжий гусар превращается в Дон-Жуана. Он покоряет сердце некогда равнодушной к нему светской красавицы, которую продолжает любить, и потом, опять по непонятным причинам, резко порывает с ней и компрометирует ее в глазах света.

Сушкова владеет мастерством рассказчицы, она не лишена литературного дарования, и ее светская повесть достаточно увлекательна, а портрет героя убедителен и ярок. Но этот портрет ничего не имел общего с автором «Героя нашего времени» и «Демона», всесторонне образованным, передовым человеком своего времени, великим русским поэтом, наследником Пушкина. Несмотря на всю разницу ситуации, напоминающей печоринскую, портрет вышел похожим на Грушницкого. При сопоставлении отдельных мест «Записок» и «Героя нашего времени» сходство становится разительным и явно обнаруживает пародийный прием писательницы.

Правда, «Записки» вызвали резкую критику в журналах и ряд фактических опровержений со стороны лиц, хорошо знавших Сушкову и Лермонтова. Сестра Сушковой – Ладыженская не только указывала на сбивчивость и ошибочность воспоминаний, но и называла их «чистою мистификацией»[237]. К сожалению, эти статьи не перепечатывались и не доходили до широких масс читателей. Они оставались в старых журналах на книжных полках. Уже в 1873 году А. Н. Пыпин возражал против создавшегося обыкновения описывать юношу Лермонтова «со слов г-жи Хвостовой»[238]. В биографическом очерке, приложенном к Собранию сочинений Лермонтова, Пыпин, ссылаясь на людей, хорошо знавших поэта, пытался бороться с укоренившейся традицией «Записок».

Никогда не перепечатывалась и статья П. А. Висковатого «По поводу „Княгини Лиговской“», где первый биограф Лермонтова разоблачил мистификацию «Записок». Висковатый рассказывает, как незадолго перед тем о существовании этого романа ему говорил друг детства и родственник Лермонтова – А. П. Шан-Гирей. Шан-Гирей помнил, как Лермонтов писал роман, в котором, по его словам, «должны были быть выведены деяния Е. А. Сушковой», пытавшейся «завлечь или Лермонтова или его

друга Лопухина». «Помню, – говорил он, – что герой пишет ей анонимное письмо и подписывается „Каракула“». Висковатый был очень взволнован, когда прочел этот роман, только впервые опубликованный, и в нем анонимное письмо Печорина к Елизавете Николаевне с подписью «Каракула»[239]. Одновременно в руках Висковатсго оказалось письмо Лермонтова к А. М. Верещагиной, где поэт описывает свое петербургское приключение с Сушковой. Вся петербургская история оказалась, таким образом, изложенной в трех вариантах: 1) вариант Сушковой в «Записках», 2) вариант Лермонтова в письме к Верещагиной и 3) вариант Лермонтова в романе «Княгиня Литовская», где Сушкова выведена под фамилией Негуровой.

В письме к своему московскому другу А. М. Верещагиной Лермонтов с предельной искренностью и строгостью к самому себе рассказывает свою петербургскую историю с Сушковой.

«Вступая в свет, – писал Лермонтов Верещагиной, – я увидел, что у каждого был какой-нибудь пьедестал: хорошее состояние, имя, титул, связи… Я увидал, что если мне удастся занять собою одно лицо, другие незаметно тоже займутся мною… Я понял, что m-lle S., желая изловить меня, легко себя скомпрометирует со мною. Вот я ее и скомпрометировал… Итак, вы видите, я хорошо отомстил за слезы, которые меня заставило проливать 5 лет тому назад кокетство m-lle S…. Она мучила сердце ребенка, а я только подверг пытке самолюбие старой кокетки…»[240]

В своем стремлении «прослыть Лаурой русского поэта», по выражению Е. П. Ростопчиной, Сушкова присваивает себе стихи Лермонтова, которые к ней никакого отношения не имели. Среди них были адресованные другим лицам или написанные гораздо позднее. В некоторых случаях редакция Сушковой несколько расходится с сохранившимся автографом. Так, например, стихотворение «У ног других не забывал» имеет в автографе приписку: «К Л. (опухни ой)». Про стихотворение «Сон», написанное в 1841 году, Сушкова говорит, что оно написано в то время, когда за ней ухаживал друг Лермонтова А. А. Лопухин, которого он якобы собирался вызвать на дуэль, то есть в 1834 году.

Создав новеллу о первой любви Лермонтова, героиней которой она сделала себя, Сушкова ввела в нее стихи Лермонтова, попавшие в ее руки. Ладыженская в своих «Замечаниях на „Воспоминания Е. А. Хвостовой“» говорит о том, что лоскутки бумаги со стихотворными опытами Лермонтова были хорошо известны московским приятельницам поэта[241]. Те, которым они попадались в руки, не считали непременно себя предметом его вдохновения. Многие стихи переписывались в

альбомы знакомым девушкам, и могло случиться, что одно и то же стихотворение оказывалось в нескольких альбомах.

«Екатерина Александровна относит к себе множество стихотворений, которые, по всем вероятностям, были только вписаны в альбом ее, как и в альбом других знакомых. Это было в моде тогда», – пишет Висковатый[242]. И действительно, стихотворения «Ангел», «Зови надежду сновиденьем», «У ног других не забывал» имеются в альбоме А. М. Верещагиной, и нельзя ручаться, что их не было в других альбомах.

Из семнадцати публикуемых в «Записках» стихотворений Лермонтова только одно адресовано самим автором Сушковой. В этом установленном по автографу стихотворении «К С.»(ушковой) Лермонтов говорит о том, что он ее не любит и не любил в течение лета 1830 года. Это стихотворение, как известно из приписки Лермонтова, написано при отъезде из Середникова.

Вблизи тебя до этих пор
Я не слыхал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный взор –
Не билось сердце у меня.
……..
Я не люблю – зачем скрывать! – [243]

В таком чистосердечном признании довольно трудно видеть объяснение в любви.

Перед отъездом надо сказать правду, кончить летнюю игру, сбросить маску, которую носил, притворяясь влюбленным:

В [лесу] лесах, по узеньким тропам
Нередко я бродил с тобой.
Их шумом я [пленялся] любовался там –
Меня не трогал голос твой[244], –

читаем в черновом варианте.

Интересно сравнить разночтения между автографом и редакцией Сушковой: в редакции Сушковой вместо «скрывать» – «страдать»[245]. «Я не люблю! Зачем страдать!» – эта фраза совсем не соответствует всему содержанию стихотворения, где говорится не о страданиях любви, а о том, что любви не было. «Я не люблю – зачем скрывать!»-читаем в автографе Лермонтова.

Первое, за все лето 1830 года, обращенное к Сушковой стихотворение Лермонтова написано на заказ: это стихотворение-шутка для инсценировки, затеянной гувернером Аркадия

Столыпина. В день отъезда в Москву этой серенадой, распеваемой утром под окном, будили Сушкову:

Я не люблю – зачем скрывать! –

звучит единодушное чистосердечное признание молодежи, дурачившей летом самовлюбленную барышню.

В стихотворении «Благодарю», которое, по словам Сушковой, она получила от Лермонтова на следующий день после стихотворения «Вблизи тебя до этих пор…», есть фраза, связанная с этой середниковской традицией разыгрывания Сушковой:

Я б не желал умножить в цвете жизни
Печальную толпу твоих рабов…[246]

К Сушковой может быть отнесено пять стихотворений Лермонтова. Упомянутое «К С.», «Благодарю», известное по публикации Сушковой и связанное с тем же эпизодом, «Очи NN», написанное летом в той же тетради, что и «К С.», и два стихотворения из следующей тетради: «Ночь (1830 года ночью. Августа 28)» и «Стансы (1830 года) (26 августа)».

В обоих стихотворениях чувство любви перемешивается с презрением. Они являются иллюстрацией к словам Лермонтова, что Сушкова «мучила сердце ребенка».

Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить:
Притворством взволновав мне кровь
Хотеть насмешкой остудить?

(«Ночь»)

Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал – …

(«Стансы»)[247]

Автор «Записок»-самовлюбленная экзальтированная женщина, невнимательная ко всему, что не касается ее самой. Она путает факты и хронологию, неверно освещает человеческие отношения, клевещет на друзей. Чтобы удовлетворить свое самолюбие после того унижения, которое по заслугам заставил ее

пережить Лермонтов, она создает в своем воображении несуществующую юношескую неразделенную любовь к ней Лермонтова, за которую он якобы мстит ей в Петербурге. Возможно, что этому вымыслу она по временам верит и сама. Все стихи Лермонтова, которые когда-либо попадали в ее руки, она нанизывает на сюжет вымышленного ею романа, рисует себя музой – вдохновительницей поэта.

«Я во все годы собирания материалов и сведений о Лермонтове имел случай встретить до шести неопровержимых (sic)[248] доказательств не только серьезной влюбленности Лермонтова в прекрасных представительниц современного ему общества, но и того, что именно каждая из них была его настоящею любовью… Г-жа Хвостова увеличивает число этих дам», – писал Висковатый[249].

Старшая дочь хозяйки Середникова – Игнатьева пишет: «Хвостова была невозможно аффектированная и пренесносная барышня, над которой все смеялись. Все нарочно притворялись влюбленными в нее. И тогда начиналось представление… Лермонтов, умница и первый насмешник, нисколько в Хвостову влюблен не был…»[250]

Послушаем, что говорит о «романе» сам Лермонтов.

«Эта женщина, – пишет он про Сушкову Марии Александровне Лопухиной пять лет спустя, весной 1835 года, из Петербурга, – летучая мышь, крылья которой зацепляются за все встречное. Было время, когда она мне нравилась. Теперь она почти принуждает меня ухаживать за нею… но, не знаю, есть что-то такое в ее манерах, в ее голосе грубое, отрывистое, надломленное, что отталкивает; стараясь ей нравиться, находишь удовольствие компрометировать ее, видеть ее запутавшейся в своих собственных сетях»[251] – вот блестящая характеристика самозванной Лауры.

Сушкова имела влияние не только на умы русских читателей и биографов Лермонтова, но и на мемуаристов. Большинство воспоминаний о Лермонтове было написано в 70-х и 80-х годах, то есть после выхода в свет «Записок» и до публикации воспоминаний Шан-Гирея.

Многие из писавших о Лермонтове мало знали его И почти забыли. Они считали своим долгом что-то сказать в своих воспоминаниях о великом русском поэте, с которым когда-то встречались в дни юности. На помощь приходил трафарет Сушковой, который каждый раскрашивал по-своему. Образ, созданный Сушковой, обрастал новым содержанием. К нему присоединяли иногда черты портрета лирического героя Лермонтова, нарисованного в романтической манере рукой еще

не совсем опытного мастера. Забывали, что автор и лирический герой не одно и то же лицо.

Сушкова жестоко отомстила Лермонтову. Она удовлетворила, хотя и после смерти, свое тщеславие. Присоединив свое имя к имени Лермонтова, она совершенно незаслуженно вошла вместе с ним в историю русской и мировой литературы.

В. А. Лопухина

«Это было весною: уселись в длинные
линии, запряженные каждая в 6-сть лошадей,
и тронулись с Арбата веселым караваном.
Солнце склонялось к Воробьевым Горам,
и вечер был в самом деле прекрасен».
Лермонтов – «Княгиня Литовская».

Это было весной 1832 года.

Компания молодежи с Поварской, Большой и Малой Молчановки собралась ехать в Симонов монастырь ко всенощной – молиться, слушать певчих, гулять.

Был теплый весенний день. Цветущие ветки сирени склонялись из-за заборов на широкую зеленую улицу. Линейка, запряженная шестеркою лошадей, завернула с Поварской на Молчановку. Из большого дома на углу Молчановки и Серебряного переулка высыпала толпа молодежи.

Черный арап Ахилл в пунцовой чалме подсаживал на линейку молоденькую девушку лет шестнадцати. Из-под шляпки, завязанной большим бантом под самым подбородком, выглядывало открытое и приветливое юное лицо с живым, свежим румянцем и черным родимым пятнышком над бровью.

Линейки одна за другой спустились вниз по Серебряному переулку и выехали на Арбат.

Около девушки с родинкой оказался невысокий юноша со смуглым и неправильным, но очень выразительным лицом. Юноша был Лермонтов, девушка с родинкой – Варенька Лопухина.

Минувшей зимой шестнадцатилетнюю Вареньку привезли в Москву «на ярмарку невест». Она только одну зиму выезжала и еще не успела утратить ни свежести деревенского румянца, на сельской естественности и простоты. Это делало ее не похожей на московских барышень, у которых все было рассчитано: каждый жест, поза, улыбка.

Варенька была пылкая, восторженная, поэтическая натура. Деревенский досуг она, как Татьяна Ларина, заполняла чтением.

К иностранным романам, которыми зачитывались современницы Татьяны, к началу 30-х годов, прибавился еще один – русский роман в стихах «Евгений Онегин», а среди героев, в которых влюблялись сельские мечтательницы, явился новый – Онегин. Татьяна Ларина сделалась идеалом для цельных и самобытных натур. Ее искренность, правдивость вызывали восторженное поклонение, а смелая откровенность, с которой она первая признается в своем чувстве, – подражание.

Сельское уединение и романы сделали Вареньку мечтательной. Но эта мечтательность умерялась природной живостью, веселостью и общительностью. Свою склонность помечтать Варенька не выказывала, а, наоборот, стыдилась ее, как слабости.

Варенька была блондинка с черными глазами. Это придавало ее лицу оригинальную прелесть, резко отличая от других женщин. Каждая перемена настроения, мимолетное чувство и мелькнувшая мысль отражались на ее подвижном лице. В минуты внутреннего подъема оно становилось прекрасным, а порой Варенька могла показаться совсем некрасивой.

В ней была обаятельная простота, свойственная глубоким и цельным натурам. Варенька была всеобщей любимицей. Дети поддразнивали ее: «У Вареньки родинка, Варенька уродинка».

Варенька иногда приезжала погостить в Москву. Лермонтов знал ее с детства и привык не обращать на нее никакого внимания. Отсутствие «томной бледности» и безискусственность обращения делали ее несколько прозаической в глазах романтически настроенного юноши. Он откосился чуть-чуть свысока к этой скромной девушке.

Осенью 1831 года, вернувшись из Середникова, Лермонтов застал Вареньку в Москве. Он написал ей тогда стихи в альбом, как писал всем окружающим барышням. Это был долг вежливости. Стихи были вольным переводом из Байрона и ничего общего не имели с его чувствами, которые в то время всецело были поглощены Наташей. У себя в тетради это стихотворение, посвященное Вареньке, он отделил виньеткой и внизу, непосредственно под ним, продолжал свои стихотворные объяснения с Наташей Ивановой.

Оказавшись рядом с Варенькой на линейке. Лермонтов был недоволен и готовился проскучать всю дорогу.

Только выехав за город, когда вечерний воздух освежил путешественников, они незаметно для себя разговорились. Совершенно неожиданно для обоих нашлось много общих тем и любимцев среди героев прочитанных книг… Суждения Лермонтова были резки и противоречивы. То, что он говорил, не

всегда было понятно Вареньке, но она слушала его с интересом. Он нашел в ней внимательную слушательницу. Это льстило его самолюбию. Ее разговор был жив, прост и довольно свободен.

До всенощной пошли осматривать монастырь, стены и кладбище. Лазали по крутой лестнице на площадку западной башни. Отсюда расстилался прекрасный вид на Москву и ее окрестности. В лучах заходящего солнца блестели купола старинных церквей.

В древние времена Симонов монастырь был сторожевой крепостью. С этой дозорной башни наблюдали за приближением по каширской дороге крымских татар.

Стоя на площадке башни, Лермонтов и Варенька вспомнили недавно прочитанный обоими новый роман Лажечникова «Последний Новик, или завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого».

В романе Лажечникова описана западная башня Симонова монастыря. В вечерний час сюда приходил древний старец-схимник в тяжелых веригах. Он любовался видом на Москву и Коломенское.

Лермонтов следовал за Варенькой, потому что неловко было уйти, не кончив разговора, а разговор был таков, что мог продолжаться до бесконечности. Он продолжался И во время всенощной. Вечером опять гуляли и очень поздно вернулись домой.

После поездки в Симонов, монастырь участились визиты Лермонтова к Лопухиным. Никто не обращал на это внимания. Лопухины и Арсеньева были коротко знакомы, чуть не родственники, и жили по соседству.

Весной 1832 года Лермонтов только что пережил мучительную любовь к Ивановой. Он, как Онегин, чувствовал себя разочарованным в любви и в женщинах.

Автобиографическая повесть Лермонтова «Княгиня Литовская», где описан этот период его жизни, вся в духе пушкинского романа. Об этом свидетельствует и эпиграф из «Евгения Онегина», это сказывается в самом чередовании глав и развитии сюжета, не говоря уже о том, что фамилия героя – Печорин – явно соответствует фамилии Онегин (название русских рек: Печора – Онега). В рукописи есть очень характерная обмолвка. Образ пушкинского героя стоит перед Лермонтовым в период его творческой работы, и рука невольно пишет: «Евгений». Заметив ошибку, Лермонтов исправляет: «Печорин».

Варенька, вероятно, как и Лермонтов, находилась под впечатлением пушкинского романа и невольно смотрела на окружающий мир глазами Татьяны. Сельская мечтательница

полюбила со всей пылкостью цельной и непосредственной натуоы. Новая лирическая ситуация ничего об щего не имела с предшествующей. Больше того, она была прямо противоположна ей.

Спокойным, самоуверенным, несколько снисходительным тоном юноша-поэт беседует со своей новой героиней. Любовь к ней он считает коротким эпизодом:

К*

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилася с душою;
Хоть пути не кончить им вдвоём![252]

В течение минувшей зимы Лермонтов разрабатывал в лирическом плане тему демона. Теперь он опять возвращается к ней, но звучит она совсем по-иному. В теме демона нет ни прежней мрачности, ни прежней страстности и отчаяния. Это не переживания, а поза демона. В эту позу юноша Лермонтов сразу становится по отношению к своей новой героине. Когда они оба покину? этот Мир обмана, она станет ангелом, а он – демоном:

Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежнего друга все счастие рая!
Пусть мрачный изгнанник, судьбой осужденный,
Тебе будет раем, а ты мне – вселенной![253] –
декламирует он перед Варенькой.

Этой встречей в потустороннем мире Лермонтов подменяет обещание земной любви.

Варенька пытается проникнуть в тайну его разочарованности, заглянуть в глубину его души, утешить его, но Лермонтов ревниво оберегает свое прошлое:

К*

Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней;
В них не откроешь ничего ты,
За что б меня любить сильней,
Ты любишь – верю – и довольно;
Кого, – ты ведать не должна…

Он объясняет свое поведение тем, что не хочет показать, как черно в его душе, и тем омрачить ее душу.

Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою;
Но, друг мой, не проси былого,
Я мук своих не продаю[254].

С наступлением лета Лопухины поехали погостить в подмосковную к Столыпиным. Сюда же приехала ненадолго и Арсеньева с внуком перед его отъездом в Петербург. Уединенные прогулки в аллеях середниковского парка еще больше сблизили Лермонтова и Вареньку.

Все это описано в «Княгине Лиговской». «У Жоржа была богатая тетушка, которая в той же степени была родня и Р-вым. Тетушка пригласила оба семейства погостить к себе в Подмосковную недели на две, дом у нее был огромный, сады большие, одним словом, все удобства. Частые прогулки сблизили еще более Жоржа с Верочкой; несмотря на толпу мадамов и детей тетушки, они как-то всегда находили средство быть вдвоем: средство впрочем очень легкое, если обоим этого хочется.

Между тем в университете шел экзамен. Жорж туда не явился…»[255]

Оставив Московский университет, Лермонтов решил поступить в Петербургский. Варенька тяжело пережила разлуку. Она, как Татьяна, первая сказала о своей любви, обещала ждать возвращения Лермонтова и никогда не принадлежать другому.

Лермонтов уехал с твердым решением забыть Вареньку, Правда, он был растроган ее волнением и слезами, но он не верил больше в постоянство женской любви и был убежден, что она скоро его забудет, как и он ее. Горький опыт своей любви к Н. Ф. Ивановой юноша перенес на Вареньку.

Отъехав от Москвы, он написал в тетради со стихами, которую вез с собой:

Из ворот выезжают три витязя вряд,
увы!
Из окна три красотки во след им глядят:
прости!
Напрасно в боях они льют свою кровь –
увы!
Разлука пришла – и девичья любовь
прости! –
Уж три витязя новых в ворота спешат,

увы!
И красотки печали своей говорят:
прости! – [256]

Лермонтов ехал в веселом, бодром настроении. Новый город манил его, новые люди и новые впечатления ожидали впереди.

Я жить хочу! Хочу печали Любви и счастию на зло;
Они мой ум избаловали И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан? – [257]

Только проехав Новгород, Лермонтов вспомнил о Вареньке. Но он вспомнил о ней лишь для того, чтобы оттолкнуть. Лермонтов ревниво оберегает От нее свою душу, не хочет допустить Вареньку в ее глубину, куда она стремится проникнуть со своей любовью. Все первые стихотворения Лермонтова, связанные с Лопухиной и относящиеся к лету 1832 года, напоминают своим тоном холодного превосходства проповедь, которую читает Онегин Татьяне в саду у Лариных.

К*

Мой друг, напрасное старанье!
Скрывал Ли я свои мечты?
Обыкновенный звук, наззанье,
Вот все, чего не знаешь ты.
Пусть в этом имени хранится.
Быть может, целый мир любви –
Но мне ль надеждами делиться?
Надежды… о! они мои.
Мои – они святое царство
Души задумчивой моей –
……..
Беречь сокровища святые
Теперь я выучен судьбой;
Не встретят их глаза чужие,
Они умрут во мне, со мной!..[258]

Оттолкнув Вареньку так резко, Лермонтов немного раскаивается. Ему становится жаль ее, и он объясняет свое

нежелание открыть ей тайники своей души тем, что не хочет омрачить ее;

Певца твоя ласка утешить не может: –
Зачем же он сердце твое потревожит? – [259]

говорит он несколько мягче в следующем стихотворении. Приехав в Петербург, Лермонтов прощается с Варенькой.

Прости! – мы не встретимся боле…

Он говорит ей:

Мгновение вместе мы были,
Но вечность ничто перед ним:
Все чувства мы вдруг истощили,
Сожгли поцелуем одним;
Прости! – не жалей безрассудно,
О краткой любви не жалей: –
Расстаться казалось нам трудно;
– Но встретиться было б трудней! – [260]

В этом стихотворении Лермонтов предсказывает судьбу этой женщины, которой суждено было любить его всю жизнь:

Прости! – твое сердце на воле….
Но счастья не сыщет в другом.

Оказавшись пророком относительно Вареньки, он заблуждался относительно себя.

Легко расставшись с Лопухиной, Лермонтов всю жизнь о ней тоскует.

Роман Лермонтова, относящийся к весне и лету 1832 года, имел для него огромное значение. Он долгие годы питал его лирику, дал содержание для его романа «Герой нашего времени» и поэмы «Демон». Сюжет любви Печорина и образ Веры из «Княжны Мери» непосредственно связаны с Лопухиной. Новая лирическая ситуация, создавшаяся весной 1832 года в Москве, даст материал для дальнейшего развития лирической темы поэмы «Демон».

Чувство, пробужденное в душе Лермонтова Варенькой, затрагивало лучшие струны его души и чем дальше, тем больше

пускало корни в его сердце, заполняя его до краев. То же самое было и с героем Лермонтова – Жоржем Печориным: «Чудное дело! Он уехал с твердым намерением ее забыть, а вышло наоборот (что почти всегда и выходит в таких случаях)». Лермонтов делает психологический анализ чувств своего героя, которые в известной степени близки его собственным. Сверху он мелко надписывает: «Впрочем Печорин имел самый несчастный нрав: впечатления сначала легкие постепенно врезывались в его ум всё глубже и глубже, так что впоследствии эта любовь приобрела над его сердцем право давности, священнейшее из всех прав человечества»[261].

В Петербурге, через некоторое время после приезда, вдали от обеих своих героинь, Лермонтов сравнивает их друг с другом. В стихотворении, обращенном к Вареньке, он рисует ее портрет, отталкиваясь от портрета Наташи:

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает…

В этой первой части стихотворения изображена не столько Варенька, сколько сияющая своей гордой красотой, окруженная поклонниками Наташа Иванова, – картина, которую много раз мучительно наблюдал Лермонтов, и тема, которой он не раз касался в своих стихах.

Дальше, рядом с образом Наташи, впервые встает живой образ Вареньки:

Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей[262],

– вырывается наконец из-под пера Лермонтова первое

подлинное признание в любви Лопухиной.

В одном из первых писем в Москву, написанном Софье Александровне Бахметевой, Лермонтов шлет привет всем своим друзьям в расчете на догадливость Софьи Александровны, которая передаст его привет Вареньке. Лермонтов делает прозрачный намек на Вареньку, имя которой не считает возможным называть. «У тетушек моих целую ручки, и прошу вас от меня отнести поклон всем моим Друзьям…» После слова «друзьям» – выразительное многоточие. За многоточием следует: «во втором разряде коих Achille, арап»[263]. Ахилл был слугой Лопухиных. Несколько лет спустя Лермонтов опишет его в поэме «Сашка». Он даст очень яркий портрет этого черного слуги, с которым *у* его героя Сашки своеобразная внутренняя связь и взаимное понимание. Арап исполняет все интимные поручения Сашки:

Проворный, хитрый, с смелою душой,
Он жил у Саши как служебный гений,
Домашний дух (по-русски домовой);
Как Мефистофель, быстрый и послушный,
Он исполнял безмолвно, равнодушно,
Добро и зло.

Арап Лопухиных Ахилл был, вероятно, в какой-то мере замешан в роман Лермонтова с Варенькой. Этот «служебный гений», которого Лермонтов считает среди своих друзей, должен был не раз выполнять небольшие, но ответственные поручения. Поклон Ахиллу был своеобразным приветом Вареньке.

Предрассудки светского общества не позволяли Лермонтову писать молодой девушке, и после того, как чувство к ней овладевает его сердцем, он начинает засыпать письмами ее сестру.

Письма к Марии Александровне предназначались, в сущности, для ее младшей сестры. Их надо читать между строк.

2 сентября 1832 года Лермонтов писал: «Знаете ли, милый друг, как я стану писать к вам? Исподволь. Иной раз письмо продлится несколько дней: придет ли мне в голову какая мысль, я внесу ее в письмо; если что примечательное займет мой ум, тотчас поделюсь с вами. Довольны ли вы этим?» – спрашивает он, конечно, не Марию Александровну, а ее младшую сестру, от которой он так ревниво оберегал свой внутренний мир, не желая делиться с ней ни своими страданиями, ни надеждами, ни мечтами. Теперь он обещает посылать ей письма-дневники, хочет, чтобы она знала каждую промелькнувшую в его сознании мысль,

обещает засыпать ее письмами и стихами.

Всякая связь с Москвой, всякая встреча с приехавшими из Москвы приводят его в восторг: «…Москва моя родина, – пишет он, – и такою будет для меня всегда: там я *родился,* там много *страдал,* и там же был *слишком счастлив!».* «Родился, „страдал“ и *„слишком счастлив“* – подчеркнуто, все это имеет скрытый смысл, хорошо понятный Марии Александровне. Письмо, полное внутреннего трепета, Лермонтов заканчивает просьбой: „P. S. Мне бы очень хотелось сделать вам небольшой вопрос, но не решаюсь написать. Коли догадаетесь, хорошо, я буду доволен; а нет – значит, если бы я и написал, вы не сумели бы на него ответить. Это такого рода вопрос, какой, быть может, вам и в голову не приходит“»[264].

Мария Александровна удовлетворила просьбу Лермонтова, повидимому, не сразу и, получив от него упрек в недостатке понимания, пишет ему 3 октября: «Поверьте, я не утратила способности вас понимать, но что же вам сказать? Она хорошо себя чувствует, выглядит довольно веселой, вообще же, ее жизнь так однообразна, что многого о ней не скажешь: сегодня, как вчера. Я полагаю, что вы не огорчитесь, узнав, что она ведет такой образ жизни – ведь это охраняет ее от всякого искушения; что же касается меня, я пожелала бы ей немного рассеяться; как это можно, чтобы молодая особа слонялась из комнаты в комнату, к чему приведет такая жизнь? Только к тому, чтоб стать ничтожным созданием. Ну что? Разгадала ли я вас, этого ли удовольствия вы от меня ждали?»[265]

Письмо Лермонтова к Лопухиной, написанное после того, как он поступил в школу прапорщиков, полно волнения и тревоги.

Поступление в военную школу на два года отрывало его от Москвы и от Вареньки. Он умоляет Марию Александровну писать ему. Теперь это не простая любезность, а «благодеяние» и «подвиг человеколюбия»: «…между мною и милою Москвой, – пишет Лермонтов, – стоят непреодолимые преграды, и, кажется, судьба с каждым днем увеличивает их. …Теперь я более, чем когда-либо, буду нуждаться в ваших письмах; они доставят величайшее наслаждение в моем будущем заключении и послужат единственною связью между тем, что было, и тем, что будет; мое прошлое и будущее и теперь уже идут в разные стороны, и между ними барьер из двух печальных, тяжелых лет… Возьмите на себя этот скучный подвиг человеколюбия – И вы спасете мне жизнь»[266].

Из последующих писем ясно, что переписка шла очень оживленно в течение первого года. Но уже на второй год письма с обеих сторон становятся реже, хотя и не теряют прежней

искренности и тепла. Так, летом 1833 года Лермонтов не писал два месяца, пока был в лагере, а перед тем долго не получал писем от Марии Александровны, и она на него за что-то сердилась. Во всяком случае прежние письма-дневники прекратились.

Лермонтов чувствует себя изменившимся и не знает, что будет с ним еще через год. «Узнаете ли вы меня, и захотите ли узнать? А я какую роль буду играть? Приятно ли будет это свидание для вас, или оно смутит нас обоих?»[267] – спрашивает он Марию Александровну в письме от 4 августа 1833 года, и не столько ее, сколько Вареньку.

Тон писем становится более нервным. Московские друзья Лермонтова чем-то недовольны им. Он то упрекает их в молчании и молит написать, в чем-то раскаивается, старается заслужить прощение, то сам подолгу не пишет.

Юноша Лермонтов рос и менялся в новых условиях. Эту перемену замечали в кем окружающие, и каждый объяснял по-своему. Шан-Гирей говорит, что за годы пребывания в школе прапорщиков в Лермонтове исчезли следы домашнего воспитания и постоянного пребывания в женском обществе.

Лермонтов становился другим, и это отдаляло его от Вареньки. Долгая разлука делала соединявшую их нить все тоньше и тоньше. Нужна была новая встреча, чтобы дать новую пищу чувству. Переписка, да к тому же односторонняя, не могла заменить живого общения. Писал только Лермонтов, через третье лицо, и ничего в ответ не получал от Вареньки.

Ксгда в начале 1834 года Шан-Гирей привез ему поклон от нее, Лермонтов был огорчен и разочарован.

Прощаясь с Шан-Гиреем, ехавшим в Петербург, Варенька с влажными глазами, но с улыбкой сказала: «Поклонись ему от меня; скажи, что я покойна, довольна, даже счастлива».

Лермонтов выслушал это, как показалось Шан-Гирею, хладнокровно и не стал расспрашивать. Шан-Гирей обиделся на Лермонтова за это кажущееся безразличие к Вареньке. На его упрек Лермонтов отвечал: «Ты еще ребенок, ничего не понимаешь!» Шан-Гирею было в это время только 16 лет[268].

То, что произошло весной 1835 года, становится понятным из простого сопоставления фактов.

22 ноября Лермонтов кончил школу. Молодой, только что выпущенный офицер, который два года был лишен общества, закружился в вихре развлечений. На одном из первых балов. Лермонтов встретился с Сушковой и в течение декабря инсценировал роман с ней. Об этом романе заговорили в Петербурге. В первых числах января о нем стало известно в

Москве. Алексей Лопухин, брат Вареньки, побывавший в это время в Петербурге, привез целый ворох новостей в любящую побасенки Москву. Все эти новости разнесли по городу и разукрасили московские сплетницы.

Лермонтова тянуло в родную московскую обстановку, в освежающую и очищающую атмосферу чистой молодой любви, «…возле вас, – писал он Марии Александровне, – я нашел бы себя самого, стал бы опять, каким некогда был, доверчивым, полным любви и преданности…»

Он робко просил между строк поклониться Вареньке: «Поклонитесь всем, кому сочтете нужным…»[269], – писал он, заканчивая просьбу многоточием.

Ответом на полученные из Петербурга вести об ухаживании Лермонтова за Сушковой была помолвка Вареньки. Это было сделано очень быстро и решительно. В следующем письме Лермонтова к А. М. Верещагиной (без даты), где он сам подробно рассказывает свою историю с Сушковой, поэт уже пишет об этом.

Знакомая из Москвы рассказала ему, что «M-lle Barbe выходит замуж за г. Бахметева. Не знаю, должен ли я верить ей, но, во всяком случае, я желаю M-lle Barbe жить в супружеском согласии до празднования ее серебряной свадьбы и даже долее, если до тех пор она не пресытится»[270], – писал Лермонтов среди прочих новостей о родных и знакомых.

В мае Варенька вышла замуж за человека, который был на двадцать лет старше ее. Ей, как Татьяне, «все были жребии равны». Родные поспешили устроить этот брак до новой встречи ее с Лермонтовым, который упорно хлопотал об отпуске.

Лермонтова не считали подходящим мужем для Вареньки. В Москве его называли «сорви-головой», не были уверены даже, что он кончит школу и будет произведен в офицеры. Ко всему этому, после истории с Сушковой, присоединилась репутация Дон-Жуана. С самого начала родные надеялись, что двухлетняя разлука вылечит обоих, и теперь воспользовались слухами о его петербургских похождениях, чтобы повлиять на Вареньку. Не дождавшись приезда Лермонтова в отпуск, она вышла за человека, который мог быть ей отцом.

По словам ближайшего свидетеля этого романа Шан-Гирея, Варенька была несчастна. Она продолжала любить Лермонтова всю жизнь, как и он не переставал любить ее до конца.

Продолжение романа Лермонтова с Лопухиной можно проследить по рукописям «Демона».

Перед нами большая тетрадь. Прекрасная, плотная бумага сшита белыми толстыми нитками, как обычно сшивал Лермонтов свои тетради. Обложка пожелтевшая, порванная и потом кем-то

подклеенная.

Рукопись переписана чужим ровным писарским почерком. Но обложка сделана самим поэтом. Сверху крупно надпись: «Демон». Внизу слева мелко: «1838 года сентября 8 дня». Заглавие старательно выведено и заключено в овальную виньетку. Такие виньетки часто встречаются в его юношеских тетрадях.

Сверху мелко надписано П. А. Висковатым: «Из рукописей Варвары Александровны Лопухиной (Бахметевой), сохранившихся у брата Алексея Александровича Лопухина». Почерк Лермонтова мы встречаем в двух местах рукописи: на одной из страниц поэмы и в самом конце, Строки, написанные Лермонтовым в тетради, подаренной им любимой женщине, среди бездушно выписанных писарем страниц, приобретают особый смысл и значение. Онц воспринимаются с волнением – точно чужое письмо, случайно попавшее вам в руки, невольно подслушанный разговор, нечаянно открытая чужая тайна.

Писарь писал черными чернилами, Лермонтов пишет другими. Очевидно, он просил сделать пропуск в определенном месте и потом, принеся тетрадь домой, вставлял строки, на которые хотел обратить особое внимание того, кому предназначалась рукопись.

Страница, написанная рукою писаря, кончается стихами:

Облаков неуловимых Волокнистые стада…

Переворачиваем страницу: почерк Лермонтова! Поэт старается писать ровно и красиво, но по привычке, как всегда, строчки, написанные его мелким, неровным почерком, устремляются вверх и загибаются вниз.

Час разлуки, час свиданья, –
Им ни радость ни печаль:
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни,
Будь к земному без участья,
И беспечна как они, –

утешает Лермонтов Вареньку в неудавшейся жизни.

А дальше почерком писаря -

Лишь только ночь своим покровом…

И т. д.

По окончании поэмы снова появляется рука Лермонтова. Конец поэмы отделен чертой, как обычно делает Лермонтов в своих тетрадях, когда дальше идет что-то совсем иное.

Под чертой, следом за поэмой, Лермонтов пишет:

Посвящение поэмы «Демон»

Я кончил, – и в груди невольное сомненье:
Займет ли вновь тебя давно знакомый звук, –
Стихов неведомых задумчивое пенье, –
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?

Лермонтов виделся с Лопухиной в Петербурге в 1838 году! куда Варвара Александровна приезжала с мужем, по дороге за границу. Об этом рассказывает Шан-Гирей. Варвара Александровна очень изменилась, побледнела и похудела; «и тени не было прежней Вареньки, только глаза сохранили свой блеск и были такие же ласковые», – пишет Шан-Гирей в своих воспоминаниях. Он передает свой разговор с ней:

– «Ну как вы здесь живете?»

– «Почему же это вы?»

– «Потому, что я спрашиваю про двоих».

– «Живем, как бог послал, а думаем и чувствуем, как в старину»[271].

За Лермонтовым послали в Царское Село, где он в то время жил и где стоял его полк. Это была их последняя встреча.

Лермонтов не раз дарил Вареньке «Демона». Сохранился лист с посвящением Лопухиной. Так же, как и рукопись 1838 года, он хранится в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Лист переписан писарской рукой, но композиция продумана Лермонтовым. Сверху крупно: «В..... А..... Б».

Число точек соответствует числу букв имени Варвары Александровны.

Немного ниже, справа, четыре строки:

Прими мой дар, моя Мадонна…

Под ними левее:

Я кончил..

Буква «Б» раздраженно перечеркнута карандашом, и карандашом же крупно написано: «Л».

Получив рукопись от переписчика, Лермонтов перечеркивает начальную букву фамилии Вареньки, которую она носила по мужу, и пишет первую букву ее девичьей фамилии. Он делает это, вероятно, быстрым, непроизвольным движением руки, не думая о последствиях, каким его герой Жорж Печорин бросает в горящий камин визитную карточку Верочки и ее мужа.

Во время экспедиции в Чечню, летом 1840 года, Лермонтов имел при себе большой альбом в темном коричневато-лиловом коленкоровом переплете с выбитыми на нем цветами[272]. Стремление к внутренне близкому и родному, но недосягаемо далекому существу – вот лейтмотив альбома. Эта тема находит свое воплощение в образах сосны и пальмы, которые чередуются с впечатлениями походной жизни.

Альбом начинается стихотворением «Живой мертвец». «Живой» зачеркнуто и сверху надписано: «Новый».

Желаю, плачу и ревную,
Как в старину…

Перевернем страницу:

Покоя, мира и забвенья
Не надо мне!

И дальше:

На севере диком стоит одиноко…

Потом что-то перечеркнуто карандашом, и снова повторяется тема про сосну.

В центре страницы рисунок: пальма на скале. Едут два всадника – Печорин и княжна Мери. Справа сухое дерево с одним суком. Через несколько страниц – снова «На севере диком» – вариант. Несколько страниц написаны карандашом. Это предисловие к «Герою нашего времени». Тут же черновой набросок: «У гр. В. был музыкальный вечер».

Рисунки окружающей природы и походной жизни, кавказские пейзажи, русский лагерь; едет арба, и на этом фоне одна тема с вариациями: «Сосна и пальма». Когда перелистываешь альбом, точно присутствуешь при рождении темы «Валерика» – хотя этого стихотворения здесь и нет.

Я к вам пишу: случайно! право,
Не знаю как Я для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? – ничего!
Что помню вас? – но, боже правый.
Вы это знаете давно.
И вам, конечно, всё равно.
Но я вас помню – да и точно,
Я вас никак забыть не мог![273]

До настоящего времени не было портрета Варвары Александровны Лопухиной, который давал бы приблизительное представление об этой женщине, которую до конца дней любил Лермонтов. За последние годы Пушкинским домом в Ленинграде приобретен ее акварельный портрет[274], до сих пор остававшийся неизвестным. С портрета смотрит живая Варенька. Она держится очень прямо, что придает всей ее фигуре какую-то стремительность. Вдохновенный, наполненный большим внутренним содержанием облик дышит исключительным очарованием. Над бровью отчетливо выведена родинка.

Под портретом подпись карандашом: «Работа М. Ю. Лермонтова. Поэта». И дальше рукою Висковатого: «Работа несомненно М. Ю. Лермонтова и изображает Варвару Александровну Бахметеву, рожд. Лопухину. Пав. Висковатый».

В 1839 году у Варвары Александровны родилась дочь Ольга. Лермонтов видел девочку. Висковатый предполагает, что под этим впечатлением написано стихотворение «Ребенку».

О грёзах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю…
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок… Не правда ль? говорят,
Ты на нее похож…. Увы! года летят:
Страдания ее до срока изменили;
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей…[275]

Висковатый рассказывает о сильном впечатлении, которое произвела на Лермонтова встреча с девочкой. Он долго ласкал ребенка и потом, не в силах сдержать слез, вышел в другую

комнату[276].

В. А. Лопухина умерла в 1851 году и похоронена в Москве в соборе Донского монастыря.

Глава четвертая. Передовая московская молодежь 30-х годов

В то время как в залах и гостиных дворянских особняков танцевали, играли в карты, сплетничали и злословили, в мезонинах и антресолях, где ютилась молодежь, шла иная жизнь.

Здесь мечтали о подвигах, спорили до рассвета, писали стихи.

Жизни-развлечению фамусовской Москвы лучшая часть молодежи 30-х годов противопоставляла свой идеал труда и борьбы; себялюбию и классовой ограниченности – идеалы гуманности и свободы.

Крепостничество отцов оскорбляло в них чувство человеческого достоинства, заставляло на каждом шагу негодовать и возмущаться.

Г нет николаевской реакции давил на слабые юные плечи. Героический пример декабристов звал на борьбу, но реальная действительность не давала возможности действия. Юноши тосковали, их мысль блуждала в туманных мечтах о подвиге, о жертве за свободу родины, за счастье человечества.

Молодежь 30-х годов продолжает лучшие традиции старшего поколения, к которому относились декабристы. Московский передовой юноша обоих поколений чужд карьеризма. Высокие общечеловеческие и гражданские идеалы преобладают в нем над узко эгоистическими интересами. Он отрицательно относится к официальной России и с глазах консервативного дворянского общества слывет опасным мечтателем.

В литературе и письмах 20-30-х годов часто встречаются слова «пылкий», «пылкость». На романтическом языке тех лет это означало избыток жизненных сил, внутреннее богатство, широту умственных интересов, яркость темперамента. Со свойственной им правдивостью и прямотой «пылкие» юноши проповедовали свои идеи, резко критиковали старый, консервативный мир.

Молодой Пушкин в Кишиневе ругает правительство и помещиков. Даже стоящий в стороне от политики юноша Одоевский постоянно спорит со своими старшими родственниками. В. Ф. Одоевский относится к молодым представителям старшего поколения. В год восстания декабристов ему только 22 года.

К старшему поколению «пылких» юношей примыкают два поэта-ровесника, очень различные по своему характеру и дарованию: Веневитинов и Полежаев. Оба зачахли в тюремном

воздухе николаевской России.

Веневитинов – юноша-философ. Для него все люди – братья, а поэт – «друг вселенной». Его стихи были очень популярны среди современников. Веневитинов – человек исключительно высокого морального облика, «чистая поэтическая душа, задушенная в двадцать два года грубыми тисками русской жизни», – писал Герцен.

Полежаев – московский студент, отданный Николаем I в солдаты за вольнодумную поэму «Сашка». Поэма ходила в списках. «Свобода в мыслях и поступках» – отличительная черта героя поэмы – «пылкого» московского юноши, студента Саши. Полежаев, талантливый поэт, умер тридцати трех лет от чахотки в солдатской больнице.

К старшему поколению «пылких» московских юношей примыкал, хотя и был несколько моложе их, и друг Лермонтова Святослав Афанасьевич Раевский[277].

Раевский поступил в Московский университет в 1823 году и окончил его в год приезда Лермонтова в Москву. Он был студентом в период общественного подъема перед восстанием декабристов. Раевский интересовался творчеством Лермонтова и был близок с ним. Позднее, в Петербурге, Лермонтов вместе с Раевским писал свой роман «Княгиня Лиговская». Раевский поплатился высылкой за распространение стихов Лермонтова на смерть Пушкина, за которые сам поэт был сослан на Кавказ.

Московский юноша сильно меняется в новых исторических условиях, после разгрома восстания 14 декабря 1825 года.

С одним из «пылких» московских юношей 30-х годов мы уже встречались на страницах этой книги. Мы видели его в мезонине на Малой Молчановке, в подмосковной Середниково, мы читали его поэтические дневники. В костюме астролога, с гадательной книгой в руках, он преподносил на маскараде в «Благородном собрании» злые эпиграммы своим светским знакомым. Этот юноша не одинок. Он окружен друзьями и вдохновлен примером декабристов.

В драме Лермонтова «Странный человек», наряду с фамусовской Москвой, показана передовая часть московской молодежи. Сцены в доме Загорскиных рисуют быт и нравы фамусовской Москвы, раскрывают круг интересов московских гостиных, сцена у студента Рябинова знакомит с бытом студенческой молодежи. Здесь мы попадаем на одно из тех сборищ, которые происходили в мезонинах и антресолях дворянских особняков. Разговоры товарищей Рябинова вводят в круг студенческих интересов. Исторические судьбы России, ее героическое прошлое, ужасы крепостного права, – философия,

поэзия, театр, – игра любимца московской молодежи актера Мочалова – вот темы, которые с жаром обсуждались в студенческих комнатах, в то время как в гостиных с неменьшим жаром пересуживались чужие семейные дела.

Эти юноши не были аскетами. Они любили повеселиться. Дети фамусовской Москвы, они могли подчас злоупотреблять радостями жизни, которые иногда шли в разрез с волновавшими их проблемами высокой морали. В студенческой сцене драмы «Странный человек» Снегин и Заруцкий читают стихи Арбенина, его философские и лирические излияния, под шумный аккомпанемент студенческой пирушки.

Герой драмы Владимир Арбенин – передовой московский юноша 30-х годов, наделенный некоторыми индивидуальными чертами автора. В своих лирических стихотворениях Лермонтов выступает непосредственно от лица этого юноши. В поэмах и драмах он переодевает его в разные костюмы, переселяет в разные эпохи, меняет его национальность и общественное положение. Но мы узнаем его под всяким гримом. В средневековом испанском костюме или в, латах древнерусского воина он остается все тем же «пылким» московским юношей 30-х годов, влюбленным в жизнь и в то же время готовым от нее отказаться, чтобы принести себя в жертву родине и человечеству.

Устами своих героев московский юноша Лермонтов не перестает проповедовать свободу, бороться за права человеческой личности.

> – Я, свежий, пылкий, молодой…
> ……..
> Я человек, как и другой -[278]

говорит молодой испанский монах в поэме «Исповедь».

В драме, построенной на московском материале, ее герой Владимир Арбенин резко противопоставляется старой, консервативной Москве. На этом противопоставлении строится сюжет драмы «Странный человек». «Глубокие мысли и огненные чувства» – вот что выделяет Владимира Арбенина из окружающей среды обезличенной светской молодежи.

Богатство внутренней жизни отражается на его наружности, придает блеск глазам, особую вибрацию голосу. «Он не красавец, но так не похож на других людей, что самые недостатки его, как редкость, невольно нравятся; какая душа блещет в его темных глазах! – какой голос!..»[279] – говорят о нем героини драмы.

В характере Арбенина много противоречий. Про него говорят в свете, что он «шалун», «повеса», что у него «злой язык». Но те,

кто его близко знает, утверждают обратное: «у него доброе сердце», он «понимает хорошо честь, как никто». Преследуя насмешками пошлость и ничтожество, Владимир не только не может видеть чужих страдании, но и переносить равнодушно «презрения к счастию ближнего, какого бы роду оно ни было»[280].

Он приходит в негодование, слушая рассказ крестьянина о пытках, которым подвергает крепостных жестокая помещица: «… я бы раздавил ногами каждый сустав этого крокодила, этой женщины!.. один рассказ меня приводит в бешенство!»

Но Владимир не только возмущается, но и отдает все свои деньги, чтобы спасти крестьян.

Арбенин полон гражданских и патриотических чувств, которые заставляют его мучительно переживать рабство народа. «О мое отечество! мое отечество!»[281] – восклицает он под впечатлением рассказа крестьянина.

Арбенин – прекрасный оратор, его речь увлекает. Он часто выступает с проповедью истин, которые идут в разрез с консервативным мировоззрением дворянской Москвы. «„Сам себе противоречит, а всё как заговорит и захочет тебя уверить в чем-нибудь – кончено! редкий устоит!“ – говорит о нем Белинский»[282].

После гибели Арбенина у него было найдено множество тетрадей. Лермонтов так характеризует эти творческие тетради своего героя, столь сходные с его собственными: в них «отпечаталось все его сердце; там стихи и проза, есть глубокие мысли и огненные чувства! – Я уверен, – заканчивает гость, в уста которого вкладывает Лермонтов описание творческих тетрадей своего героя, – что, если б страсти не разрушили его так скоро, то он мог бы сделаться одним из лучших наших писателей. В его опытах виден гений!»[283]

С типом «пылкого» юноши 30-х годов мы встречаемся и на страницах драмы другого московского студента, Виссариона Белинского.

Юношеская драма будущего великого критика «Дмитрий Калинин», как и юношеское творчество Лермонтова, является утверждением прав человеческой личности, содержит резкий протест против социальной несправедливости. Равенство людей во имя высокого имени человека, вне зависимости от прав рождения и богатства, – вот основной идейный стержень драмы. С тирадами о правах человеческой личности выступает на ее страницах главный герой – Дмитрий Калинин.

Дмитрий Калинин – сын помещика и крестьянки, по официальному положению отпущенный на волю крепостной. Он получил воспитание вместе с детьми своего отца, в его семье, не

зная того, что он его сын. Дмитрий перечитал всю библиотеку своего отца, который очень любил талантливого юношу, называл «пылкой головой», «молодым мечтателем», «маленьким философом». Этот юноша страдает от сознания своего рабского происхождения и постоянных попреков и унижений со стороны семьи отца. Его страдания усиливаются от чрезмерной чувствительности и пылкости характера. «Душа твоя всегда полна через край», – говорит его друг, предсказывая ему гибель. Дмитрий и его сестра Софья, такая же развитая, передовая девушка, как и он, и в то же время такая же пылкая и чувствительная, любят друг друга, не зная того, что они родные. Отец неожиданно умирает. Его жена и дети выкрадывают и уничтожают отпускную Дмитрия. Он убивает Софью и сам закалывается кинжалом.

Юношеская драма Белинского навлекла неприятности на ее автора, вызвав столкновение с университетским начальством. Белинский думал напечатать ее и на полученные деньги освободиться от угнетавшей его нищеты. Его мечты рухнули. Сочинение было признано безнравственным, бесчестящим университет, а за Белинским был установлен особый надзор.

Письмо Белинского по поводу его драмы «Дмитрий Калинин» является документом, характеризующим московского юношу 30-х годов. Письмо написано тем же языком, на котором говорят как его собственный герой, так и герои Лермонтова.

«В моей груди сильно пылает пламя тех чувств высоких и благородных, которые бывают уделом немногих *избранных* – и при всем том, меня очень редкие могут ценить и понимать», – пишет Белинский родителям. «…Все мои желания, намерения и предприятия самые благородные, как в рассуждении самого себя, так и других, оканчивались или неудачами, или ко вреду мне же… Осужденный страдать на казенном коште, я вознамерился избавиться от него и для этого написал книгу, которая могла скоро разойтись и доставить мне не малые выгоды. В этом сочинении, со всем жаром сердца, пламенеющего любовью к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, я в картине довольно живой и верной представил тиранство людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных. Герой моей драмы есть человек пылкий, с страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бешены, – и следствием их была его гибель. Вообще скажу, что мое сочинение не может оскорбить чувства чистейшей нравственности, и что цель его есть самая нравственная»[284].

Круг идей, в котором живут московские передовые юноши 30-

х годов, может быть дополнен материалом из другой юношеской драмы Лермонтова «Menschen und Leidenschaften».

Герой драмы Юрий Волин – такой же передовой юноша, как Владимир Арбенин и Дмитрий Калинин. Его занимала «мечта земного, общего братства», «при одном названии свободы сердце вздрагивало, и щеки покрывались живым румянцем…»

Здесь мы находим указание на конфликт передовой молодежи с консервативным обществом, с официальной Россией: «Любовь мою к свободе человечества, – говорит Юрий Волин, – почитали вольнодумством – меня никто… не понимал»[285].

Это тот же конфликт, который переживало старшее поколение. Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года послужило рубежом, разделившим две эпохи, наложило резкий отпечаток на новое, подрастающее поколение.

Владимир Арбенин, Юрий Волин и Дмитрий Калинин отличаются внутренним надломом, которого нет у юношей старшего поколения. Они всегда готовы перейти от чрезмерной восторженности к отчаянию. Чацкий, по сравнению с героями юношеских драм Лермонтова и Белинского, – более цельный и уравновешенный характер. В новых исторических условиях московский юноша стал иным.

Историческое формирование типа московского юноши 30-х годов

Старшее и младшее поколения воспитаны на героических событиях Отечественной войны 1812 года, но воспитаны по-разному.

Старшие принимали в ней участие. Те из них, которые в то время были еще слишком молоды, наблюдали героическую борьбу русского народа, в которой участвовали их отцы и братья. Защита Москвы, победоносные заграничные походы, взятие Парижа – все прошло перед их глазами. С верой в победу они приступили к планам политического переустройства России и смело вышли на бой с самодержавием. Младшее поколение не могло помнить событий Отечественной войны 1812 года, но «рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о Березине, о взятии Парижа» были его «колыбельной песнью, детскими сказками», его «Илиадой и Одиссеей»[286]. Эти рассказы воспитывали подрастающее поколение в духе национальной гордости, рождали мечты о подвигах и геройстве.

Когда вернувшиеся из зарубежных походов молодые гвардейские офицеры горячо обсуждали современное положение России, наши юноши были еще совсем детьми. Но этот период высокого общественно-политического подъема, предшествующий восстанию 14 декабря, ярко запечатлелся в их памяти. Дети вслушивались в разговоры старших, чутким ухом ловили то, что взрослые хотели от них скрыть. Запрещенные стихи Пушкина и Рылеева переписывались и ходили по рукам. Стихи Пушкина распространялись по всей стране. Они играли в то время роль политических прокламаций, имели революционизирующее значение.

В святой тиши воспоминаний
Храню я бережно года
Горячих первых упований,
Начальной жажды дел и знаний,
Попыток первого труда.
Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов, –
Могучих деятелей племя,
И сеяло благое семя
На почву юную умов[287].

Так рисуется в памяти Огарева общественное настроение в эпоху формирования тайных обществ. Период надежд и высокого общественного подъема закончился трагической развязкой на Сенатской площади, казнью пяти декабристов, каторгой и ссылкой для остальных участников восстания.

Описание этих событий и то, как они преломились в сознании подрастающего поколения, мы находим у Герцена, Огарева и Лермонтова. Много лет спустя, оглянувшись назад, они рисуют яркие картины эпохи.

«Жизнь моя сложилась рано, и я долго оставался молод, – писал на склоне лет Герцен. – Воспоминания мои переходят за пределы николаевского времени; это им дает особый fond[288], они освещены вечерней зарей другого торжественного дня, полного надежд и стремлений. Я еще помню блестящий ряд молодых героев, неустрашимо, самонадеянно шедших вперед… В их числе шли поэты и воины, таланты во всех родах, люди, увенчанные лаврами и всевозможными венками… Я помню появление первых песен „Онегина“ и первых сцен „Горя от ума“… Я помню, как, прерывая смех Грибоедова, ударял, словно колокол на первой неделе поста, серьезный стих Рылеева и звал на бой и гибель, как зовут на пир…

И вся эта передовая фаланга, несшаяся вперед, одним декабрьским днем сорвалась в пропасть и за глухим раскатом исчезла…

> В стране метелей и снегов.
> На берегах широкой Лены.

Я четырнадцатилетним мальчиком плакал об них и обрекал себя на то, чтоб отомстить их гибель»[289]. «Казнь Пестеля и его товарищей, – говорит Герцен, – окончательно разбудила ребяческий сон моей души»[290].

Жизнь лучших представителей молодого поколения шла по пути, завещанному декабристами:

> По их следам слагалась жизнь моя,
> Я призван был работать для свободы
> И победить иль величаво пасть… –

говорит герой поэмы Огарева[291].

Вдохновленные героическим примером декабристов, два мальчика – Ник Огарев и Шутка Герцен, убежав от отца и гувернера, на Воробьевых горах, перед расстилающейся едали

Москвой, дают клятву не покидать заветного пути борьбы за свободу.

«Запыхавшись и раскрасневшись, стояли мы там, обтирая пот. Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горюй, свежий ветерок подувал на нас; постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу»[292].

Эпоха, наступившая после восстания 14 декабря, резко отличалась от предшествующей. Это были страшные годы, когда, по выражению Герцена, «Явился Николай с пятью виселицами, с каторжной работой, белым ремнем и голубым Бенкендорфом»[293].

В этих условиях подрастало новое поколение 30-х годов. Гнетущая, безысходная тоска лучшей части поколения 30-х годов особенно ярко выражена в стихах Лермонтова: «Жалобы турка» и «Монолог».

Деспотизмом Николая I были погублены многие студенты Московского университета: талантливый поэт Полежаев, братья Критские, Сунгуров и его товарищи.

«Опасность поднимала еще более наши раздраженные нервы, – вспоминает это время Герцен, – заставляла сильнее биться сердца и с большей гоояхностью любить друг друга»[294].

Передовая молодежь жила в мечтах о подвигах. Она верила в свое «святое назначенье»

> Свершить чредою смелых дел
> Народов бедных искупленье…[295]

Юноша Белинский писал: «В моей груди сильно пылает пламя тех чувств высоких и благородных, которые бывают уделом немногих *избранных…»*[296] Герцен говорит, что он воображал себя «великим», «доблестным», а «будущее рисовалось каким-то ипподромом, в конце которого ожидает стоустая слава…»[297]

> Палящий огнь сокрыт в груди моей,
> Я напоен губительной отравой.
> Во мне бушует вихрь страстей
> И кто смирит его? –
> Одна десница славы![298] –

писал юноша Станкевич.

Мечтами о подвигах, о славе и величии и в то же время

мыслью о трагическом конце полна юношеская лирика Лермонтова.

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет все душа моя
Во всем дойти до совершенства[299].

В стихотворении «Отрывок» поэт рисует образ героя, который обдумывает план спасения своего народа. Очень вероятно, что это – лирическая вариация на задуманный им в то время сюжет поэмы о Мстиславе Черном, из времен татарского нашествия. Но переживания героя поэмы перекликаются с его собственными, так как в это время лирический, эпический и драматический герои Лермонтова очень близки друг другу.

Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик – и этого довольно:
Мой час настал; – час славы, иль стыда;
Бессмертен, иль забыт я навсегда…
Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу…[300]

Юноша – чувствует себя исключительной натурой, его жизнь должна быть отмечена какими-то особенными событиями. Борьба за общее дело, которая ждет его впереди, не может кончиться победой и неизбежно приведет к смерти или изгнанию. Он постоянно полон лихорадочной жажды деятельности и в то же время предчувствием неминуемой гибели.

«Странная вещь, что почти все наши грезы, – говорит Герцен, – оканчивались Сибирью или казнью и почти никогда – торжеством»[301].

Когда твой друг с пророческой тоскою
Тебе вверял толпу своих забот.
Не знала ты невинною душою.
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет[302],

– писал Лермонтов.

Тема изгнания и кровавой могилы постоянно мелькает в его стихотворениях. Иногда образ этой могилы принимает конкретные черты северного пейзажа далекой Сибири:

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота Кругом[303].

Двадцатилетний Огарев, сидя в одиночной камере тюрьмы, гадает по библии о том, что ждет его, и мечтает, чтоб ему вышло «по воле рока»:

И жизнь, и скорбь, и смерть пророка[304].

Мечты юношей переплетались с образами из книг. Они вели беседы с любимыми героями, перевоплощались в них. Герцен звал Огарева Рафаилом, по Шиллеру, Огарев Герцена – Агатоном, по Карамзину. Книги если не заменяли, то дополняли им действительную жизнь.

Очень сильно было увлечение Шиллером. Высокие идеалы и гуманизм Шиллера близки юношам 30-х годов. Содержание драм Шиллера легко сопоставлялось с событиями 14 декабря. Благородный и смелый подвиг декабристов перекликался с поведением шиллеровских героев. Шушка Герцен с Ником Огаревым, беседуя о Шиллере, невольно обращаются к восстанию декабристов. «От Мероса, шедшего с кинжалом в рукаве, „чтоб город освободить от тирана“, от Вильгельма Телля, поджидавшего на узкой дорожке в Кюснахте Фогта, переход к 14 декабря и Николаю был легок»[305], – пишет Герцен.

Было и увлечение Байроном. Юноша Лермонтов, прочитав биографию Байрона, сопоставляет свою судьбу с судьбой поэта:

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел:
У нас одна душа, одни и те же муки; –
О если б одинаков был удел!……

– пишет Лермонтов, ставя после «удел» выразительное многоточие[306].

Но особенно сильно было увлечение современной русской литературой, «…поклонение юной литературе, – говорит Герцен,

– сделалось безусловно, – да она и могла увлечь именно в ту эпоху, о которой идет речь. Великий Пушкин явился царем-властителем литературного движения; каждая строка его летала из рук в руки; печатные экземпляры не удовлетворяли, списки ходили по рукам. „Горе от ума“ наделало более шума в Москве, нежели все книги, писанные по-русски», «альманахи с прекрасными стихами, поэмы сыпались со всех сторон; Жуковский переводил Шиллера, Козлов – Байрона… Что за восторг, что за восхищение, когда я стал читать только что вышедшую первую главу „Онегина“! Я ее месяца два носил в кармане, вытвердил на память. Потом, года через полтора я услышал, что Пушкин в Москве. О, боже мой, как пламенно я желал увидеть поэта! Казалось, что я вырасту, поумнею, поглядевши на него. И я увидел, наконец, и все показывали, с восхищением говоря: „вот он, вон он!..“»[307]

Мысль юношей часто обращалась к далекому прошлому. Особенно привлекали героические эпохи борьбы за свободу родины. Очень велик был интерес к русской истории. Юноша Станкевич пишет трагедию «Василий Шуйский», а его друг Красов посвящает ему стихотворение «Куликово поле».

Лермонтов неоднократно искал сюжетов в русской истории. В поэме «Последний сын вольности» он сопоставляет события далекого прошлого со вчерашним днем. Судьба небольшой группы свободолюбивых новгородцев, вступивших в неравную борьбу с поработителем Рюриком напоминала судьбу декабристов:

Но есть поныне горсть людей,
В дичи лесов, в дичи степей:
Они, увидев падший гром,
Не перестали помышлять
В изгнанье дальном и глухом,
Как вольность пробудить опять;
Отчизны верные сыны
Еще надеждою полны…

В то время как в стране царствует варяг Рюрик, шесть юношей – «месть в душе, в глазах отчаяние» – бродят в дебрях лесов. С ними седой старик-певец, который поет им о былой вольности.

Ужель мы только будем петь
Иль с безнадежней немым
На стыд отечества глядеть,

Друзья мои? –

С этими словами обращается Вадим к товарищам Они идут в Новгород. Вадим вызывает Рюрика на поединок. Перед поединком он обращается к согражданам:

Новогородцы! обо мне
Не плачьте… я родной стране
И жизнь и счастие принёс…
Не требует свобода слез!

Рюрик убивает Вадима.

Он пал в крови, и пал один –
Последний вольный славянин! –

У подножья скалы возвышается зеленый холм, поросший можжевельником, два серых камня на нем.

Под ними спит последним сном,
С своим мечом, с своим щитом,
Забыт славянскою страной,
Свободы витязь молодой! –

Лермонтов посвящает поэму другу, члену своего кружка, Н. С. Шеншину[308].

О Вадиме и его борьбе с Рюриком есть краткое упоминание в Местеровой летописи. Образ Вадима неоднократно использовался в русской литературе, начиная с «конца XVIII века. Трагедия Княжнина „Вадим Новгородский“» была уничтожена, как революционная, по приказу Екатерины II. Рылеев написал думу о Вадиме, которая ходила в списках. Юноша Лермонтов продолжает традицию революционной трактовки образа Вадима, как борца за вольность.

Герцен рассказывает о том, как после 14 декабря им начали овладевать «политические мечты». Они владели и другими московскими юношами и подростками. У Лермонтова мечты воплощались в поэтическую форму. Юноши восторженно поклонялись свободе, проповедовали равенство на основе естественного права, протестовали против всех форм деспотизма. Понятие свободы в конце 20-х – начале 30-х годов еще не было

расчленено и объединяло понятия свободы личной, политической и национальной. Язык юношей 30-х годов соответствовал отвлеченному характеру их мышления. Он был натянутый и книжный, со всеми трафаретными формами романтической лексики тех лет. Возвышенная восторженность сменялась необычайной – мрачностью или чувствительностью.

«Политические мечты» юношей, их идеалы свободы и человечности находились в резком противоречии с крепостным бытом. Насколько волновала их окружающая крепостная действительность, заставляя на каждом шагу «негодовать и возмущаться, свидетельствуют юношеские драмы Лермонтова. О своих детских и юношеских впечатлениях от крепостного права Герцен пишет: „Я довольно нагляделся, как страшное сознание крепостного состояния убивает, отравляет существование дворовых, как оно гнетет, одуряет их душу. Мужики, особенно оброчные, меньше чувствуют личную неволю, они как-то умеют не верить своему полному рабству. Но тут, сидя на грязном залавке передней с утра до ночи или стоя с тарелкой за столом, нет места сомнению“[309].

Юношей с ранних лет тянуло к людям из народа. В одном из своих произведений Огарев рассказывает о том, как его герой в детстве любил проводить время с дворней.

> „Вся дворня без различия чинов, – лакей, стопник, буфетчик, кучер, прачка“, – ласково обращалась и играла с маленьким „барчуком“.

Ребенок рано почувствовал тяжесть их положения и жалел их, не умея еще отдать себе отчета в своих чувствах.

> Я к ним привык и мне их было жаль.
> Мне думалось, что жить им очень жутко.
> Мне думалось, что кто-то был неправ;
> А кто – тогда сообразить не мог я[310].

Лермонтов также любил в детстве бывать в девичьей, слушать песни сенных девушек, сказки о волжских разбойниках. Он рос в обществе детей крепостных. Его бабушка Арсеньева собирала дворовых мальчиков играть с внуком, чтобы ему не было скучно. У Лермонтова до конца жизни сохранилась теплая дружеская связь с крестьянами Тархан. Он не раз выступал их защитником перед бабушкой. Когда он приезжал в Тарханы, отменялись все наказания.

Детские впечатления от крепостной действительности

развили в Лермонтове и Герцене непреодолимую ненависть к рабству и произволу.

Товарищ Герцена по университету Сазонов, вспоминая время своего студенчества, писал: „Проведя полдня среди отвлеченной науки и поэтических порывов дружбы, каждый из нас приобщался дома к реальной родной почве, но не становился сильнее от этого, ибо окружала нас не народная жизнь, а только искусственное и большею; частью паразитическое существование привилегированны“ классов. Крепостное право придает в России этому существованию нечто дикарское, понять которое невозможно-, не видя его…

Однако, живя среди абстракции и варварства, мыслящее меньшинство русской молодежи, воодушевленное любовью к родине и свободе, с неутомимым рвением искало выхода, который примирил бы ее с народом»[311].

Московский университет – центр передовой молодежи начала 30-х годов

Центром, вокруг которого группировалась передовая молодежь, был Московский университет. В Московское университете 10-х годов учились 25 будущих декабристов.

Свое прогрессивное значение Московский университет, не утратил и в годы николаевской реакции. Он был хранителем традиций декабризма. «Мы были уверены, – вспоминал позднее Герцен, – что из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылеевым, и что мы будем в ней»[312].

Николай I это чувствовал и остро ненавидел Московский университет. Напуганный событиями 14 декабря 1825 года, живя под страхом тайных обществ, призрак которых чудились ему всюду, он вырывал из студенческой среды жертву за жертвой.

Интересы студенческой молодежи были очень разнообразны, кругозор широк. Философия, история, литература, театр – все это увлекало и волновало студентов без различия отделений. Математики и медики не хуже словесников знали наизусть комедию «Горе от ума», восторгались Пушкиным и участвовали в спорах о романтизме.

В университете была распространена рукописная литература. Запрещенные стихи Пушкина: «Деревня», «Вольность», «Чаадаеву», послание «В Сибирь», как и стих казненного Рылеева, старательно переписывались. Эти бережно хранимые клочки бумаги передавались из рук в руки в аудиториях и коридорах университета. Физики и медики интересовались литературой, словесников можно было встретить в аудитории физико-математического факультета. На лекции Павлова сходились студенты всех отделений.

Проблема национального самоопределения России, ее исторические судьбы волновали студенческую молодежь, как и все передовое русское общество 20-30-х годов. Студенты следили за революционными событиями в Западиной Европе и старались, чем могли, выразить свое сочувствие восставшим. Московские студенты приветствовали июльский переворот в Париже, знали, любили революционных вождей и хранили у себя их портреты. В знак солидарности с французским революционным народом носили вязаные трехцветные шарфы той же расцветки, что и французский революционный флаг. Желая выразить сочувствие немецким революционерам, надевали черные бархатные береты, какие носил Карл Занд – немецкий студент, патриот, убивший в

1819 году писателя-реакционера Коцебу.

Интерес к науке в Московском университете 20-30-х годов был чужд карьеризма, с одной стороны, и академизма – с другой. Наука не уводила от жизни, была тесно связана с окружающей действительностью. Насколько остро реагировала студенческая молодежь на рабство народа, свидетельствует, как мы это видели, антикрепостническая тематика студенческих драм Лермонтова и Белинского.

Московский университет был своеобразным демократическим островком в крепостнической стране, где так резки были классовые различия и целая пропасть отделяла дворянское общество от других сословий. Московский университет был открыт для всех. Туда не принимали только крепостных.

«Со всех сторон многоплеменной России, с гор Кавказа, с берегов Иртыша и Вислы стремилось пылкое юношество к подножию Кремля», – читаем в воспоминаниях о Московском университете его бывшего студента. «Собираясь в дальний путь, юноша немного вез с собою для обеспечения четырехлетнего курса. Нередко этого едва было достаточно на путь и на первоначальное обзаведение, но он вез с собой молодое, горячее сердце и бесконечную жажду жизни и знаний»[313].

Из разных районов Москвы студенты собирались на лекции. Одни приходили пешком, другие приезжали в собственных экипажах. Товарищество объединяло в единую студенческую семью детей различных сословий. Вчерашний крепостной, ныне разночинец, мог сидеть на одной скамье с сыном своего бывшего барина и пользовался с ним одинаковыми правами, которые давало ему звание студента. «Студент, который бы вздумал у нас хвастаться своей *белой костью* или богатством, был бы отлучен от „воды и огня“, замучен товарищами»[314], – пишет Герцен.

В конце 20-х – начале 30-х годов форма не была обязательна, и студенческая толпа имела очень пестрый вид. Меньшинство носило форму – синие сюртуки с золотыми пуговицами, но большинство – штатское платье. Казеннокоштные студенты, жившие на казенный счет в общежитии, были одеты очень плохо. Будущий знаменитый критик Белинский жаловался родителям, что «в форменной одежде, кроме аудитории, нигде нельзя показаться, ибо она в крайнем пренебрежении…», а новой шить не собираются; «я весь обносился; шинелишка развалилась, и мне нечем защищаться от холода…»[315]

Несмотря на различие одежды и воспитания, во всех этих юношах, толпившихся в коридорах университета, собиравшихся на широком университетском дворе и в аудиториях, было что-то общее. Молодые оживленные лица, горящие глаза,

одушевленность поз и движений сглаживали различие одежды. В промежутки между лекциями велись громкие разговоры, и появление профессора не всегда могло сразу прервать оживленный спор.

Лермонтов несколько лет спустя вспоминает университет:

Святое место! помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры.
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том.
Как пить: ром с чаем или голый ром;
Их гордый вид пред гордыми властями.
Их сюртуки, висящие клочками[316].

Студенческая молодежь живо откликалась на все вопросы общественной жизни. Ее было легко поднять на общее дело, будь то борьба с эпидемией или мальчишеская выходка, чтобы проучить за грубость профессора-невежду.

Осенью 1830 года в Москве началась холера. Университет на несколько месяцев закрыли. Перед тем как разойтись, студенты собрались на широком университетском! дворе. Все были взволнованы. Прощались с казеннокоштными, которых должны были отделить карантином. Прощались с медиками. Весь медицинский факультет, профессора и студенты, отдали себя в распоряжение холерного комитета.

Три-четыре месяца студенты не выходили из больниц, работая фельдшерами, санитарами, письмоводителями. Все это делалось совершенно безвозмездно, в условиях преувеличенного, панического страха перед холерой, который царил в семьях. Вместо того чтобы ехать домой, они шли работать в больницы.

Среди молодежи существовал культ дружбы. Послания к друзьям, поэтические обращения к другу очень распространены в литературе 20-30-х годов.

Посвящая поэму «Последний сын вольности» Николаю Шеншину, Лермонтов писал:

И я одни, один был брошен в свет.
Искал друзей – и не нашел людей;
Но ты явился: нежный твой привет
Завязку снял с обманутых очей. –
Прими ж, товарищ, дружеский обет,
Пойми же песню родины моей.
Хоть эта песнь, быть может, милый друг, –
– Оборванной струны последний звук!..[317]

Культ дружбы имел общественные корни.

Это было стремление теснее объединиться, сплотиться в атмосфере чуждого и враждебного мира. Дружеский кружок был своего рода оазисом среди фамусовской Москвы. Друзей объединяла общность мыслей, понятий, мировоззрения. Дружба Герцена и Огарева, начавшаяся в их – отроческие годы в Москве с клятвы на Воробьевых горах, прервалась только со смертью Герцена. Вместе, рука об руку, они прошли всю жизнь по намеченному в юности пути, не изменив своим юношеским идеалам. На склоне лет Герцен вспоминал: «Так-то, Огарев, рука в руку входили мы с тобою в жизнь! Шли мы безбоязненно и гордо, не скупясь, отвечали всякому призыву, искренно отдавались всякому увлечению. Путь, нами избранный, был не легок; мы его не покидали ни разу; раненые, сломанные, мы шли, и нас никто не обгонял. Я дошел… не до цели, а до того места, где дорога идет под гору, и невольно ищу твоей руки, чтоб вместе выйти, чтоб пожать ее и сказать, грустно улыбаясь: „*вот и все!*“»[318].

Студенты объединялись в кружки. Это были небольшие группы старых школьных товарищей, семейных знакомых, соседей по университетской скамье. В кружке Герцена и Огарева общественно-политические интересы получили решительный перевес к концу 1832 года, в кружке Станкевича – философские – к концу 1833 года. В студенческие годы Лермонтова такого резкого различия еще не существовало[319].

При формировании кружка большую роль играло личное обаяние того или другого студента. Такие талантливые юноши, как Герцен, Огарев, Белинский, Станкевич, Лермонтов, притягивали к себе молодежь. Между кружками не было резкого деления. Одни и те же лица посещали разные кружки.

Самый живой обмен мнений и полученных знаний шел рядом, чередуясь с болтовней и шуткой. Не было ничего нового в области науки, литературы, искусства, что бы стало известным кому-нибудь из членов кружка и не сделалось достоянием остальных. В одних кружках все эти споры и разговоры сопровождались вином и ужином, в других – скромным чаепитием.

Членами кружка Герцена и Огарева были Сазонов, Сатин, Вадим Пассек и еще два-три студента. В 1831 году к ним присоединился московский уездный лекарь – переводчик Шиллера – Кетчер.

Иногда собирались у Герцена на Сивцевом Вражке. Чаще у Огарева, который жил очень близко от университета, у Никитских

ворот. Его больной отец уехал в свое имение, и молодежь чувствовала себя свободно.

К Огареву всех тянуло.

«Без всякой видимой причины, – пишет Герцен, – к таким людям льнут, пристают другие; они согревают, связуют, успокаивают их, они – *открытый стол,* за который садится каждый, возобновляет силы, отдыхает, становится бодрее, покойнее и идет прочь другом»[320]. Огарев встречал гостя кроткой улыбкой, согревал задумчивым взглядом глаз того прекрасного серого цвета, который, по словам Герцена, «лучше голубого».

Он не мог никому отказать в своем внимании и очень много тратил времени на людей, иногда совершенно посторонних, «… это стоит чтения и других занятий!» – восклицает Герцен, заканчивая портрет друга.

Чернышевский писал, что в присутствии Огарева могло быть только одно чувство – чувство братства[321].

У Огарева, в его светлой, веселой комнате с красными в золотую полоску обоями, не рассеивался запах жженки и сигар. Иногда молодежь спорила здесь до утра, иногда пировала, но угощенье бывало скромное, и, кроме сыра, редко что подавалось.

Порой и я – известно вам,
Люблю одну, две, три бутылки
Хоть с вами выпить пополам[322], –

шутил над собой Огарев.

Очень своеобразную фигуру представлял Кетчер. Он был несколько старше своих товарищей. В 1828 году Кетчер окончил военно-хирургическую академию, но все черты московского студента сохранил до конца дней. Кетчер типичен для лучшей части московской молодежи 20-30-х годов своим бескорыстным подвигом жизни. Полное отсутствие карьеризма, исключительная преданность общественным интересам и друзьям, восторженность, страстное увлечение литературой – вот основные черты его характера. Кетчер был весь день занят. Утром ухаживал за своими цветами, днем бесплатно лечил бедняков, вдохновенно переводил Шиллера, а на ночь, «вместо молитвы на сон грядущий, читал речи Марата и Робеспьера»[323].

Герцен называет Кетчера этико-политическим мечтателем. Лермонтов называл своего старшего друга Раевского экономо-политическим мечтателем. В этих характеристиках было нечто сходное. В оценке младших, в обоих случаях, есть некоторый оттенок снисходительной иронии. Младшие чувствуют себя более

трезвыми и подчеркивают политическую мечтательность своих старших друзей. Лермонтов делает эту оценку во второй половине 30-х годов, Герцен – много лет спустя.

* * *

В общежитии при университете также были студенческие кружки. В 11-м номере общежития жил Белинский. Вокруг него собиралась молодежь, как вокруг Герцена и Огарева.

Белинский, пишет Герцен, «был типичный представитель московской учащейся молодежи. Мученик своих сомнений и мыслей, энтузиаст, поэт в диалектике, оскорбленный всем, что его окружало, он таял в муках. Этот человек трепетал от негодования и содрогался от бешенства при бесконечном зрелище русского деспотизма»[324].

Белинский был казеннокоштный студент словесного отделения Московского университета. Студенты этой категории лишены были той свободы, которой пользовались своекоштные. Они были под постоянным надзором начальства, должны были подчиняться инспектору и установленным правилам общежития.

Бытовые условия были далеко не удовлетворительны. Многолюдство создавало Обстановку, неблагоприятную для занятий. «Теснота, толкотня, крик, шум, споры: один ходит, другой играет на гитаре, третий на скрипке, четвертый читает вслух – словом: кто во что горазд. Извольте тут заниматься!»- жаловался Белинский в письме к родителям. «Пища в столовой так мерзка, так гнусна, что невозможно есть»[325]. Ко всему этому присоединялись мелочные придирки и грубое обращение университетского начальства. В том же письме Белинский рассказывает, как на него кричал инспектор и хотел «выгнать из университета», а ректор грозил отдать в солдаты.

Несмотря на трудные бытовые условия, в студенческих общежитиях царила напряженная умственная жизнь. Все те разносторонние интересы, которыми жила студенческая масса и которые были в кружках своекоштных, существовали и здесь. Особенно бурной и кипучей была жизнь «11-го нумера», где жил Белинский. Здесь горячо спорили о новой литературе и, о романтизме. С восторгом встречали каждое стихотворение Пушкина, по всякому поводу цитировали и декламировали «Горе от ума».

Самым ревностным сторонником романтизма был Белинский. Он говорил очень страстно. Его натура бойца разгоралась в спорах. Казалось, он готов был вызвать на битву всех, кто

противоречил его убеждениям. Со свойственной ему горячностью Белинский мог вспыхнуть и прослезиться от всякой прекрасной мысли и благородного поступка. В то же время, кипя негодованием, своим трепещущим, прерывающимся, судорожным голосом он громил пошлость, фальшь, умственное ничтожество. «Увлекаясь пылкостью, – вспоминает товарищ Белинского по общежитию, – он едко, беспощадно преследовал все пошлое и фальшивое, был жестоким гонителем всего, что отзывалось риторикою и литературным староверством»[326].

В «11-м нумере» некоторое время существовало «литературное общество». На его еженедельных собраниях студенты читали свои сочинения. Одним из инициаторов и организаторов кружка был Белинский.

На заседаниях он читал свою драму «Дмитрий Калинин». Белинский уже в юности имел измученный, истощенный вид. Болезненный румянец не сходил с его лица; движения были резки и порывисты.

В маленькой комнатке на Дмитровке собиралась молодежь у Станкевича. Юноша жил у профессора Павлова. Станкевич представляет собой своеобразное явление в истории русской культуры и просвещения. Он вошел в историю, не оставив после себя никаких значительных трудов. Его роль заключалась в самом влиянии на окружающих.

К Станкевичу приложимо еще в значительно большей степени сказанное Герценом об Огареве. Станкевич, как магнит, притягивал к себе людей. «Станкевич принадлежал к тем широким и симпатичным натурам, самое существование которых производит сильное влияние на все, что их окружает», – писал Герцен[327].

Друзьями Станкевича и членами его кружка в дальнейшем были такие люди, как Белинский, Грановский, Бакунин. Станкевич открыл талант Кольцова, ободрил и поддержал поэта-самородка, помог ему приехать в Москву, ввел в среду литераторов и организовал издание первого сборника его стихотворений.

Станкевич воплощал в себе высокий идеал человека. Обаяние его личности было очень сильно. Исключительная нравственная чистота, правдивость, благородство, светлый ум соединялись в нем с верой в жизнь и упорством в поисках истины. Станкевич очень любил общество и всегда искал людей.

В его комнате собирались многочисленные друзья. Здесь бывал бывший казеннокоштный студент Виссарион Белинский[328]. Сюда приходил мечтатель и фантазер, юноша с детски нежной душой, бывший семинарист Красов. Он был очень

беден и при своей нищете всем помогал. Красов – талантливый поэт. В «Отечественных записках» 1839-1841 годов его стихи печатаются вместе со стихами Лермонтова. В одной из рецензий 1840 года Белинский писал, что талант Лермонтова не совсем одинок, что рядом с ним «светится и играет переливными цветами грациозно-поэтическое дарование Красова»[329].

В мезонине на Малой Молчановке молодежь собиралась у Лермонтова. Одно из таких сборищ описано в драме «Странный человек». В кружке Лермонтова часто говорили о национальном самоопределении России, о судьбах Родины. Все эти вопросы связывались с недавним прошлым, с событиями Отечественной войны, «…разве мы не доказали в 12 году, что мы русские? – Такого примера не было от начала мира!» – восклицает студент Заруцкий, вспоминая пожар Москвы.

Ближайшими друзьями Лермонтова были Алексей Лопухин, Николай Шеншин, Андрей Закревский, Владимир Шеншин и Николай Поливанов. Первые три – студенты Московского университета.

Особенно яркой и в то же время типичной фигурой был Закревский, разносторонне одаренный юноша, общительный и остроумный, страстный театрал. Закревский – член лермонтовского кружка, был близок с Герценом и Огаревым и, вероятно, имел еще немало друзей среди московской молодежи.

Свободомыслие, большая начитанность, разносторонность интересов, склонность к философским обобщениям, любовь к родине и вера в ее высокое назначение – все эти черты Андрея Закревского были характерны для передового московского юноши 30-х годов.

В его университетском сочинении, написанном в апреле 1832 года, на тему «Показание главных обстоятельств, побудивших римлян к восстановлению монархического правления», явно выражено сочувствие древней римской вольности. Автор делает попытку философского осмысления исторических фактов и проявляет серьезное знание античных писателей в подлиннике.

Позднее, в 1834 году, Закревский поместил в журнале «Телескоп»[330] статью под заглавием «Взгляд на русскую историю». В этой статье он говорит о национальной самобытности России и выражает веру в ее великое будущее. Он останавливается на Отечественной войне 1812 года и развивает мысль о значении этой войны для роста национального самосознания России.

Много шуму наделал в 1834 году в Москве, и особенно в университете, анонимный памфлет о царе Горохе, принадлежавший перу Закревского. Закревский высмеивал

многих профессоров и литераторов, но особенно досталось от него известным своей реакционностью и связанным с 3-м отделением литераторам Булгарину и Гречу.

Закревский высоко ценил талант своего друга Лермонтова.

15 августа 1831 года, будучи в Костроме, он переписал в альбом Ю. П. Бартенева отрывок из «Демона» и одно из философских лирических стихотворений юноши Лермонтова – «1831-го января»:

> Редеют бледные туманы
> Над бездной смерти роковой,
> И вновь стоят передо мной
> Веков протекших великаны…[331]

За год перед тем в том же альбоме писал Пушкин[332].

Московские воспитатели Лермонтова

А. З. Зиновьев

В одной из дошедших до нас юношеских тетрадей Лермонтова[333] есть надпись, сделанная на полях начатой им поэмы «Два брата».

Несколько строк подчеркнуты:

…я знавал Волненья сердца дорогие,
И очи, очи голубые…
Я сердцем девы обладал:
Ты у меня его украл!..
Ты завладел моей прекрасной,
Ее любовью и красой,
Ты обманул меня…[334]

Напротив, на полях, написано: «Contre la morale»[335].

Еще первый биограф Лермонтова – П. А. Висковатый отмечал, что эта пометка сделана воспитателем Лермонтова. Она могла быть сделана человеком, который внимательно следит за развитием подростка. Просматривая его тетради, он немедленно замечает всякое уклонение от того пути, по которому он его ведет, и тут же, на полях, констатирует это уклонение: «Против морали».

Воспитателем Лермонтова был Зиновьев[336]. Приехав в 1827 году из Тархан в Москву, Арсеньева пригласила Алексея Зиновьевича Зиновьева руководить подготовкой Лермонтова в пансион. Зиновьев был домашним учителем Лермонтова и его воспитателем. Эту роль он сохранил и после того, как Лермонтов поступил в пансион, где Зиновьев был надзирателем и преподавал русский и латинский языки. Между воспитателем и воспитанником существовали, по-видимому, отношения взаимного доверия и дружбы. Зиновьев с большим теплом вспоминает о Лермонтове, который, по его словам, «учился прекрасно, вел себя благородно».

Много лет спустя, когда поэта давно не было в живых, перед его учителем проносятся картины далекого прошлого и рисуется образ коренастого мальчика, который, стоя на кафедре актового зала в благородном пансионе, заканчивает под гром аплодисментов стихотворение Жуковского «К морю»: «Как теперь, смотрю я на милого питомца моего»[337], – пишет Зиновьев.

Зиновьев представлял собой яркий образец нового типа русского учителя 20-х годов. Это был человек, серьезно и разносторонне образованный. В год приезда Лермонтова в Москву он защитил диссертацию «О начале, ходе и успехах критической российской истории». В своей работе Зиновьев большое внимание уделяет историческим памятникам и документам, описывает хроники, летописи, родословные. Он говорит о большом международном значении древней России, которая «гремела славой и могуществом», «воинские успехи которой сделали ее страшною не только соседственным народам, но и самой гордой Византии»[338].

Зиновьев владел иностранными языками и был прекрасным переводчиком. Он сотрудничал в журналах и писал статьи по вопросам литературы и педагогики, с передовыми течениями которой был хорошо знаком.

В педагогических статьях Зиновьева рисуется высокий образец воспитателя, каким его представляли себе лучшие русские люди 20-30-х годов. Задачу воспитания Зиновьев видит в том, чтобы научить быть человеком. Основным методом воспитания, по его мнению, являются не словесные убеждения, а факты и примеры, «воспитание обстоятельствами», по выражению Зиновьева. Поэтому первое орудие воспитания – сама личность воспитателя, его каждодневный пример, образец, который постоянно стоит перед глазами воспитанника. Отсюда те высокие требования, которые предъявляет Зиновьев к воспитателю.

Свои педагогические теории Зиновьев осуществлял на практике. Он совершал с Лермонтовым прогулки по Москве и знакомил своего воспитанника с произведениями искусства, памятниками прошлого. В своих исторических экскурсиях талантливый педагог умел заставить говорить камни. В этом немало помогал педагогу его талантливый ученик, перед глазами которого, под впечатлением рассказов учителя, проносились героические картины исторического прошлого Москвы. «Отчеты в полученных впечатлениях», которые он заставлял писать своего воспитанника, послужили будущему писателю хорошей школой.

Не раз поднимались Лермонтов и Зиновьев по истертой, скользкой витой лестнице на самый верхний ярус колокольни Ивана Великого и любовались необозримой панорамой древней русской столицы. Москва не была для них безмолвной громадой холодных камней. Каждый камень ее хранил летопись, начертанную временем, полную богатого содержания для тех, кто умел ее прочитать: для ученого, философа, поэта.

Опершись на узкое мшистое окно, всматриваясь вдаль, куда спокойным, величественным жестом руки указывал Зиновьев,

Лермонтов внимательно слушал его рассказы. Перед ним вставали картины патриотических подвигов русского народа в его героической борьбе за родину.

Сочинение юнкера лейб-гвардии гусарского полка Лермонтова «Панорама Москвы» представляет собой один из тех «отчетов в полученных впечатлениях», к которым приучил его Зиновьев. Сочинение, написанное заочно, в Петербурге, с такой точностью рисует Москву, так живо воспроизводит пейзаж, что это невольно заставляет думать, что подобные сочинения Лермонтов не раз писал раньше с Зиновьевым и теперь, в школе прапорщиков, разрабатывал тему, хорошо ему знакомую.

Отзвуки этих исторических экскурсий по Москве мы не раз встречаем в творчестве Лермонтова. Поэт любовно выписывает московский пейзаж и всегда возвращается к Кремлю. То он рисует его воздушные зубчатые стены в утреннем тумане, то перед ним встает колокольня Ивана Великого. Общий вид Москвы, сделанный с высоким художественным мастерством, дан в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»:

> Над Москвой великой, златоглавою,
> Над стеной кремлевской белокаменной
> Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
> По тесовым кровелькам играючи,
> Тучки серые разгоняючи,
> Заря алая подымается…[339]

Воспитание воли, действенность, навыки мышления, интерес к психологии – все эти черты педагогической системы Зиновьева соответствуют основным особенностям личности и творчества Лермонтова.

М. Г. Павлов

В одном из писем тетке Марии Акимовне Шан-Гирей Лермонтов упоминает инспектора Павлова[340]. «Я продолжал подавать сочинения мои Дубенскому[341], – пишет Лермонтов-пансионер, – а Геркулеса и Прометея взял Инспектор, который хочет издавать журнал, Каллиопу (подражая мне! (?), где будут помещаться сочинения воспитанников. Каково вам покажется, Павлов мне подражает, перенимает у…. меня! – стало быть…… Стало быть…. – но вы водите заключения, какие вам угодно»[342].

Мысль, что Павлов хочет организовать в пансионе журнал,

подобно тому как издает дома он, Лермонтов, и, следовательно, в какой-то мере подражает ему, льстит самолюбию мальчика.

Павлов – крупная фигура русского просветителя 20-30-х годов XIX века. Павлов-философ и ученый, Павлов – журналист, Павлов – воспитатель молодежи. «Образование есть главная польза учения, – писал Павлов, – и это как при воспитании вообще, так и при преподавании каждой науки, должно поставлять главной целию; сведения забываются, образование остается»[343].

Курс физики, который Павлов читал в университете, он превращал в курс философии. «Физика есть наука о причинах естественных явлений, или, что все равно, о силах природы»[344], – говорил он и, вместо физики, излагал философию природы. Курс философии, этой «науки наук», по выражению Павлова, в то время в университете отсутствовал.

На своих лекциях Павлов рисовал картины вечно движущейся природы: «…там миры, постоянно вращаясь на осях своих, с невероятной быстротой носятся вокруг центральных светил: здесь моря дышат… в отливе и приливе вод своих, там грохот громов колеблет атмосферу…» В переполненной аудитории – тишина. Взоры студентов прикованы к величественной фигуре профессора.

В поэтических размышлениях студента Лермонтова находят яркое отражение образы природы, воспринятые юношей-поэтом из уст профессора Павлова на его лекциях в аудитории университета или из его статей со страниц журнала.

Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он вырываясь обращает в прах
Все, что ни встретит. С дивной быстротой
Блеснет, и снова в облаке укрыт;
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? они исчезнут без следов[345].

Те же мысли величии вечно изменяющейся и неизменной природы мы найдем и в первых статьях другого студента Московского университета – Белинского. Герцен писал про себя, что он «ревностно» занимался у Павлова.

Лекции Павлова заставляли настораживаться и вызывали подозрительное отношение начальства. В записке о профессорах Московского университета, составленной в 1831 году помощником попечителя Московского учебного округа А. Н.

Паниным с целью «почистить» университет, о Павлове сказано: «Умен и учен, но не у места». Выражалось пожелание лишить Павлова кафедры физики, ограничив его деятельность в университете лекциями по сельскому хозяйству[346].

Павлов придавал громадное значение системе и плану. План чувствуется и в построении научного отдела журнала «Атеней», который издавал Павлов[347]. Если отделы критики и словесности, которые Павлов поручал другим лицам, вызывали неоднократно справедливые упреки, то научная часть «Атенея», которой руководил он сам, была на высоте.

В построении отдела ярко выражена цель издателя – расширить кругозор читателей и сообщить им определенную сумму научных знаний, необходимую культурному человеку.

Рядом с философскими статьями самого Павлова по физике, помещались статьи по вопросам естествознания, географии, политической экономии, истории, педагогики, этики и эстетики.

В литературе 20-30-х годов большое внимание уделялось исторической тематике. В период национального подъема, вызванного Отечественной войной 1812 года, был особенно велик интерес к событиям героического прошлого России. Это нашло отражение на страницах «Атенея». «Вся литература обращается к изложению истории», – пишет автор одной из статей. Особенное внимание должно быть обращено на отечественную историю, так как в ней мы узнаем самих себя. Как бы в подкрепление этой мысли о важности художественных произведений из отечественной истории, в следующем номере помещен отрывок из лирической трагедии «Рогнеда»[348]. В «Атенее» был опубликован также отрывок из «Юрия Милославского» Загоскина. В статье по поводу «Полтавы» Пушкина, появившейся на страницах «Атенея», автор писал о том, сколь важно правдивое изображение исторических событий в художественной литературе.

При всем многообразии тематики, в журнале подчеркивалась общая мысль о единстве процессов жизни, о взаимосвязи, о закономерности всего существующего и о необходимости изучать эти законы.

Образовывая и просвещая, Павлов-журналист всеми средствами боролся с предрассудками и суевериями. Он стремился и к распространению практических знаний по технике и сельскому хозяйству.

В «Атенее» была помещена статья «О слоге Суворова». «Краткость Суворова, – читаем мы в этой статье, – от изобилия и богатства мыслей». Его слог можно сравнить с «быстротой его побед»[349].

В редакции «Атенея» профессора Московского университета

встречались со студентами. Многие из профессоров университета, сотрудников «Атенея», были одновременно преподавателями университетского пансиона. Д. М. Перевощиков помещал статьи по математике и астрономии. Д. Н. Дубенский писал о стихотворных размерах русского языка, выступал с истолкованием летописи Нестора. С. Е. Раич публиковал главы своего перевода поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим».

Студенты переводили отдельные главы из трудов иностранных ученых. На страницах «Атенея» впервые выступил в печати с переводной статьей «О землетрясениях» студент физико-математического отделения Ал. Герцен[350]. Павлов охотно помещал в своем журнале стихи молодых поэтов. Вместе со своим бывшим учителем Раичем публиковал стихи в «Атенее» молодой Тютчев. В июле и августе 1830 года Павлов напечатал стихи Станкевича[351]. Юноша жил в его доме и был поручен его надзору.

В сентябрьской книжке журнала было опубликовано стихотворение «Весна» с подписью «L» – литературный дебют Лермонтова. В стихотворении юноша-поэт рисует картину весеннего возрождения вечно изменяющейся природы:

Весна

Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуюные поля;
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей.
Гляжу – природа молодеет;
Но молодеть лишь только ей!
Ланит спокойных пламень алый
С годами время уведет,
И тот, кто так страдал бывало,
Любвн к ней в сердце не найдет[352].

Павлов оставил Московский университетский благородный пансион в том же году, что и Лермонтов. После своего ухода профессор Павлов продолжал заниматься воспитанием юношества.

С. Е. Раич

Имя Раича[353] упоминается Лермонтовым на одной из страниц его рукописного сборника пансионского периода[354]. Рядом с заглавием стихотворения «Русская мелодия» сделана приписка: «Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов – друг – которого поныне люблю и уважаю…»

Раич преподавал в классе Лермонтова литературу и, кроме того, руководил кружком. Кружок собирался по субботам, в зале под куполом, где помещалась пансионская библиотека. Здесь, среди книг, жил Раич. В кружке обсуждались сочинения и переводы воспитанников. Лучшие читались потом на торжественных собраниях пансионского общества любителей российской словесности. Это общество существовало в пансионе с 1799 года и имело свой устав: «Законы собрания воспитанников пансиона». Первым его председателем был Жуковский, в то время воспитанник пансиона[355]. Общество временно прекратило свое существование и было восстановлено Раичем.

Раич – своеобразная фигура культурного деятеля первой половины XIX века. Большая эрудиция соединялась в нем с юношеской восторженностью и детским незлобием. Бескорыстный, самоотверженный труженик, влюбленный в литературу, – поэт, переводчик, журналист и педагог – Раич всегда окружал себя молодежью. Он был воспитателем Ф. И. Тютчева, домашним учителем Е. П. Сушковон (Ростопчиной). Членами литературного общества Раича в начале 20-х годов в Москве были такие люди, как В. Ф. Одоевский, Веневитинов, Тютчев. Все они глубоко уважали и горячо любили Раича. В кружке Раича был также лицейский Друг Пушкина, впоследствии декабрист Кюхельбекер.

Вместе с Ознобишиным Раич издавал в 1827 году альманах «Северная лира», редактировал в 1828 году несколько номеров «Русского зрителя» и был издателем «Галатеи», которая выходила в 1829-1830 годах и потом снова в 1839-1840 годах.

Раич – бывший член «Союза благоденствия», передовой литератор своего времени. Он имел гражданское мужество публиковать в своем журнале «Галатея» стихи сосланного Полежаева. Имя опального поэта на страницах журнала поместить было нельзя, и стихи печатались анонимно с подписью: «-ъ – ъ» или «-ъ – ъ»[356].

В одной из исторических повестей на страницах «Галатеи» мы читаем: «Не за сокровища, не за кровь пролитую мы должны сражаться, нет! Для нас есть нечто святое, неприкосновенное – это свобода; за искупление которой поклянемся жертвовать жизнью»[357].

В том же номере Раич публикует «Ирландские неистовства и

судопроизводство, или последнее заседание Клонмельскгсо судилища». К заглавию издатель делает примечание: «Представляем читателям сей любопытный рассказ одного англичанина, в котором яркими красками изображено несчастное состояние нынешней Ирландии»[358].

Автор очерков рассказывает о борьбе ирландских крестьян с помещичьим гнетом. Крестьяне присуждают к смерти члена знатной фамилии Хадвика за жестокость. Автор всецело на стороне крестьян. «Сей приговор не был следствием мщения одного какого-нибудь человека, но его произнес целый деревенский Ареопаг в полном собрании всех Типперарских жителей, некто Патрик Грас вызвался привести оный в исполнение»[359]. Патрик Грас, почти мальчик, «всегда обнаруживал готовность переходить на сторону тех, кои имели причины жаловаться на своих помещиков»[360].

Так история и современность идут рядом на страницах журнала «Галатеи», объединяясь тематикой борьбы за независимость, борьбы с угнетателями.

Следует упомянуть одно стихотворение Раича, опубликованное в январской книжке «Атенея» за 1829 год под заглавием «Посетитель берегов Черного моря». Стихотворение представляет собой разговор с журавлями человека, оторванного от родины.

«Вы, друзья, притекли
Из родной мне земли;
Здесь я в чуже и без крова.
О скажите же мне
О родной стороне –
Об отчизне два, три слова».

По своему построению и ритму стихотворение повторяет хорошо известное, много лет ходившее по рукам сатирическое стихотворение Рылеева «Ах, где те острова…»

У Рылеева:

Ах, где те острова,
Где растет трынь-трава. Братцы!
Где читают Pucelle[361].
И летят под постель Святцы[362].

У Раича:

«Где те хладны поля?
Где в снегах та земля?
За какой она рекою?»
– Та земля далеко,
Между Волгой рекой
И Москвой и Десною. –

Раич берет у Рылеева форму и вкладывает другое содержание, которое напоминает о далеких изгнанниках-декабристах.

Интересно отметить, что под стихотворением Раича, опубликованном в 1829 году, стоит дата: 1824 год, хотя обычно он свои стихи в журналах не датирует. 1824 год – приблизительная дата рылеевского стихотворения.

Лермонтов упоминает Раича в своей пансионской тетради, Раич о нем – в своих воспоминаниях: «В последние годы существования Благородного пансиона, в который вступил я в качестве преподавателя практической Российской словесности, – пишет Раич, – под моим руководством вступили на литературное поприще некоторые из юношей, как-то: Г. Лермонтов, Стромилов, Колачевский, Якубович, В. М. Строев»[363].

Судьба поколения 30-х годов

Гнет реакции в правление Николая I все усиливался. К концу царствования все было задавлено, задушено. Со времени ссылки Герцена и Огарева до петрашевцев не было ни одного политического процесса.

Реакция особенно усилилась после революции 1848 года. Непрерывно сыпались доносы. Московский университет предполагалось закрыть, но дело ограничилось тем, что была повышена плата и число студентов сокращено с 1 400 до 300 человек.

Поколение 30-х годов, томясь в мучительном бездействии, вырождалось в «лишних людей».

Огарев в начале 40-х годов писал:

> И на кладбище стали мы похожи:
> Мы много чувств, и образов, и дум
> В душе глубоко погребли…[364]

Почти в то же время Лермонтов писал:

> Печально я гляжу на наше поколенье!
> Его грядущее – иль пусто, иль темно[365]…

Лермонтов протестовал и возмущался. Не стараясь оправдать свое поколение, он жестоко клеймил его:

> К добру и злу постыдно равнодушны,
> В начале поприща мы вянем без борьбы;
> Перед опасностью позорно-малодушны,
> И перед властию – презренные рабы.

Своему поколению, мечтавшему в юности о подвигах и величии, Лермонтов с болью предсказывает бесславный конец и осуждение потомков:

> Толпой угрюмою и скоро позабытой,
> Над миром мы пройдем без шума и следа,
> Не бросивши векам ни мысли плодовитой.
> Ни гением начатого труда.
> И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,

Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Лермонтов оказался пророком, его исторический прогноз был правильным. Новое поколение 60-х годов резко выступило против «лишних людей». Свое поколение горячо защищал Герцен: «Не много в их числе развилось энергии, – писал он в 60-х годах, – но много ее сгублено во внутренней работе и во внутренней разладе, в поднятых вопросах, в поднятых сомнениях и в неимоверной тяжести жизни. Грешно в них бросать камни. Вообще лишним людям тех времен обязано новое поколение тем, что оно не лишнее»[366].

Защищая свое поколение и стараясь оправдать его историческими условиями русской действительности, Герцен и Огарев сами сумели вырваться из этих условий, нашли в себе силы для борьбы и остались верными до конца идеалам юности. Не находя возможности для борьбы в николаевской России, Герцен и Огарев покинули ее, чтобы иметь возможность бороться за раскрепощение и свободу родной страны. «Герцен создал вольную русскую прессу за границей – в этом его великая заслуга. „Полярная Звезда“ подняла традицию декабристов. „Колокол“ (1857-1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено», – писал Ленин. Герцен «поднял знамя революции», он «первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с вольным русским словом»[367].

В 60-х годах Герцен встал на сторону революционной демократии, против либералов., Он горячо приветствовал восставших крестьян и писал по поводу подавления восстания в Бездне: «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!., как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем…» В это время в стиле Герцена ничего уже не оставалось от романтической лексики «пылкого» юноши 30-х годов. Он давно научился говорить на простом и четком языке революционной публицистики.

Огарев был ближайшим помощником Герцена по вольной русской типографии. «Колокол» создан по его инициативе. С 1856 года Огарев становится революционером-профессионалом.

В стихотворении «Совершеннолетие» Огарев отдает отчет в пройденном пути. Он пишет:

Но мир, который мне как гнусность ненавистен,
Мир угнетателей, обмана и рабов –

Его, пока я жив, подкапывать готов
С горячим чувством мести или права.
Не думая о том – что – гибель ждет иль слава[368].

Расцвет деятельности лучших современников Лермонтова, его товарищей по Московскому университету, относится к тому времени, когда великого поэта уже не было в живых.

Николай I считал его сильным и непримиримым врагом. Он преследовал Лермонтова до тех пор, пока пуля Мартынова, направленная его же царской рукой, не свела поэта в могилу.

О знакомстве Лермонтова с Герценом и Огаревым данных нет. Они могли встречаться в годы юности в Москве. Их объединяла одна среда. В кружках середины 30-х – начала 40-х годов Лермонтов принимать участие не мог, так как его не было в Москве в эти годы.

В последующих своих отзывах Герцен и Огарев говорят о поэте, как о родном, близком человеке, который в своем творчестве выразил лучшие стремления, протест и скорбь своих современников.

Мой бедный брат! дай руку мне,
Оледенелую дай руку,
И спи в могильной тишине.
Ии мой привет, ни сердца муку
Ты не услышишь в вечном сне,
И слов моих печальных звуку
Не разбудить тебя во век… –
писал Огарев на смерть Лермонтова[369].

«Он всецело принадлежит к нашему поколению. – писал о Лермонтове Герцен. – Мужественная, грустная мысль никогда не покидала его чела, – она пробивается во всех его стихотворениях. То была не отвлеченная мысль, стремившаяся украситься цветами поэзии: нет, рефлексия Лермонтова, это – его поэзия, его мучение, его сила»[370].

Жизненные пути Лермонтова и Белинского пересеклись на рубеже 30-х – 40-х годов. В то время оба сотрудничали в журнале «Отечественные записки» и встречались в Петербурге.

Великий русский критик, революционер-демократ, посвятил немало рецензий и статей творчеству своего современника, великого русского поэта Лермонтова, «…мы узнаем в нем поэта русского, народного, в высшем и благороднейшем значении этого слова, – поэта, в котором выразился исторический момент

русского общества», – писал Белинский о Лермонтове[371].

Заключение

Москва – родина Лермонтова. Здесь он родился, здесь он провел свое отрочество и юность.

Лермонтов приехал из Тархан в Москву тринадцатилетиим мальчиком. Он уехал из Москвы в Петербург восемнадцатилетним юношей. Москва воспитала Лермонтова – поэта патриота и гражданина.

Юношеское творчество Лермонтова близко к жизни. Только что родившаяся мысль, промелькнувшее настроение – все облекалось в стихотворную форму и немедленно запечатлевалось на бумаге. Если под рукой не оказывалось тетради, Лермонтов писал на первом попавшемся клочке, на столе, на стене, на переплете книги. Юношеская лирика Лермонтова – это его дневник.

> Всегда кипит и зреет что-нибудь
> В моем уме. Желанье и тоска
> Тревожат беспрестанно эту грудь.
> Но что ж? Мне жизнь все как-то коротка
> И все боюсь, что не успею я
> Свершить чего-то![372] –

писал юноша Лермонтов в мезонине маленького деревянного дома на Молчановке.

Отдельные сцены, разговоры, зорко подмеченные и быстро схваченные черты быта и нравов, наброски портретов, зачастую без достаточной литературной обработки, – как кадры моментальной фотографии, вплетаются в ткань его юношеских драм.

В творчестве Лермонтова мы встречаем москвичей и москвичек – его современников. В нем живет и он сам – московский юноша 30-х годов.

Московское общество 20-х – начала 30-х годов неоднородно и внутренне противоречиво. В то время как фамусовская Москва, с ее светскими гостиными и крепостническим бытом, продолжала жить в традициях старого барства, – рядом, под теми же кровлями, подрастало поколение, лучшие представители которого считали себя младшими братьями декабристов.

Лермонтов – воспитанник Университетского пансиона, студент Московского университета, восторженный поклонник московского театра, внимательный читатель московских

журналов.

Прогрессивные явления московской общественной жизни воспитывали юношу Лермонтова. Консервативная дворянская Москва служила предметом его юношеской сатиры.

Борьба за национальную русскую культуру, против ее недооценки и преклонения перед Западом начинается еще с середины XVIII века. Жестокую борьбу с засильем немецких профессоров вел гениальный русский ученый и поэт Ломоносов. В одной из од он писал, что российская земля может рождать собственных Ньютонов.

О вы, которых ожидает
Отчество от недр своих,
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать.
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом
Невтонов Российская земля рождать[373].

Ломоносов доказал своей жизнью и деятельностью правду этого утверждения.

В последней трети XVIII века о самостоятельной национальной русской культуре, против подражательности западу мною писал в своих сатирических журналах Новиков. К голосу Новикова присоединяет свой голос Фонвизин.

Проблему русского национального воспитания ставит в своем творчестве и первый русский писатель-революционер А. Н. Радищев.

После Отечественной войны 1812 года началась решительная борьба не только с уродливыми формами иностранного воспитания, но и с засильем иноземных учителей, русского человека должен воспитывать только русский.

К новому типу русских педагогов, выдвинутому жизнью, и относятся московские воспитатели Лермонтова.

В Москве живут друзья Лермонтова и героини его лирики: Наталья Федоровна Иванова и Варвара Александровна Лопухина. После того как Андроников ввел новое лицо в биографию Лермонтова, рядом с Лопухиной явилась новая героиня – Н. Ф. Иванова. Но лирические профили обеих оставались неуточненными, не были размежеваны сферы их влияния в творчестве Лермонтова.

Анализ юношеских тетрадей Лермонтова дает возможность проследить тему Н. Ф. Ивановой в лирике московского периода. Роман «Княгиня Лиговская», в сопоставлении с лирикой и письмами, служит материалом для того, чтобы по-новому осветить роль Лопухиной в жизни и творчестве поэта.

Автобиографическая основа романа раскрыта П. А. Висковатым.

В своей статье «По поводу „Княгини Лиговской“» Висковатый говорит о встречах Лермонтова с Сушковой в декабре 1834 года и касается вопроса о замужестве Лопухиной, вышедшей за Бахметева в мае 1835 года. «Всю эту эпоху, – пишет он – поэт изобразил в повести своей „Княгиня Лиговская“». Княгиня – это любимая им женщина, только что вышедшая замуж, а Екатерина Александровна выведена им под именем Елизаветы Николаевны Негуровой[374]. Висковатый приводит только первую букву фамилии Лопухиной. В 1882 году, когда была опубликована статья, имя Варвары Александррвны еще не упоминалось в печати, так как были живы ее близкие, которым это было неприятно.

Роман Лермонтова – не автобиография. Мы не должны вслед за Висковатым отождествлять Лопухину с образом Веры Литовской. Было бы ошибочно видеть и в Жорже Печорине портрет Лермонтова. Но сюжет романа имеет автобиографическую основу.

В эти годы в сознании Лермонтова созревает мысль о высоком гражданском назначении поэта. Она выражена с большой силой в стихотворении «К***» («О, полно извинять разврат…»).

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят.
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец.
Златой венец не твой венец[375].

На московских юношеских опытах растет будущий мастер сатиры, поэт-гражданин и страстный обличитель, автор «Смерти поэта», «Маскарада», «Думы».

Юношеские сатирические опыты Лермонтова осуществляются на материале уходящей дворянской Москвы, под непосредственным впечатлением от «Горя от ума».

Сатирическая линия драматургии Лермонтова ведет от юношеских драм к «Маскараду». Драма «Маскарад», написанная

Лермонтовым четыре года спустя в Петербурге, – плоть от плоти, кровь от крови его юношеских драм. Все они выросли из одного зерна и имеют общий корень – фамусовскую Москву.

Драма «Странный человек» – ступень к «Маскараду». Обе пьесы направлены против светского общества 30-х годов, и драма «Маскарад» – дальнейшее развитие идейного замысла «Странного человека».

Арбенин, герой «Маскарада», – одно из возможных разрешений жизненной судьбы и характера юноши Владимира Арбенина. «Ты странный человек!» – восклицает Нина, пораженная неожиданным преображением мужа. Когда он говорит ей о любви, в нем не остается и «тени обычной холодности». В такие минуты на миг возрождается «пылкий» юноша, «голова» его «в огне», «и мысль» «в глазах сияет живо»[376]. Недаром оба героя имеют одну и ту же фамилию – Арбенин. Арбеньев – московская фамилия, которую носил один из воспитанников пансиона, когда там учился Лермонтов[377].

Говоря о литературных источниках «Странного человека», необходимо отметить, в первую очередь, произведения современной Лермонтову русской литературы. Эти русские источники принято было недооценивать, преувеличивая в то же время роль западноевропейских влияний. Надо обратить внимание на тот факт, что произведения русской литературы, которые могут рассматриваться как источники драмы Лермонтова, сами созданы на том же московском материале.

Драма «Странный человек» написана под непосредственным впечатлением комедии «Горе от ума» и очерков молодого В Ф. Одоевского.

Неоднократно указывалось на ряд текстуальных совпадений, на сходство отдельных персонажей и даже тождественность построения отдельных сцен «Странного человека» и комедии «Горе от ума». Упускалось при этом основное: идентичность замысла. Замысел «Странного человека», как и замысел «Горе от ума», состоит в противопоставлении главного героя старой дворянской Москве. И там и здесь сюжет строится на конфликте между передовым московским юношей и светским обществом Москвы. Лермонтов, как и Грибоедов, борясь за своего героя, обличает «фамусовскую Москву».

Другим литературным источником «Странного человека» являются очерки молодого Одоевского. Эти ранние сатирические опыты В. Ф. Одоевского, хоть и слабые в литературном отношении, представляют собой, как и драма Лермонтова, зарисовки с натуры отдельных сцен и типов московского общества. Как и в «Горе от ума» и «Странном человеке»,

Одоевский в своих очерках противопоставляет погруженному в мир дрязг и предрассудков светскому обществу Москвы передового юношу, наделяя его автобиографическими чертами.

Очерки Одоевского печатались в московских журналах 20-х годов и, по свидетельству Белинского, имели сильное влияние на молодое поколение 30-х годов. «Юношество, одушевленное стремлением к идеальному, в хорошем значении этого слова, как противоположность пошлой прозе жизни, – писал Белинский в 40-х годах, – это юношество читало их с жадностью, и благодатны были плоды этого чтения. Мы знаем это по собственному опыту»[378]. Под словами Белинского мог подписаться и Лермонтов. Доказательством служит его драма «Странный человек». Ее заглавие повторяет заглавие одноименного очерка Одоевского, а герой «Странного человека» Лермонтова – Владимир Арбенин очень близок к Аристу – герою «Странного человека» Одоевского[379]. Чацкий, Арист и Владимир Арбенин – представители двух поколений одного и того же типа московских юношей, казавшихся «странными» обществу старой дворянской Москвы.

Драма «Странный человек»-сатира на фамусовскую Москву и в первую очередь на молодое поколение фамусовской Москвы. На противопоставлении передовому юноше 30-х годов другого юноши, представителя молодого поколения фамусовской Москвы, и строится действие драмы. Низкий моральный уровень, отсутствие высоких идеалов, карьеризм, беспринципность, погоня за деньгами – вот отличительные черты молодого поколения фамусовской Москвы.

Общественно-политическая концепция автобиографических драм Лермонтова выражена очень отчетливо. В драмах мы встречаемся с той же мыслью о моральном превосходстве народа, с которой мы уже встретились в стихотворении «Булевар». В обеих драмах выведена одна и та же дружная семья крепостного слуги Ивана. Сам Иван – действующее лицо обеих драм. Образец честности и благородства, он резко выделяется на фоне развращенности господствующего класса.

То же противопоставление народа и его добродетелей дворянскому обществу мы находим и в «Горе от ума». В комедии Грибоедова, как и в драмах Лермонтова, пустоте и суетности дворянского общества с его рабским повтор противопоставляет «умный, добрый наш народ». В комедии Грибоедова рядом с пустыми и надутыми спесью светскими барышнями выведена простая и веселая, полная очарования крепостная девушка Лиза, трогательная верность которой «буфетчику Петруше» еще резче подчеркивает измену ее госпожи, Софьи Фамусовой.

К концу московского периода у Лермонтова созревает замысел исторического романа из времен пугачевского восстания. Творчество Лермонтова этих лет полно бурного протеста против крепостного права. Под влиянием нарастающей волны крестьянских восстаний он начинает задумываться над ролью народа в революционном движении. Исторический роман из времен пугачевского восстания явился естественным завершением московского периода.

В Москве Лермонтов много размышлял о судьбах Родины. Его мысль часто возвращалась к Отечественной войне 1812 года, к московскому пожару, к героическим подвигам русского народа в боях за Москву.

Поэтическим итогом этих размышлений, выражением чувства национальной гордости и патриотизма является стихотворение «Два великана», написанное им вскоре после приезда в Петербург.

В сочинении юнкера л.-г. гусарского полка Лермонтова «Панорама Москвы» изображен величественный московский Кремль:

«Что сравнить с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки?..»[380]

Наиболее патриотические народные произведения Лермонтова зрелого периода связаны с Москвой.

В двадцатипятилетнюю годовщину Бородинского сражения он снова, как и в дни юности, посвятил стихотворение этому героическому событию из жизни русского народа. Лермонтов дал теперь развернутую картину боя. Рассказ о сражении поэт вложил в уста участника боев – солдата, что придает стихотворению волнующую силу и убедительность[381].

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана
Ведь были ж схватки боевые.
Да, говорят, еще какие!
Не даром помнит вся Россия
Про день Бородина!»
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
– И умереть мы обещали,

И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой[382].

Прошлое русского народа, которое живет в памятниках Москвы, сочетаясь с образами народного творчества, нашло воплощение в поэме «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». «„Песня“, – писал Белинский, – представляет собою факт о кровном родстве духа поэта с народным духом…»[383]

Жизнь в Москве – в сердце России укрепила эту внутреннюю связь поэта с народом.

Лермонтов певец героической Москвы.

Два года спустя после «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» в поэме «Сашка» Лермонтов снова возвращается к Москве и с глубоким чувством воспевает свой любимый родной город и его героическую судьбу:

Москва, Москва!., люблю тебя как сын.
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Помериться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул – он упал!
Вселенная замолкла… Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.

В дни Великой Отечественной войны советского народа, когда фашисты угрожали Москве, ее верный сын Лермонтов был вместе с нею. По Москве был расклеен плакат «Бородино», и голос Лермонтова звучал, как голос нашего современника.

Иллюстрации

М. Ю. Лермонтов. Портрет маслом П. Заболотского. 1837 г. Третьяковская галлерея. Москва.

Е. А. Арсеньева, бабушка поэта. Портрет маслом неизвестного художника, начало XIX в. Литературный музей. Москва.

Лермонтов в детстве. Портрет маслом неизвестного художника. Институт литературы. Ленинград.

Дом Костомаровой на Поварской. Здесь жил Лермонтов – воспитанник пансиона. Реконструкция Б. С. Земенкова по чертежам Городского исторического научно-технического архива – 1946 г. Акварель. Собственность художника. Публикуется впервые.

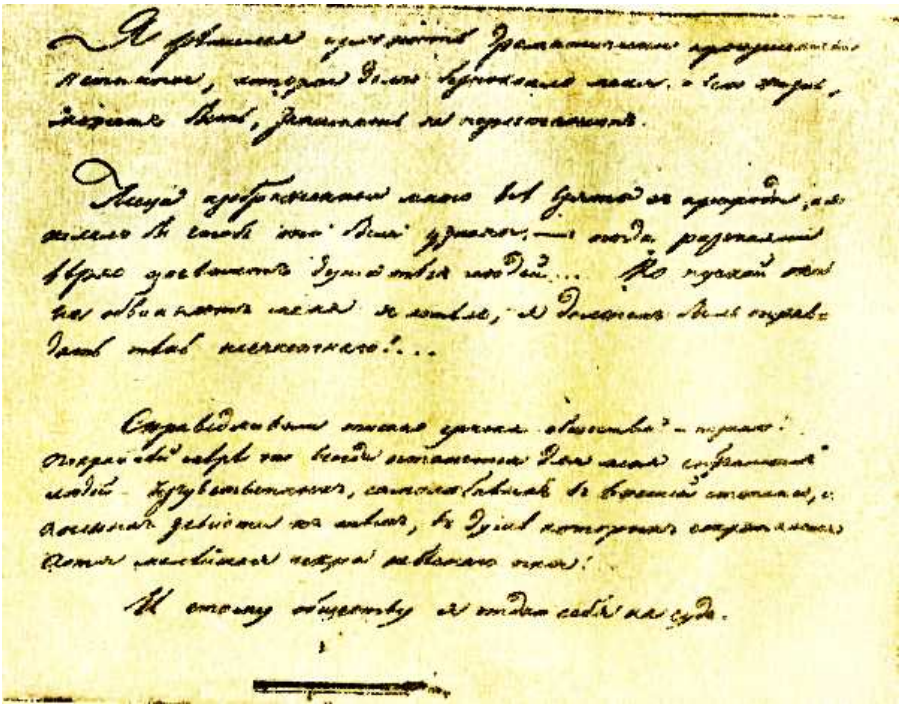
Ребенок тянется к матери. Рисунок Лермонтова. 1829 г. Принадлежал отцу поэта. Институт литературы. Ленинград.

Ю. П. Лермонтов – отец поэта. Фотография с утраченного портрета. Институт литературы. Ленинград.

Московский университетский благородный пансион. Реконструкция Б. С. Земенкова по чертежам Городского исторического научно-технического архива, 1941 г. Акварель. Литературный музей, Москва.

Дом Поливановых на Большой Молчановке. Реконструкция Б. С. Земенкова по чертежам Городского исторического научно-технического архива. 1946 г. Акварель. Собственность художника. Публикуется впервые.

Тверской бульвар. Литография А. Кадолля. Около 1830 г. Исторический музей. Москва



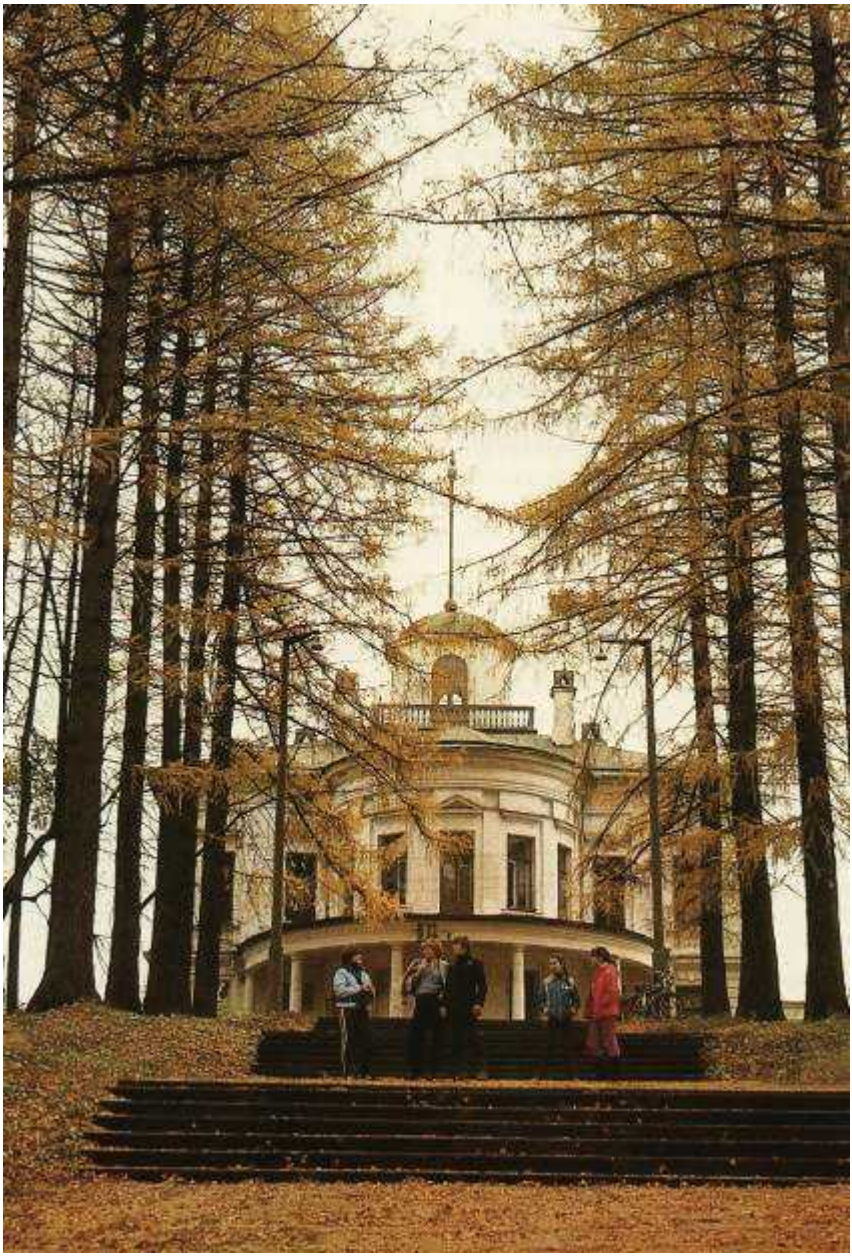
«Странный человек». Автограф Лермонтова. Институт литературы. Ленинград

Охотный ряд. Московское благородное собрание. Литография

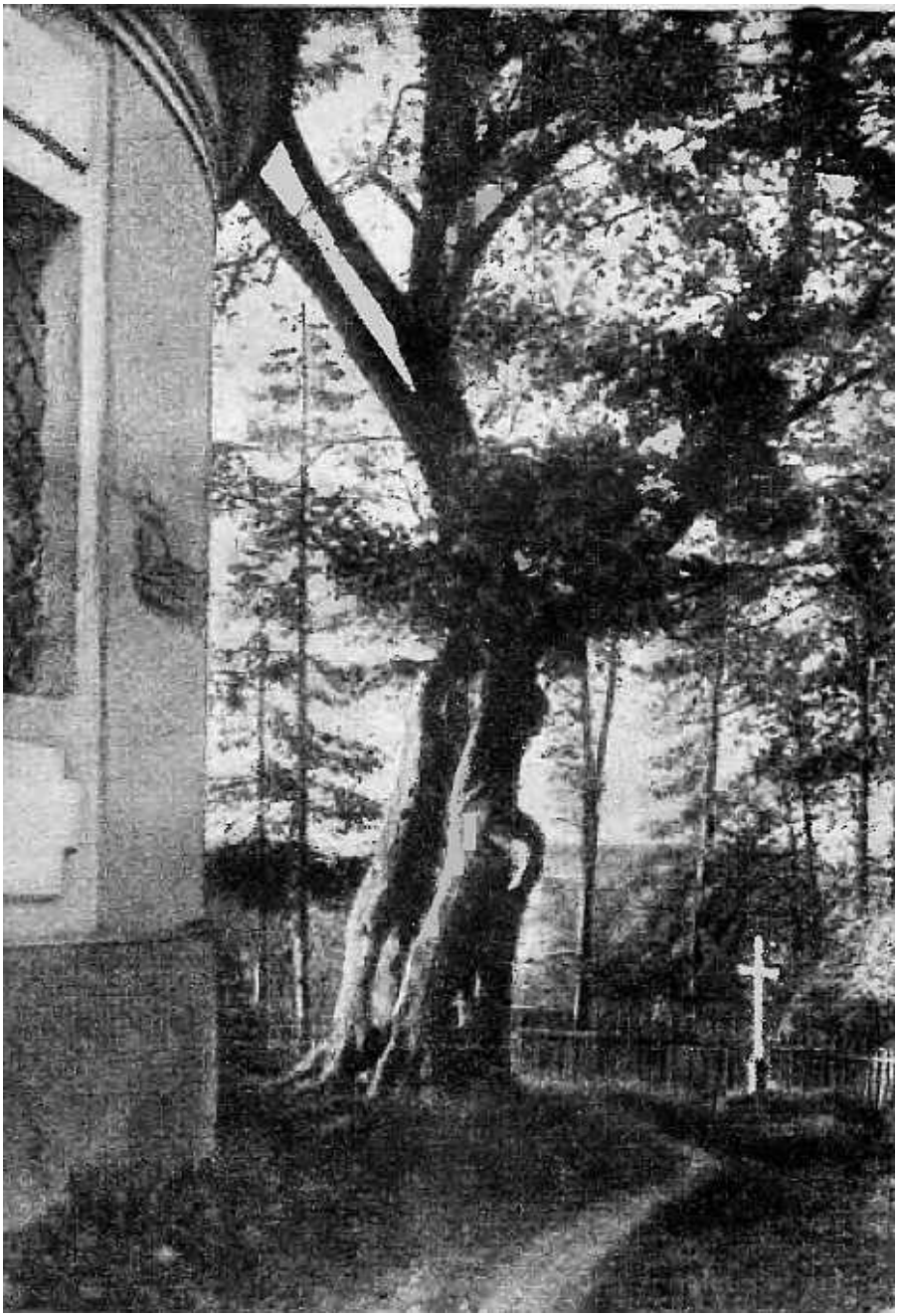
Гедена с рисунка С. Дица. 1840-е годы. Исторический музей. Москва.

Е. П. Сушкова (До до). Акварель П. Соколова. Институт литературы. Ленинград.

Н. Ф. Иванова. Рисунок Бинемана. Институт мировой литературы им. Горького. Москва.



Середниково. Дом со стороны парка. Фотография. Литературный музей, Москва



Середниково. Вяз Лермонтова. Фотография. Литературный музей. Москва.

Е. А. Сушкова. Миниатюра 30-х гг. Институт литературы. Ленинград.

В. А. Лопухина. Акварель Лермонтова. 1835 г. Институт литературы. Ленинград.

Лермонтов-студент. Портрет маслом П. Заболотского. 1831-1832 гг. Институт литературы. Ленинград.

Рисунок Лермонтова. 1832-1834 гг. Институт литературы. Ленинград.

М. Г, Павлов. Портрет маслом неизвестною художнике. Исторический, музей. Москва.

С. Е. Раич. Портрет работы Кавелина. Фототипия в «Альбоме пушкинской выставки». Москва. 189? г.

notes

1

Из письма Н. К. Крупской в музей «Домик Лермонтова» в Пятигорске от 7 мая 1938 года. М. Ф. Николева. М. Ю. Лермонтов, Пятигорск, 1940, стр. 136.

2

М. Горький. История русской литературы. М-, 1939, стр. 160 и 165.

3

В Г. Белинский – В. П. Боткину 17 марта 1842 года – В. Г. Белинский. М. Ю. Лермонтов, Л., 1940, стр. 239.

4

Ныне Абельмановскую.

5

Угол Садовой-Спасской улицы. Дом не сохранился.

6

Ст. стиль.

7

Она же Апраксеевна.

8

Ф. Ф. Майский. Лермонтовские места в Москве. «Литературная газета» № 15 от 13 апреля 1941 г.

9

«Путеводитель в Москве, изданный Сергеем Глинкою». М., 1824. «Краткая топографическая и статистическая таблица Москвы», стр. 58-59.

10

Дом не сохранился. На его месте дом № 24 по улице Воровского.

11

По соседству с Тарханами.

12

Аким Шан-Гирей – двоюродный брат Лермонтова, на четыре года младше его.

13

М. Ю. Лермонтов. Поли, собр. соч., М.-Л., 1935-1937, т. V, стр. 361.

14

Дом не сохранился. На его месте дом № 26 по улице Воровского.

15

Дом не сохранился. На его месте, на улице Горького, здание Центрального телеграфа.

16

Н. Л. Бродский. Московский университетский благородный пансион эпохи Лермонтова. «М. Ю. Лермонтов. Статьи и материалы». Отдел рукописей Гос. библиотеки имени В. И. Ленина, М, 1939, стр. 3.

17

«Красный архив», т. 38, 1930, стр. 141.

18

Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина. Собр. автографов Лермонтова, № 352/8.

19

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. III, стр. 389.

20

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 362.

21

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 131.

22

Портфель.

23

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 362.

«Исторический вестник», т. 74, 1898, стр. 395.

25

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I стр. 232.

26

Е. А. Ладыженская. Замечания на «Воспоминания Е. А. Хвостовой». В кн. Е. Сушкова. Записки, 1928, стр. 331.

27

О значении юношеских тетрадей Лермонтова, как биографического документа, писали С. С. Дудышкин и П. А. Вископатый: С. С. Дудышкин. Ученические тетради Лермонтова. «Отечественные записки» № 7 и 11 за 1859 г.; П. А. Висковатый. М. Ю. Лермонтов, М-, 1891, стр. 44 и след.

28

Б. М. Эйхенбаум. Комментарии и варианты. М. Ю. Лермонтов. Соч., т. 1, стр. 417.

29

Тетрадь 2-я Пушкинского дома.

30

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр, 348.

31

Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов, т. I, М., 1945, стр. 113.

32

Н. В. Сушков. Московский университетский благородный пансион, М., 1859, стр. 57.

33

Николаю Николаевичу Раевскому.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 7.

35

Это стихотворение привлекало внимание Лермонтова. Первую строфу он использует в дальнейшем для стихотворения, обращенного к Н. Ф. Ивановой: «Когда твой друг с пророческой тоской…»

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 8.

К. Н. Батюшков. Стихотворения, Л., 1941, стр. 124.

«Стихотворения Пушкина». СПБ., 1826.

39

«Галатея» № 1 за 1829 г.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 41.

41

Там же, стр. 6.

К. Рылеев. Полн. собр. соч., Л., 1934, стр. 200.

43

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. 1, стр. 44.

Там же, стр. 51.

45

Тетрадь 3-я Пушкинского дома.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 57.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. III, стр. 61.

48

Против морали.

49

Дом № 2 по М. Молчановке.

50

При Лермонтове дом со двора, как и с улицы, был одноэтажный; антресоли надстроены позднее. Направо был низенький кривой заборчик, а в глубине двора – флигель и конюшня, только не каменные, как теперь, а деревянные. Эти сведения о доме, где жил Лермонтов, сообщил мне П. В. Сытин. – Т. И.

51

Дом № 11/2 по Б. Молчановке. Декоративный облик дома не сохранился. Сведения о доме Лопухиных сообщил мне покойный Н. П. Чулков. – Т. И.

52

Дом № 8 по Б. Молчановке. Декоративный облик дома не сохранился. Сведения о доме Поливановых сообщил мне Б. С. Земенков. – Т. И.

Мария Лермантова.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 172 и 471.

55

Подарок на память.

56

Альбом Н. И. Поливанова. Пушкинский дом. Ф. 524, оп. 1, № 41.

Софья и Варвара.

58

М. Ю. Лермонтов. Странный человек. Соч., т. IV, стр. 211.

59

М. Ю. Лермонтов. Странный человек. Соч., т. IV, стр. 210.

Тетради 5, 6, 7, 8-я Пушкинского дома.

61

«Люди и страсти». Тетрадь хранится в библиотеке имени Салтыкова Щедрина.

Тетрадь 5-я.

63

А. М. Верещагина – Лермонтову. 18 августа [1835 г.]. М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 570.

Тетрадь 6-я.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 67.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 486.

67

Томас Мур – автор биографии Байрона, которая вышла в Лондоне в 1830 году.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 350.

Там же, стр. 96.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 128.

71

Там же, стр. 106.

Тетрадь 7-я.

Тетрадь 8-я.

74

Королевский замок в Эдинбурге, куда бежал из Франции Карл X.

75

А. И. Герцен. Былое я думы. Полное собр. соч., т. XII, стр. 125.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 146.

Там же, стр. 162.

78

Хранится в Пушкинском доме, оп. 1, № 46.

79

Тетради 10, 11, 4-я Пушкинского дома.

80

Тетрадь 10-я Пушкинского дома.

81

«Новая Элоиза» – роман Жан-Жака Руссо, «Страдания молодого Вертера» – Вольфганга Гете.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 351.

83

Тетрадь 11 – я.

Тетрадь 4-я.

85

Тетрадь 18-я Пушкинского дома, оп. 1, № 19.

1660-1707 годы.

87

Материал о Паткуле предоставлен мне Н. А. Любович. – Т. И.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 140.

89

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. 1, стр. 237. Сохраняю транскрипцию автографа без деления на два четверостишия, как это ошибочно принято делать в изданиях сочинений Лермонтова. – Т. И.

«Московский телеграф» № 11 за 1830 год, стр. 389.

91

Герои драм Шиллера «Коварство и любовь» и «Разбойники».

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 364.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 201.

Там же, стр. 209.

95

Большой театр при Лермонтове назывался Петровским, а вся площадь – Петровской.

М. Ю. Лермонтов. Панорама Москвы. Соч., т. V. стр. 344.

Н. Л. Бродский. Московский университетский благородный пансион эпохи Лермонтова. «М. Ю. Лермонтов. Статьи и материалы». М-, 1939 г.

Тетрадь 7-я Пушкинского дома.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 457.

№ 11 и 12, 1830.

101

Н. П. Огарев. Соч., т. I, Л., 1937, стр. 322.

102

А. С. Грибоедов. Полное собр. соч., т. II, 1913, стр. 18.

103

А. С. Грибоедов. Полное собр. соч., т. II, 1913, стр. 34.

Там же, стр. 35.

105

А. С. Грибоедов. Полное собр. соч., т. II, стр. 33.

106

И И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1928. стр. 200-202.

107

П. А. Вяземский. Заметка из воспоминаний. Полное собр. соч., т. VII, 1882, стр. 170.

«Екатерининский паж (Из записок А. А. Башилова)». «На новый год. Альманах в подарок читателям „Москвитянина“». М., 1850; «Молодость А. А. Башилова», «Заря» № 12 за 1871 г., СПБ.

109

А. С. Грибоедов. Полное собр. соч., т. II, 1913, стр. 26.

110

Пасынок Наполеона.

111

П. А. Вяземский. Воспоминания о Булгаковых. Полное собр. соч., т. VII, 1882, стр. 189.

112

П. А. Вяземский. Очерки Москвы. Стихотворения. М, 1944, стр. 46.

113

«Из писем А. Я. Булгакова к его брату». 5 февраля 1831 года. «Русский архив», вып. 1, 1902, стр. 51.

«Остафьевский архив», т. III, СПБ-, 1899, стр. 5.

115

«Из писем А. Я. Булгакова к его брату». «Русский архив», 1901, вьш. 3, стр. 294.

116

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 184.

117

Там же, стр. 224-225.

118

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 148.

119

Улица Горького (бывш. Тверская), дом № 14. Дом перестроен.

120

«Из писем А. Я. Булгакова к его брату». 3 января 1827 г. «Русский архив», вып. 9, 1901, стр. 6.

121

«Из писем А. Я. Булгакова к его брату». «Русский архив», вып. 1, 1902, стр. 43, 45.

122

«Москва, или исторический путеводитель», М., 1831, ч. III, стр. 38.

В то время она называлась Петровской.

124

А. С. Пушкин. Полное собр. соч., М., 1938, т. VI, стр. 324.

125

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 255.

126

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 253.

127

«Северная пчела» от 4 января 1830 года.

128

П. А. Вяземский. Старая записная книжка. Соч., т. X. СПБ., 1886, стр. 3.

129

Директор пансиона.

130

«Из писем А. Я. Булгакова к его брату». «Русский архив», вып. 11, 1901, стр. 303.

131

Теперь улица Кирова.

132

М. П.(огодин). Два слова о Университетском благородном пансионе. «Московский вестник» № 19-20 за 1828 г., стр. 381-382.

133

«Я очень люблю его басни». La fontaine – фонтан; Lafonteine – французский баснописец.

134

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 254.

135

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 263.

136

«Певица. П. А. Бартеневой». Июнь 1831 г. «Стихотворения Ростопчиной», т. I, 1890, стр. 11.

137

«Дамский журнал», 1832, ч. 37, № 3, стр. 47.

138

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 252.

139

Полине Бартеневой. Альбом хранился в Гослитмузее. Музей приобрел его в 1933 году в Париже. Теперь он в Пушкинском музее.

140

Двоюродная сестра Е. А. Сушковой-Хвостовой, автора «Записок».

141

Дом Пашковых. Не сохранился. На его месте дом № 12.

142

Н. П. Огарев. Отступнице. (Посвящено гр. [Ростопчино]й). «Стихотворения и поэмы», т. I, 1937, стр. 200.

143

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 252-253.

144

Н. П. Огарев. Отступнице. (Посвящено гр. Р[остопчино]й). – «Стихотворения и поэмы», т. I, 1937, стр. 200.

145

Сборник: «Декабристы», изд. «Прибой», Л., 1926, стр. 7-8.

146

Тетрадь 4-я, листы 14 об. – 17.

147

Тетрадь 11-я, листы 28 об. – 29.

148

«Отринутому поэту»-«Стихотворения Ростопчиной», т. I, 1890. стр. 16-17.

149

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. II, стр. 118.

«Стихотворения Ростопчиной», т. I, 1890, стр. 83 и 84.

151

«Пустой альбом». – «Стихотворения Ростопчиной», т. II, 1857, стр. 87.

Н. П. Огарев. Соч., т. I, 1937, стр. 203.

153

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 251.

Там же, стр. 250.

155

Там же.

156

Б. В. Неймаи. Одна из воспетых Лермонтовым. «Русский библиофил» № 8 за 1916 год.

157

Ираклий Андроников. Загадка Н. Ф. И., жури. «Пионер» № 2 за 1938 год. Андроиикашвили. К биографии М. Ю. Лермонтова. «Труды Тифлисского гос. университета», т. I, 1936. Ираклий Андроников. Новые разыскания, 1948.

158

Н. В. Сушков. Московский университетский благородный пансион, М., 1859, стр. 94.

Н. Ф. Иванова на год старше Лермонтова.

160

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 70 и 182. Стихотворение «Романс к И…» написано на небольшом листке из не сохранившейся тетради. На обороте расположено стихотворение, датированное 1830 годом. Нам непонятны мотивы, на основании которых данное стихотворение в томе I Полного собрания сочинений Лермонтова, М.-Л., 1936, как и в томе I, М., 1947, датируется 1831 годом. – Т. И.

161

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 331.

162

Там же, стр. 343.

163

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 190.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 70 и 71.

165

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 190.

166

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 202.

167

По случаю.

168

Неиссякаемый источник.

169

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 505 и 366.

170

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 183.

171

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. 1, стр. 183.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 186, см. также стр. 206.

173

Там же.

174

Тетради 11-я и 4-я Пушкинского дома.

175

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 211.

176

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I. стр. 213.

177

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 214 и 215.

Там же, стр. 221 и 484.

179

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 223 и 234.

Там же, стр. 225.

«Настанет день», «Песня» («Желтый лист о стебель бьется»), «Силуэт».

182

М Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 238.

183

Тетрадь 4-я Пушкинского дома.

184

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 249.

185

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 326.

Там же, стр. 249.

187

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I стр. 348.

188

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 195.

189

М. Ю. Лермонтов Сочт. I, стр. 354.

190

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 338-339.

191

М. Ю. Лермонтов. Романс. Соч., т. I, стр. 343. См. также «Время сердцу быть в покое…», т. I, стр. 331-332.

192

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 353.

193

Отклик на это имеется и в «Герое нашего времени», Соч… т. V, стр. 257. «Воспоминание о Лермонтове». Из записок А. Меринского в кн. Екатерина Сушкова. Записки. СПБ., 1870. стр. 195.

194

«Из нисем А. Я. Булгакова к его брату». «Русский архив», вып. 2, 1992, стр. 273.

195

Там же, вып. 11, 1901. стр. 298.

196

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I. стр. 251.

197

А. С. Пушкин. Ответ анониму. Соч., т. II, 1949, стр. 131.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. II, стр. 15.

199

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 193.

200

Теперь – санаторий «Мцыри», ст. Фирсановка, Октябрьской ж. д.

201

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 363.

202

Стихотворение «Вечер после дождя».

203

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 110.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 129 и 89.

205

М. Ю. Лермонтов. Кладбище. Соч., т. I, стр. 118.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 183 и 472.

207

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 190.

208

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 48-49.

209

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 49.

210

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 120 и 453. Грандисон – герой сентиментального английского романа XVIII века «История кавалера Грандисона», соч. Ричардсона.

211

М. Ю. Лермонтов. Соч. т. I, стр 94 и 163.

212

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 188 и 474.

213

Эта книга среди нескольких десятков других книг библиотеки Столыпиных до последнего времени хранилась в санатории «Мцыри».

214

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 404.

215

Альбом Марии Михайловны Лермонтовой. Ленинград. Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина. 1938/656.

216

Умер 7 мая 1825 г.

217

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 184.

218

М. Ю. Лермонтов. Соч… т. IV, стр. 402.

219

Из рассказов колхозницы деревни Лигачево Прасковьи Степановны Афониной 6 сентября 1944 г. Записано мной. – Т. И.

220

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 403 и 402; тетрадь 6-я Пушкинского дома, л. 22 об.

221

А. Терновский. Храм св. Алексия митрополита в селе Середникпве. Московского уезда. М… 1908. стр. 52.

Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов. М., 1945, стр. 224.

223

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 108.

«Oeuvres de Charles Nodier», 1832, 3-е изд., стр. 129.

225

Ираклий Андроников. Лермонтов. Новые находки, 1948, стр. 106.

«Московское дворянство в 1812 году». М… 1912, стр. 289.

227

А. Терновский. Храм св. Алексия митрополита в селе Середникове, Московского уезда. М., 1908, стр. 31.

228

Об А. Г. Столыпиной см. «Лермонтов и его родня по документам архива А. И. Фнлософова». Публикация А. Михайловой. – «Литературное наследство» № 45-46, «М. Ю. Лермонтов», т. II, М., 1948.

229

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 20.

230

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 28 и 428.

231

М. Ю. Лермонтов. Соч… т. I, стр. 126 и 454-455.

232

М. Ю. Лермонтов. Письмо М. А. Лопухиной. 23 декабря 1834 года. Соч., т. V, стр. 526.

233

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 128.

«Русский вестник», т. XI. 1857, сентябрь.

235

До этого была только маленькая заметка М. Н. Лонгинова. «Русский вестник», т. IX, 1857; «Современная летопись» № 1, июнь, «Смесь».

Кн. VIII и IX, 1869.

237

Е. А. Ладыженская. Замечания на «Воспоминания Е. А. Хвостовой». «Русский вестник», кн. 1, 1872, см. в кн. Екатерина Сушкова. Записки, Л., 1928, стр. 307.

238

А. Н. Пыпин. Лермонтов. – Лермонтов, Соч., т. I, СПБ., 1873, стр. XIX.

239

Павел Висковатый. По поводу «Княгини Лиговской». «Русский вестник» № 3 за 1882 г. Роман Лермонтова «Княгиня Литовская» был опубликован в № 1 того же журнала.

240

М. Ю. Лермонтов – А. М. Верещагиной (Петербург, весна, 1835), М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 527 и 528.

241

Е. А. Ладыженская. Замечания на «Воспоминания Е. А. Хвостовой». В кн. Екатерина Сушкова. Записки. Л., 1928, стр. 331.

242

Павел Висковатый. – По поводу «Княгини Литовской», «Русский вестник» № 3 за март 1882 года, стр. 335.

243

М. Ю. Лермонтов. «К С.». Соч., т. I, стр. 140.

Там же, стр. 459.

245

Екатерина Сушкоза. Записки. Л. 1928, стр. 113.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 141.

247

Там же, стр. 157 и 148 на сюжет вымышленного ею романа, рисует себя музой-вдохновительницей поэта.

Так ли?

249

Павел Висковатый. По поводу «Княгини Литовской». «Русский вестник» № 3 за март 1882 г., стр. 334.

250

А. Столыпин. Средниково. «Столица и усадьба» № 1 за 1914 г., стр. 3.

251

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 526.

252

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 355.

253

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 357.

Там же, стр. 358.

255

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 141.

Там же, стр. 359.

257

Там же, стр. 361.

258

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 366.

259

Там же, стр. 367.

260

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 369-370.

261

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 143.

262

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 373.

263

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 368.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 512 и 513.

265

Там же, стр. 569.

Там же, стр. 520.

267

М. Ю. Лермонтов, Соч., т. V, стр. 524.

268

А. П. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. В кн. Екатерина Сушкова. Записки, Д., 1928, стр. 369.

269

М. Ю. Лермонтов, Соч., т. V, стр. 526.

Там же, стр, 529.

271

А. П. Шан-Гирей. М. Ю. Лермонтов. В кн. Екатерина Сушкова. Записки, Л., 1928, стр. 383.

Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. № 352/3.

М. Ю, Лермонтов. Соч., т. II, стр. 89 и 90.

Н. Пахомов. Живописное наследство Лермонтова. «Литературное наследство» № 45-46. «М. Ю. Лермонтов», т. II, М., 1948, стр. 106.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. II, стр. 83.

П. А. Висковатый. М. Ю. Лермонтов, М., 1891, стр. 291.

277

Н. Л. Бродский. Святослав Раевский, друг Лермонтова. «Литературное наследство» № 45-46. «М. Ю. Лермонтов», т. II, М., 1948.

М. Ю. Лермонтов. Исповедь. Соч., т. III, стр. 107.

279

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. VI, стр. 194.

280

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, сто. 192, 183.

281

Там же, стр. 211.

Там же, стр. 207.

283

Там же, стр. 244.

284

В. Г. Белинский – родителям. 17 февраля 1831 г. «Письма», т. I, стр. 30, 31.

285

М. Ю. Лермонтов Соч., т. IV, стр. 130 и 131.

286

А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собр. соч., т. XII, стр. 18.

287

Н. П. Огарев. Памяти Рылеева. – «Стихотворения и поэмы», т. I, 1937, стр. 232-233.

288

Фон.

289

А. И. Герцен. Письма к будущему другу. Лондон. 1864 год. Полное собр. соч., т. XVII, стр. 97.

290

А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собр. соч., т. XII, стр. 54.

291

Н. П. Огарев. Исповедь лишнего человека. Соч., т. 51, 1938, стр. 273.

292

А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собр. соч., т. XII, стр. 74.

293

Там же, стр. 99.

Там же, стр. 127.

295

Н. П. Огарев. С моей измученной душою. «Стихотворения и поэмы», т. I, стр. 19.

В. Г. Белинский. Письма, т. I, стр. 30.

А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. II, стр. 398.

«Желанье славы» Станкевича было напечатано в августовском номере журнала «Атеней» за 1830 год.

299

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 302.

300

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 245 и 246.

301

А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собр. соч., т. XII, стр. 77.

302

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, стр. 170.

303

Там же, стр. 180.

Н. П. Огарев. Тюрьма. Соч., т. II, стр. 231.

305

А. И. Герцен. Полное. собр. соч., т. XII, стр. 72.

306

К*** («Не думай, что б я был достоин сожаленья…»). Соч., т. I, стр. 124.

307

А. И. Герцен. Записки одного молодого человека. Полное собр. соч., т. II, стр. 391.

308

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. III, стр. 113, 117, 134, 135.

309

А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собр. соч., т. XII. стр. 37.

310

Н. П. Огарев. Исповедь лишнего человека. – «Стихотворения и поэмы», т. II, стр. 272.

311

Н. И. Сазонов. Литература и писатели в России. «Литературное наследство» № 41-42, 1941, «А. И. Герцен», стр. 196.

312

А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собр. соч., т. XII стр. 108.

313

Н. Д. «Студенческие воспоминания о Московском университете». – «Отечественные записки» № 9 за 1858 г., стр. 5.

314

А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собр. соч., т. XII, стр. 100.

315

В. Г. Белинский. Письма, т. I, СПб., 1914, стр. 32 и 35.

316

М. Ю. Лермонтов. Сашка. 1839 г. Соч., т. III, стр. 404.

317

М. Ю. Лермонтов. Соч… т. III, стр. 111.

318

А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собр. соч., т. XII, стр. 77.

319

Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов, М., 1945, стр. 278 и след.

320

А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собр. соя., т. XII, стр. 4.

321

Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода, статья 6. «Современник» № 9 за 1856 г., стр. 28-29.

322

Н. П. Огарев. Юмор. «Стихотворения и поэмы», т. II, стр. 28.

323

А. И. Герцен. Былое и думы. Полное собр. соч., т. XIII, стр. 208.

А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. VI, стр. 369.

325

В. Г. Белинский. Письма, 17 февраля 1831 г. СПБ., 1914, т. I, стр. 29.

326

П. Прозоров. Белинский и Московский университет в его время. «Библиотека для чтения», 1859, ноябрь, стр. 5.

327

А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. VI, стр. 383-384.

Белинский начал бывать у Станкевича с конца 1833 года.

В. Г. Белинский. М. Ю. Лермонтов, Л., 1940, стр. 124.

330

№ 20.

331

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I. стр. 171.

Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов, М… 1945, стр. 578-594. Н. Л. Бродский. Лермонтов студент и его товарищи. В сб. «Жизнь и творчество Лермонтова» М., 1941.

333

Тетрадь 3-я Пушкинского дома.

334

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. III, стр. 63-64.

335

Против морали.

336

Алексей Зиновьевич Зиновьев (1801-1884).

337

А. Н. Пыпин. Лермонтов. Лермонтов. Соч., т. I, СПБ., 1873, стр. XIX.

Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов, М., 1945, стр. 49.

339

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. III, стр. 324-325.

340

Михаил Григорьевич Павлов (1793-1840).

341

Преподаватель русского языка в Московском университетском благородном пансионе.

342

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. V, стр. 362.

343

М. Г. Павлов. Основания физики, ч. 1, изд. 2-е, стр. 43.

344

М. Павлов. О предмете физики. «Атеней» № 6, 1828 г., март.

345

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. I, 1831-го июня 11 дня, стр. 173.

346

«Памятная записка о профессорах» (издана О. Бодянским). «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете за 1860 г.», кн. 1, V. «Смесь», стр. 214-219.

347

1828-1831 годы.

348

«Атеней». 1830, февраль. Автор – Андрей Муравьев, ученик С. Е. Раича.

349

«О слоге Суворова». «Атеней». 1828, декабрь.

«Атеней», 1830, нюнь, стр. 287-307.

351

Н. Станкевич. Избранный. «Атеней», 1830, июль; Н. Станкевич. Желание славы. «Атеней», 1830, август.

352

«Атеней», 1830, сентябрь, стр. 113. Впервые установлено Н. Л. Бродским. (Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов. М., 1943). До этого первопечатным произведением Лермонтова считалась поэма «Хаджи-Абрек» (1835 г.).

353

Семен Егорович Ранч (Амфитеатров) (1792-1855 гг).

354

Тетрадь 2-я Пушкинского Дома.

Н. В. Сушков. Московский университетский благородный пансион. М., 1857.

Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов, 1945, стр. 81 и 86.

357

«Галатея» № 2 за 1829 г., стр. 78.

Там же, стр. 142.

359

Там же, стр. 144.

4 Там же, стр. 145.

361

Сочинение Вольтера.

362

К. Рылеев. Полное собрание стихотворения, 1934, стр. 309.

363

«Русский библиофил», 1913, кн. VIII, стр. 32.

Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I, стр. 74.

365

М. Ю. Лермонтов. Дума. Соч., т. II, 1838, стр. 39-40.

366

А. И. Герцен. Письма к будущему другу. Лондон, 1864, т. XVII, стр. 97.

367

В. И. Ленин. Соч., т. 18, над. 4, стр. 12, 14, 15.

Н. П. Огарев. Стихотворения и поэмы, т. I, стр. 167.

369

Там же, стр. 120.

А. И. Герцен. Полное собр. соч., т. VI, стр. 374.

371

В. Г. Белинский. Стихотворения М. Лермонтова. «М. Ю. Лермонтов», 1940, стр. 178.

372

М. Ю. Лермонтов. 1831-го июня 11 дня. Соч., т. 1. стр. 179.

М. Ломоносов. Стихотворения. Л., 1948, стр. 50.

374

Павел Висковатый. По поводу «Княгинн Лиговской». «Русский вестник» № 3 за 1882 г., март, стр. 337.

375

М. Ю. Лермонтов. «К***» («О, полно извинять разврат…»). 1830-1831. Соч., т. I, стр. 274.

М. Ю. Лермонтов. Соч., т. IV, стр. 277.

377

Николай Арбеньев – см. списки воспитанников пансиона. Мос. обл архив, ф. 459, д. № 4093, л. 13 об.

В. Г. Белинский. Соч… т. IX, стр. 4.

«Вестник Европы» № 13 и 14 за 1822 г.

М. Ю. Панорама Москвы. 1833-1834 гг. Соч., Т. V, стр 347.

381

Н. Л. Бродский. «Бородино» М. Ю. Лермонтова и его патриотические традиции, М.-Л., 1948. Ираклий Андроников. Глава «Бородино» в книге «Лермонтов. Новые разыскании». Л., 1948.

382

М. Ю. Лермонтов. Бородино. 1837. Соч., т. II, стр. 10 и 12.

383

В. Г. Белинский. Стихотворения М. Лермонтова. 1841 г. «М. Ю. Лермонтов», 1940, стр. 174.